

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Д. А. МАКЕЕВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ ЕГИПТА
(XIX – начало XX века)

Монография

Под редакцией профессора И. К. Лапиной

Владимир 2019

УДК 94(620)
ББК 63.3(6Еги)
М15

Рецензенты:

Доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры новой и новейшей истории
Московского педагогического государственного университета
О. А. Никонов

Доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры международного права
и внешнеэкономической деятельности
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
С. С. Новиков

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Макеев, Д. А.

М15 Интеллигенция в общественно-политическом развитии
Египта (XIX – начало XX века) : монография / Д. А. Макеев ;
под ред. проф. И. К. Лапшиной ; Владим. гос. ун-т им. А. Г.
и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 192 с.
ISBN 978-5-9984-0962-2

Отражены проблемы формирования новой (буржуазной) интеллигенции Египта в XIX – начале XX века, проанализированы ее деятельность в просветительском и реформаторском движении, участие в общественно-политической и культурной жизни египетского народа, борьбе против колониального режима и оккупации страны войсками Великобритании. Отмечено участие русской интеллигенции в зарождении гуманитарных связей между Россией и Египтом.

Может быть полезна студентам, аспирантам, преподавателям, научным работникам, а также всем интересующимся историей Египта.

Библиогр.: 70 назв.

УДК 94(620)
ББК 63.3(6Еги)

ISBN 978-5-9984-0962-2

© ВлГУ, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Вторжение наполеоновских войск в Египет в 1798 году традиционно считается начальным этапом проникновения элементов западной цивилизации во все сферы жизни этой арабской страны, повлекших глубокие культурные, общественно-экономические и политические изменения. В результате этого вторжения страна оказалась на пороге перехода от феодальных устоев традиционного общества к новым, капиталистическим отношениям. В условиях французской оккупации египетский народ впервые осознал необходимость защиты многовековых традиций собственной культуры и повседневной жизни. Египтяне не могли смириться с господством завоевателей и оказали иноземцам вооруженное сопротивление.

Под руководством Мохаммеда Али египтянам удалось завершить освободительную войну и разгромить наполеоновские войска, что способствовало формированию в египетском обществе идеи независимого развития и стремления к национальному единению. Тот факт, что Египет оставался провинцией Османской империи, во главе с наместником, назначаемым османским султаном, только усиливал национально-патриотический настрой в стране.

При правлении Мохаммеда Али (1805 – 1849) Египет стал наиболее жизнеспособным регионом всей Османской империи. Преодолевая засилье турецко-черкесской аристократии в администрации Египта, Мохаммед Али стремился освободить свою страну от устаревших форм административного и военно-политического правления и перейти к более современным формам административного устройства. Первый опыт такого управления был приобретен в условиях французской оккупации страны. Помимо модернизации системы управления регионом, Мохаммед Али стремился ослабить зависимость Египта от Стамбула.

Реформы Мохаммеда Али способствовали созданию условий для осознания египетской деловой и политической элитой необходимости модернизации хозяйственной и культурной жизни страны. В египет-

ском обществе стали зарождаться слои, ставшие социальной опорой и поддержкой реформаторскому курсу амбициозного правителя. Многие из них разделяли его идеи и видели в них стимул для мобилизации масс на борьбу за национальную самостоятельность. Восприятие достижений культуры, науки и техники европейских стран, знакомство с политическими учениями Европы – всё это оказывало влияние на формирование новых политических элит Египта, чьи интересы совпадали с новым курсом.

Реформаторские начинания паши Мохаммеда Али были продолжены его преемниками – Мохаммедом Аббасом I (1849 – 1854), Мохаммедом Саидом (1854 – 1863), особо заметные успехи были достигнуты при хедиве Исмаил-паше (1863 – 1879). Начавшийся в начале XIX века процесс европеизации Египта при преемниках Мохаммеда Али приобрел необратимый характер, что во времена колониально-оккупационного режима англичан привело к закладке основ для развития капиталистических отношений. Правление хедивов Тауфик-паши (1879 – 1892) и Аббаса II Хильми (1892 – 1914) было отмечено вовлечением страны в тесные политические, экономические и культурные связи со странами западной цивилизации, в первую очередь с Великобританией. Этот процесс сопровождался появлением новых тенденций в развитии общественной мысли Египта. Зарождение и развитие таких идей тесно увязывалось с реформаторским и просветительским движением. Распространение в Египте просветительства повлекло перемены, связанные с начавшимся разложением докапиталистических устоев и зарождением элементов капиталистических отношений. Влияние западной культуры проявилось в административном управлении, национальной культуре, в школьном и специальном профессиональном образовании. Политические интересы египетских просветителей были обусловлены проблемами культурной и экономической жизни арабской страны.

В общественно-политической деятельности представители зарождавшейся новой (буржуазной) интеллигенции зачастую оказывали влияние как на настроения соотечественников, так и на политику властей. Некоторые из них приобретали немалый авторитет в обществе, становились известными деятелями, писателями, публицистами, журналистами, юристами, учителями, врачами, политическими и духов-

ными лидерами. Все они были выходцами из разных сословий и классов: аристократии, духовенства, чиновничества, феллахов, торгово-промышленных кругов. Общее восприятие зарождавшейся интеллигенцией ценностей западной цивилизации нивелировало первоначальные различия этих слоев во взглядах на проблемы развития национального общества, экономического, политического и культурного состояния Египта.

В исторической литературе имеется немало работ, в которых отмечено воздействие западной цивилизации на египетское общество, рассмотрены особенности формирования в стране буржуазной интеллигенции, уделено внимание проводимым во времена британской оккупации и колониального режима реформам, затронувшим различные области общественно-политического, экономического и культурного развития страны. Исследователи отмечают просветительскую деятельность молодой национальной интеллигенции, ее вклад в распространение среди населения азов образования, выделяют специфику просветительской деятельности интеллигенции в условиях начавшейся вестернизации Египта. Благодаря усилиям новой интеллигенции в обществе крепили патриотические настроения, зарождалась идеология национально-освободительного движения. В исторических исследованиях нашли отражение общие проблемы формирования национальной интеллигенции Египта, отмечены ее место и роль в создании условий для развития гражданского общества и в распространении среди различных слоев населения идей прогресса и борьбы за национальную независимость.

Вместе с тем зарубежные авторы явно переоценивают влияние европейских держав на становление национальной интеллигенции в зависимых странах, в частности в Египте. Излишне преувеличено воздействие Великобритании на развитие общественной мысли и культуры, на модернизацию традиционного образования в Египте конца XIX – начала XX века.

Следует признать, что под понятием «интеллигенция» обычно принято понимать профессиональных работников интеллектуального труда, т. е. тех людей, для которых умственный труд является единственным или главным источником их существования. Культура представляется основной категорией, определяющей отношение ин-

дивидуума к разряду интеллигенции. Под понятием «культура» многие русские мыслители подразумевали систему сложной взаимосвязи философских, политических, юридических, религиозных, нравственно-эстетических, художественных и экономических идей и бытовых норм. Философ И. Л. Солоневич отмечал, что принадлежность к интеллигенции не может зависеть от социального происхождения, и, конечно, сама по себе она не едина во всех видах профессиональной деятельности и духовного творчества. Независимо от своих политических взглядов, интеллигенция является фактически духовной элитой человечества – «умственным отбором всего мира»¹. Известный русский историк В. О. Ключевский в заметках «Об интеллигенции» писал: «...назначение интеллигенции – понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа». Интеллигенции принадлежит роль творца интеллектуальных и духовных ценностей национального общества. Национальному интеллигенту, писал Ключевский, для понимания родной жизни «нужно знать еще нечто кроме нее»². В. И. Ленин утверждал: «Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»³. Крупный специалист в области интеллигентоведения, доктор философских наук, профессор В. М. Межуев отмечал, что интеллигент всегда выполняет в обществе функцию носителя и пропагандиста определенной системы знаний и идей и, как правило, заимствует их из источников западной цивилизации. В качестве политика, по признанию В. М. Межуева, интеллигент опасен, «так как он склонен отождествлять власть с собственной идеологией»⁴. По своему составу интеллигенция весьма разнообразна, и эти черты проявляются в любом обществе – России, европейских государств, стран Востока. Высказывания и рассуждения видных представителей общественной мысли о месте и роли интеллигенции в национальном обществе полезны при анализе проблем общественно-политического и культурного развития Египта XIX – XX веков.

¹ Солоневич И. Народная монархия. М., 2002. С. 582 – 583.

² Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 298 – 299, 308.

³ Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343.

⁴ Меметов В. С. Философия, интеллигенция и власть // Интеллигенция и мир. 2012. № 3. С. 152.

В Египте национальная интеллигенция в качестве самостоятельной социальной группы заявляет о себе с середины XIX века и становится выразителем сознания и настроений большинства египетского общества. В рецензии на книгу востоковеда В. В. Черновской, посвященной анализу генезиса египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX века, исследователь В. И. Максименко отметил схожесть процессов появления интеллигенции в России и Египте. В обеих странах, отмечал ученый, формирование интеллигенции шло «на социально-экономической базе универсального по своим предпосылкам капитализма, развивающегося не спонтанно, а на внутренней национальной основе, получающего импульсы, прежде всего извне, из центров передового капиталистического развития, и своими идейно-культурными влияниями пробуждающего в странах «периферии» новое общественное сознание, которое уже в силу своего происхождения неизбежно отягощено комплексом «отставания» и, стало быть, «догоняющего» либо, наоборот, «самобытного» развития»⁵.

Египетская интеллигенция как особая социокультурная группа взяла на себя обязательства быть хранительницей культурно-исторических традиций нации. Культура, наряду с политикой, по мнению философа-востоковеда Б. С. Ерасова, представляла «основу для утверждения не только национального, но и цивилизационного противостояния Западу и самостоятельности в глобальных процессах»⁶. С переходом страны на капиталистический путь развития традиционная интеллигенция утрачивала определяющую роль в идеологической жизни общества. На смену ей шли новые слои интеллигенции, находившие опору в промежуточных слоях населения, отрывавшихся от традиционного общества, но еще не нашедших места в новом обществе. Объективные условия социального развития Египта

⁵ Максименко В. И. Рец. на книгу: В. В. Черновская. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. // Народы Азии и Африки. 1980. № 4 ; См. также: Хорос В. Г. Интеллигенция и «народнические» тенденции в современном национально-освободительном движении // Средние слои городского общества в странах Востока / отв. ред. В. Ф. Ли. М., 1975. С. 259 – 273 ; Белолипецкая Н. А. Формирование национальной идеи в Египте и ее восприятие англичанами (1882 – 1923 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.05.2016).

⁶ Ерасов Б. С. Теоретическое культуроведение в системе наук о «третьем мире» // Народы Азии и Африки. 1989. № 3. С. 48 ; *Его же*. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1982.

сделали бесперспективным идеологическое доминирование старой интеллигенции над обществом. Выразителем новых тенденций развития общества постепенно становилась интеллигенция нового (буржуазного) типа. Эти идеи были поддержаны многими представителями мусульманской интеллигенции, которые начинали отходить от мусульманской реформации и идеалов панисламизма.

Теоретический анализ проблем социально-культурного наследия и духовно-культурного сознания обществ мусульманского мира, проведенный востоковедами, сохраняет свою актуальность при рассмотрении вопросов формирования и общественно-политической деятельности национальной интеллигенции стран Востока.

В формировании египетской интеллигенции прослеживается ряд специфических черт. В национальном обществе интеллигент (гуманист и либерал) воспринимался как критически мыслящая личность, просветитель, пропагандист, идеолог, партийный функционер. Такие его качества обострялись в условиях общественных кризисов и политических потрясений, в Египте – при столкновении старых, феодальных устоев, базирующихся на исламо-мусульманских ценностях, с новыми, проникавшими в страну со стороны Запада, капиталистическими отношениями и соответствующими им ценностями христианской цивилизации. Понятие «интеллигент» в Египте, как и в других странах Востока, воспринималось шире, чем в России и странах Запада. К интеллигенции на Востоке относили, в первую очередь, слой образованных людей, к которым причисляли педагогов, врачей, литераторов, художников, ученых, юристов, инженерно-технических специалистов, деятелей искусства и культуры. К разряду интеллигенции относили также армейское офицерство и служащих административно-управленческих учреждений, работников почты, телеграфа и прочих сфер обслуживания, имевших образование выше начального. Монополия интеллигенции на научные и технические знания, на творчество и духовное созидание определила ее особое место в восточном обществе. Интеллигенция на Востоке, несмотря на различия в мировоззренческих взглядах среди ее представителей, становилась идеологическим лидером различных слоев населения и могла выражать их интересы в условиях зарождения новых, капиталистических, отношений.

В работах отечественных авторов, посвященных анализу состояния египетского общества, его социальной структуры в новое и новейшее время, отмечается связь антиколониальной, освободительной борьбы с мировыми событиями, роль различных классов и социальных слоев в национально-освободительном движении. В ряде исследований содержится немало фактических сведений и оценок событий и деятельности многих общественных и политических деятелей, указано своеобразие процесса формирования в Египте буржуазной национальной интеллигенции, ее идеологии. Среди работ, отразивших проблемы данной исследовательской темы, выделяется монография В. В. Черновской «Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в.» (М.: Наука, 1979). На основе широкой источниковой базы автор многоаспектно проанализировал процесс формирования современной интеллигенции Египта в XIX – первой половине XX века. В монографии отмечено понятие «интеллигенция», распространенное в арабском мире, и вскрыты исторические предпосылки не только зарождения, но и воспроизводства египетской интеллигенции. Исходным рубежом этого процесса, как признает автор, стали реформы Мохаммеда Али.

Английская оккупация с 1882 года внесла коррективы в социально-экономическое развитие Египта, что ускорило уже обозначившийся процесс формирования буржуазной интеллигенции. Капитализация страны содействовала обособлению интеллигенции в самостоятельный социальный слой, представленный преимущественно лицами интеллектуального труда, обладавшими профессиональным образованием и специальными знаниями в сферах права, политики, науки, техники, агрокультуры, здравоохранения, образования, культуры и искусства. Историк В. В. Черновская акцентирует внимание на отличительных чертах нового социального слоя Египта, также отмечая участие интеллигенции в просветительстве и развитии общественной мысли, в патриотическом просвещении широких масс национального общества. Автор уделила особое внимание роли интеллигенции в мобилизации масс при выступлениях против колониального режима, за ликвидацию тирании и деспотии компрадорских властей, проведение конституционных реформ. В монографии и некоторых других исследованиях В. В. Черновская рассматривает проблему формирования

офицерского корпуса национальной армии и его принадлежности к новой интеллигенции, принявшей участие в национально-освободительном движении Египта нового и новейшего времени. Автор отмечает состав, структуру и динамику численности египетской интеллигенции, социально-классовое положение отдельных ее профессиональных групп, а также дает характеристику общественно-политической деятельности интеллигенции⁷.

Авторы ряда работ, посвященных проблемам новой истории Египта, отмечали, что знакомство с революционно-освободительными идеями европейских стран побуждало национально-патриотические слои Египта на выступления против тирании турецкого султана и колониального порабощения капиталистическими державами Европы. Националисты нередко прибегали к методам террора и вооруженному сопротивлению. Исследователи выделяют роль армейской интеллигенции (офицерства) в возникновении национально-освободительного движения Египта. Эти проблемы нашли отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей⁸. Так, например, немецкий историк Лотар Ратман обратил особое внимание на роль нового офицерства египетской армии в национально-освободительном движении 1879 – 1882 годов и патриотическом выступлении египетской армии, в ходе которого, и особенно во время восстания 1881 – 1882 годов, проявилось осознание армейским офицерством и радикальной интеллигенцией взаимосвязи их интересов и всего общества в борьбе про-

⁷ Черновская В. В. Офицерский корпус Египта как социальная группа (1850 – 1952) // Народы Азии и Африки. 1975. № 3 ; *Ее же*. Египетская интеллигенция в первой половине XX в. (численность, состав, структура и социально-классовое положение) // Народы Азии и Африки. 1976. № 3 ; *Ее же*. Интеллигенция и рабочий класс Египта в первой половине XX в. // Народы Азии и Африки. 1977. № 3 ; *Ее же*. Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М. : Наука, 1979. 162 с.

⁸ История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М. : Наука, 1976. 634 с. ; Кошелев В. С. Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879 – 1981). Минск : Университетское, 1984. 206 с. ; *Его же*. Из истории антибританских организаций в Египте (1870 – 1924) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1 ; *Его же*. Египет от Ораби-паши до Саада Заглула, 1879 – 1924. М. : Наука, 1992. 287 с. ; Кильберг Х. И. Восстание Араби-паши в Египте. Антибританское национально-освободительное движение в Египте в 1879 – 1882 гг. М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 185 с. ; Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М. : Наука, 1970. 352 с. ; Севортян Р. Э. Армия в политическом режиме стран современного Египта. М. : Наука, 1973. 168 с.

тив внутренней реакции и внешних противников национальной независимости⁹.

В диссертационном исследовании М. А. Грибкова отражено положение египетской армии в условиях колониального режима, отмечено участие армейской интеллигенции в общественной и политической жизни страны в последней трети XIX столетия¹⁰. Автор признает достаточно высокий политический авторитет офицерства в египетском обществе, что отчетливо проявилось во время армейского восстания 1881 – 1882 годов. В ходе восстания армия смогла окрепнуть и превратиться в авторитетную политическую силу, способную оказывать сопротивление военной интервенции со стороны иностранных держав, выступать против соглашательства и капитулянтской политики хедивских властей.

Чешский публицист Дезидер Гальский увидел в выступлениях египетского офицерства во главе с полковником Ахмедом Ораби-пашой, потребовавшим от хедива отстранения министров-европейцев из кабинета Нубар-паши, одно из первых проявлений патриотических выступлений египетской армии. Армейское выступление могло вскоре приобрести общенациональный характер, так как к нему присоединились феллахи, средние и низшие слои города, учащиеся и национальная интеллигенция. Последующие события, связанные с попытками осуществления реформ в управлении государством и в социальной сфере, подтвердили способность армейского офицерства быть лидером всего населения страны, инициатором реформ и патриотических выступлений. Руководитель армейского восстания, коренной египтянин Ораби-паша стал символом борьбы патриотов за освобождение Египта¹¹. Английский историк и публицист лорд Кинросс в своем труде, посвященном истории Османской империи, приводит любопытные свидетельства военной оккупации Египта англичанами. Армейское восстание Ораби-паши, по его мнению, послужило нача-

⁹ Ратман Л. Проблемы восстания 1879 – 1882 гг. в Египте // История и экономика стран Арабского Востока / отв. ред. Н. А. Аршаруни, Е. А. Лебедев. М. : Наука, 1973. С. 247 – 274.

¹⁰ Грибков М. А. Армия и общество в Египте в последней трети XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2000. 21 с.

¹¹ Гальский Д. Великие авантюры: создание Суэцкого и Панамского каналов : пер. с чеш. М., 1990. С. 261.

лом сопротивления грабительскому проникновению иностранного капитала в экономику и жизнь Египта, стало проявлением нетерпимости египетских мусульман к европейцам-колонизаторам. По его мнению, в исламе патриоты увидели средство единения в борьбе против иноверных интервентов и оккупантов¹².

Всплеск национально-патриотических выступлений под воздействием армейского восстания совпал по времени с обострением дипломатического соперничества европейских держав на Ближнем Востоке. Международный кризис 1881 – 1882 годов не только отразил состояние политической жизни Египта, но и наложил своеобразный отпечаток на формируемую национальную интеллигенцию. Эти проблемы отмечены в монографии историка Г. А. Нерсесова¹³. Борьба европейских держав за Египет, пишет исследователь, наложила глубокий отпечаток на развитие международных отношений в ближневосточном регионе вплоть до Первой мировой войны¹⁴.

Увеличение роли Египта в военно-стратегическом и коммерческом отношении в системе международных отношений не могло не сказаться на состоянии египетского общества. С одной стороны, Египет вовлекался в мировую политику, крепили его торговые и культурно-образовательные связи с Англией, Францией и другими государствами. Перед арабской страной открывались перспективы модернизации (европеизации) общественно-политической, экономической и культурной жизни. С другой стороны, естественный процесс развития страны был нарушен военной оккупацией и колониальным управлением англичан, а с усилением зависимости национальной экономики от британского капитала Египет постепенно превратился в колониальный придаток Британской империи.

Новое качество Египта со всеми вытекающими последствиями для туземного общества стало предметом изучения современников. В частности, в работе представителя российской социал-демократии Ф. А. Ротштейна, проживавшего с 1890 по 1920 год в эмиграции в Лондоне, нашли отражение проблемы захвата и английской колони-

¹² *Лорд Кинросс*. Расцвет и упадок Османской империи : пер. с англ. М., 1999. С. 592 – 595.

¹³ *Нерсесов Г. А.* Дипломатическая история египетского кризиса 1881 – 1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М. : Наука, 1979. 320 с.

¹⁴ Там же. С. 8.

зации Египта. В 1910 году он опубликовал книгу на английском языке под названием «Разорение Египта». В 1925 году эта книга была издана на русском языке под названием «Захват и закабаление Египта». В ней автор уделил внимание анализу методов и способов колонизации британцами этой арабской страны, отметил особенности зарождения национальной идеи и идеологических течений в египетском обществе. Ф. А. Ротштейн одним из первых среди зарубежных авторов обратил внимание на характер выступления египетского народа против иноземных захватчиков и колониального режима.

В работах зарубежных авторов также отражены аспекты общественной и просветительской деятельности новой интеллигенции, распространения реформаторских идей и первого опыта по созданию политических организаций и партий в Египте. Эти процессы рассматривались в контексте истории освободительной борьбы египетского народа и проблем англо-египетских отношений¹⁵.

Вместе с тем некоторые авторы преувеличивают заслугу британского колониализма в преодолении социально-политической и культурной отсталости Египта, в проведении реформ в различных областях жизни египетского народа. Британские историки утверждали, что оккупация Суэцкого канала была не только «счастливой» акцией, но и «предметом особой гордости» для англичан. Они превозносят роль и вклад британской администрации в экономическое и культурное развитие оккупированного Египта. В их работах явно прослеживается идеализация роли колонизаторов в интеллектуальном развитии египетского общества. Конечно, нельзя не согласиться с утверждениями о том, что господство британцев повлияло на появление рациональных идеологических течений в Египте. Постепенно в арабской стране распространялись идейно-политические убеждения и крепили

¹⁵ *Symons M. T.* Britain and Egypt. The Rise of Egyptian Nationalism. L., 1925 ; *Chirrol V.* The Egypt Problem. L. : MacMillan, 1927. 331 p. ; *Issawi Ch.* Egypt: an Economic and Social analysis. L., 1947 ; *Anis M. A.* A Study of the Nationalism Income of Egypt. Cairo, 1950 ; *Marlowe J.* Anglo-Egyptian Relations. 1800 – 1953. L., 1954. 139 p. ; *Sharabi Y.* Arab Intellectuals and the Formative Years 1875 – 1914. L., 1954. 139 p. ; *Landau J. M.* Parliaments and Parties in Egypt. N. Y., 1954. 212 p. ; *Safran N.* Egypt in Search of Political Community, 1804 – 1952. Cambridge, 1961 ; *Murray M. A.* The Splendour the was Egypt. L., 1962 ; *Collins R. O., Tignor R. L.* Egypt and Sudan. N. Y., 1967 ; *Tignor R. L.* Modernization and British colonial Rule in Egypt. Princeton, 1966. 912 p. ; *Mansfield P.* The British in Egypt. L., 1977. 351 p.

национально-патриотические силы для борьбы за суверенное развитие. Некоторые из авторов признавали, что реформы, проводимые администрацией оккупантов, были продиктованы необходимостью и преследовали цель предотвращения антиколониальных выступлений и сохранения британских позиций в оккупированной стране.

Для понимания общественных процессов в арабских странах, в том числе и в Египте, значительный интерес представляет книга арабского философа и просветителя Абд ар-Рахмана аль-Кавакиби «Природа деспотизма и гибельность порабощения». Этот труд в 1966 году был переведён на русский язык известным востоковедом З. И. Левиным. Для осознания глубоких перемен, происходивших в египетском обществе, полезны работы египетских историков и видных общественных деятелей: Абд ар-Рахмана ар-Рафии, Шухди Атыйя аш-Шафии, М.А. Хусейна, А. Амина, Р. Ас-Саида и М. Юсефа. Труды этих авторов отличаются оригинальностью анализа проблем, возникших и обострившихся в условиях английского господства в Египте, оценками участия различных классов и социальных слоев в общественной жизни и национально-освободительном движении. Основные положения работ египетских авторов основаны на изучении большого фактического и документального материала и первоисточников. В работах представлены отдельные документальные материалы и извлечения из них, позволившие авторам отразить особенности общественно-политической ситуации в Египте и отметить роль общественных организаций и политических партий, интеллигенции в общественно-политическом движении страны. Эти работы сохраняют научную значимость и сейчас, особенно при исследовании проблем участия египетской интеллигенции в зарождении и распространении идеологии национально-освободительной борьбы среди египетского народа. Авторы отмечают особенности реформаторского движения в Египте. Некоторые из них утверждают, что отдельные реформы были проведены вопреки интересам колонизаторов, указывают на преемственность в деятельности египетских реформаторов от эпохи правления Мохаммеда Али до патриотического восстания Ораби-паши, продолженной их преемниками в сложных условиях британской оккупации. Авторы подчеркивают, что основной идеей сопротивления

египетского народа в этот период была борьба за достижение конституционной реформы¹⁶.

С середины XIX века в общественно-политической жизни Египта возросла роль исламского реформаторства. В трудах арабских авторов отразились вопросы, связанные с влиянием ислама на развитие национально-освободительного движения на Арабском Востоке. В содержательном научно-аналитическом обзоре философ А. В. Сагадеев проанализировал наиболее значимые работы арабских мыслителей и ученых, посвященные проблемам мусульманского реформаторского движения и роли ислама в становлении арабского национализма, в восприятии арабским населением достижений европейской цивилизации. Исследователь обратил внимание на тот факт, что интеллектуалы Арабского Востока, несмотря на ощутимое давление со стороны европейской цивилизации в условиях иностранного господства в Египте, именно тогда осознали необходимость сохранения традиций и самобытности арабо-мусульманской культуры. Именно тогда в сознании просвещенной части общества Египта окрепла мысль о весомом вкладе арабо-мусульманской культуры в мировую цивилизацию. Арабский философ Т. ат-Тавиль писал: «Ориенталисты XIX века почти единодушно принижали роль арабов в создании человеческой цивилизации, настаивая на том, что европейская культура не обязана никому, кроме древнегреческих и римских пращуров, и утверждая, что арабы «по природе своей» не способны к творческому, самостоятельному мышлению»¹⁷. А. В. Сагадеев отметил творческий и самокритичный характер анализа арабскими учеными проблем духовно-

¹⁶ *Ар-Рафии А.* Восстание 1919 года в Египте. История национально-освободительного движения 1914 – 1921 годов : пер. с араб. М. : Изд-во иностр. лит., 1954. 432 с. ; *Аш-Шафии Ш. А.* Развитие национально-освободительного движения в Египте (1882 – 1956) : пер. с араб. В. И. Соловьева ; ред. и вступ. ст. М. Ф. Гатауллина. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 279 с. ; *Аль-Кавакиби, А. ар-Рахман.* Природа деспотизма и гибельность порабощения : пер. с араб. З. И. Левина. М. : Наука, 1964. 202 с. ; *Юсеф Д.* Английская оккупация Египта и национальное движение в 1906 – 1914 гг. Каир, 1976 (араб. яз.) ; *Ас-Саид Р.* История социалистического движения в Египте. 1900 – 1925. Каир, 1981 (араб. яз.) ; *Черемных С. А., Макеев Д. А.* Проблемы англо-египетских отношений 1882 – 1922 гг. в арабской литературе // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2016. С. 95 – 100.

¹⁷ *Сагадеев А. В.* Ислам и Арабский Восток : науч.-аналит. обзор. М., 1980. С. 21 ; *Его же.* Философское наследие мусульманского мира и современная идеологическая борьба : науч.-аналит. обзор. М. : ИНИОН, 1987. 52 с.

культурного наследия арабо-мусульманского мира и опыта его противостояния идеологической экспансии капиталистических держав.

Еще одним направлением научных изысканий стал анализ роли интеллигенции в реформаторской и культурно-просветительской деятельности. Определенный интерес представляют исследования, авторы которых анализируют взаимосвязь появления египетской буржуазии и интеллигенции с общим процессом зарождения и развития национального капитализма в Египте в период господства английских оккупантов¹⁸. Действия колонизаторов, культурные и экономические новшества стимулировали процесс адаптации египетского общества к европейским культурным ценностям, способствовали развитию новых направлений общественной мысли и формированию идеологии национально-освободительного движения Египта¹⁹. Проблемы уча-

¹⁸ *Барави Р., Улейш М. Х.* Экономическое развитие Египта в новое время : сокр. пер. с араб. Х. Селяма, Д. Юсупова ; ред. и предисл. П. В. Милоградова. М. : Изд-во иностр. лит., 1954. 299 с. ; *Исави Ш.* Египет в середине XX века (экономический обзор) : пер. с араб. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 440 с. ; *Фридман Л. А.* Капиталистическое развитие Египта (1882 – 1939 гг.). М. : МГУ, 1963. 365 с.

¹⁹ *Нестеров Ф. Ф.* Общественная мысль в Египте в период с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1968. Т. XXXII ; *Крымский А. Е.* История новой арабской литературы (XIX – начало XX в.). М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1971. 794 с. ; *Долинина А. А.* Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. Публицистика, 1870 – 1914 гг. М. : Наука, 1968. 144 с. ; *Ее же.* Египетская литература на рубеже XIX и XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ravsir.livejournal.com> (дата обращения: 15.05.2016) ; *Древятняк Е. В.* Египетская проза XX века как отражение процесса эмансипации арабской женщины // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология, социальные коммуникации. 2012. Т. 25(64). № 2, ч. 2 ; *Левин З. И.* Развитие основных тенденций общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М. : Наука, 1972. Ч. 1. 268 с. ; *Его же.* Арабские страны // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока / отв. ред. Л. Р. Полонская. М. : Наука, 1973. 488 с. ; *Котлов Л. Н.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.). М. : Наука, 1975. 323 с. ; *Раишковский Е. Б.* К проблеме изучения интеллигенции в развивающихся странах (научно-исследовательские заметки) // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975 ; *Тарвердова Е. А.* Развитие культуры в арабских странах Африки // Народы Азии и Африки. 1975. № 5 ; *Савичева Е. М.* Формирование идеологии национально-освободительного движения в арабских странах в конце XIX – начале XX века (на примере Египта). М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1990. 74 с. ; *Макеев Д. А., Черемных С. А.* Нубар-паша: представитель интеллектуальной элиты Египта второй половины XIX века // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. С. 109 – 119 ; *Макеев Д. А., Новиков С. С., Черемных С. А.* Британская колонизация административной службы Египта в 1882 – 1914 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2. С. 183 – 190 ; *Гринин Л. Е.* Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX вв.: от развитого государства к зрелому [Электронный ресурс]. URL: http://www.socionaki.ru.doklad_po_egipty_2006doc (дата обращения: 17.05.2016).

ствия египетской интеллигенции в развитии общественно-политических идей, ставших стержнем освободительного движения, отражены, например, в кандидатских диссертациях Е. М. Савичевой, А. Д. Дьяченко и М. С. Бурьяна²⁰. В докторских диссертациях историков В. С. Кошелева и В. В. Белякова затронут вопрос о роли интеллигенции в становлении общественных и культурных связей между Россией и Египтом в конце XIX – первой половине XX века²¹. Исследователи отмечали, что при участии интеллигенции и благодаря деятельности мусульманских реформаторов и просветителей Джамаль эд-Дина аль-Афгани, Мохаммеда Абдо, Мустафы Камиля и их последователей создавались предпосылки для восприятия египетским обществом современных идей и мировоззрений, что сказалось на зарождении национально-освободительной идеологии. Мусульманские концепции отражались в философских и политических взглядах египетских националистов²². Исламская вера охватывала все стороны общественной жизни, сближала интересы государственной (хедивской) власти и духовенства Египта. Такая особенность отражалась на процессе формирования новых социальных слоев и классов.

Значительный интерес при изучении процесса зарождения египетской интеллигенции, выявлении ее роли в интеллектуальном развитии национального общества представляют исследования, авторы которых анализируют роль наиболее выдающихся просветителей Египта в светском просвещении населения, а также в распространении современных знаний. Распространение реформаторских идей сопровожда-

²⁰ Савичева Е. М. Формирование и развитие идей национального движения в Египте в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984 ; Дьяченко А. Д. Британское господство над Египтом и борьба египетского народа за независимость 1882 – 1924 : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986 ; Бурьян М. С. Колониальная политика Великобритании в Египте 1918 – 1924 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

²¹ Кошелев В. С. Социально-политическая борьба и антиколониальное движение в Египте 1879 – 1924 : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988 ; Беляков В. В. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.

²² Сагадеев А. В. Проблема «национальной дипломатии» в идеологии арабского национализма // Современные идеологические проблемы в странах Азии и Африки / отв. ред. С. Н. Григорян. М. : Наука, 1970. 187 с. ; Степаняц А. Т. Мусульманские концепции в философии и политике XIX – XX вв. М. : Наука, 1982. 248 с. ; Карпачева О. В. Нерелигиозное феминистское движение и «исламский феминизм» в Египте: XX век // Восток (Oriens). 2007. № 2. С. 37 – 49 ; Али-Заде Э. А. О переводе Селима Кобейна брошюры Ахмед-бека Агаева под арабским названием «Права женщины в исламе» // Восток (Oriens). 2015. № 6. С. 151 – 157.

лось зарождением идеологии национально-освободительного движения, ростом среди населения Египта патриотических настроений²³.

Знакомству с условиями формирования египетской интеллигенции, анализу ее социально-политического участия в освободительном движении способствуют публицистические очерки и заметки современников. Особенно любопытны материалы о посещении Египта, представленные русскими литераторами и путешественниками²⁴. Воспоминания очевидцев политических событий и повседневной жизни народов Египта времен оккупационного режима содержат наблюдения и оценки действий феодально-колониальных властей, представителей Великобритании и других европейских стран, сведения об их отношениях с местным населением. В своих очерках русские путешественники отразили особенности национального характера и менталитета местных жителей, свое мнение о перспективах двусторонних отношений России с арабскими странами. М. А. Семёнова отметила, что на основе представлений русских путешественников второй половины XIX – начала XX века о Египте в российском обществе формировался образ Арабского Востока в целом. Эти очерки отличались «историко-культурной широтой охвата проблематики и включали в себя представления о политической системе и социально-экономическом развитии стран, особенностях национальной культу-

²³ *Тарвердова Е. А.* Арабские просветители – предшественники революционной демократии // Народы Азии и Африки. 1980. № 6 ; *Мартышин О. В.* Социализм и национализм в Африке (очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки). М. : Наука, 1972. 408 с. ; *Общественная мысль развивающихся стран / Р. М. Аваков [и др.].* М. : Наука, 1988. 341 с. ; *Сейранян Б. Г.* У истоков египетского национального движения: Мустафа Камиль // Восток (Oriens). 2010. № 1. С. 49 – 62 ; *Его же.* Мухаммед Абдо: творец мыслящего Египта // Восток (Oriens). 2011. № 2. С. 32 – 42 ; *Майзель С.* Саад Заглул-паша и его роль в национально-освободительном движении Египта (1860 – 1927) // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 175 – 194.

²⁴ *Елисеев А. В.* По белу свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого света : в 4 т. СПб., 1901 – 1904. Т. 1. 362 с. ; *Елпатьевский С. Я.* Египет. СПб., 1911. 214 с. ; *Забродская М. П.* Русские путешественники по Африке. М. : Географгиз, 1955. 88 с. ; *Африка глазами наших соотечественников.* М. : Наука, 1974. 319 с. ; *Данциг Б. М.* Путешествия и литература о Ближнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Ближний Восток : сб. ст. М. : Наука, 1976. 359 с. ; *Белый А.* Между двух революций: воспоминания. М. : Худож. лит., 1990. 672 с. ; *Белова Г. А., Шеркова Т. А.* Русские в стране пирамид : Путешественники, ученые, коллекционеры. М. : Алетейя, 2003. 270 с.

ры, духовной традиции и менталитета арабов-мусульман»²⁵. В литературе отмечено также участие русских эмигрантов в становлении русско-египетских культурных связей²⁶.

Информационно-энциклопедические издания содержат множество статей и сведений об историческом развитии страны, политических партиях и общественных организациях, биографические справки о государственных, политических, общественных, культурных и религиозных деятелях, представителях общественной мысли Египта. Наиболее полно такие сведения и материалы представлены в энциклопедических и справочных изданиях Института Африки РАН²⁷. Сборник речей и выступлений Гамалея Абделя Насера, с именем которого связано освобождение египетского народа от колониальной зависимости и монархической тирании, помогает понять сложный путь достижения Египтом национального суверенитета. Лидер египетской революции 1952 года и основатель республиканского Египта во многих речах отмечал место и роль событий конца XIX века, а также вклад видных деятелей египетского общества в борьбу против колониальной зависимости²⁸.

Интересные сведения о внутреннем состоянии и развитии Египта, зарождении буржуазного национализма и его организаций в исследуемый период представляют материалы Архива внешней полити-

²⁵ Семёнова М. А. Образ Арабского Востока в русском общественном сознании второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам литературы путешествий) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

²⁶ Беляков В. В. Русский Египет. М. : Вече, 2008. 335 с. ; *Его же*. Русские в Египте // Азия и Африка сегодня. 2006. № 2. С. 63 – 70 ; *Его же*. Вторая родина «москов» // Родина. 2007. № 2 ; *Его же*. Сфинксы над Невой. Египет в русской культуре. М. : ИВ РАН, 2015. 192 с. ; Белова Г. А., Шеркова Т. А. Русские в стране пирамид : Путешественники, ученые, коллекционеры. М. : Алетейя, 2003. 270 с. ; Мамед-заде П. Н. Российско-египетские отношения: история и современность // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. М., 2006. № 1(6). С. 62 – 67 ; Из истории русско-египетских связей в начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostit.info> (дата обращения: 17.05.2016) ; Египет и Россия – духовные и культурные связи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historilib.org> (дата обращения: 17.05.2016).

²⁷ Африка : энцикл. справ. : в 2 т. / гл. ред. И. И. Потехин. М. : Сов. энцикл., 1962 – 1963 ; Африка : энциклопедия : в 2 т. / ред. А. М. Васильев [и др.]. М. : Энциклопедия : ИНФРА-М, 2010.

²⁸ Насер Г. А. Проблемы египетской революции : избр. речи и выступления 1952 – 1970 гг. : пер. с араб. / предисл. Е. М. Примакова. М. : Междунар. отношения, 1979. 254 с.

ки Российской империи (АВПР), среди которых – донесения и отчеты о деятельности российского консульства в Египте, направляемые в Министерство иностранных дел России. В этих материалах отражены наблюдения и содержатся информационные сведения о состоянии египетского общества, представлены оценки деятельности национальных общественных групп и политики европейских держав в Египте. Интересные материалы из фондов АВПР о зарождении научно-культурных и торговых связей между Россией и Египтом в XIX – начале XX века представлены в журнале «Исторический архив»²⁹.

Сведения об особенностях общественно-политической жизни Египта и русско-египетских связях времен Первой мировой войны и в первые послевоенные годы встречаются в ведомственном издании Народного комиссариата иностранных дел РСФСР – «Бюллетене НКВД». В основном в нем представлены сообщения из зарубежной периодической печати, обзоры публикаций в арабских и британских газетах и журналах. Исследовательский интерес имеют документы и материалы Государственного архива Российской Федерации (Ф. 4459 – Телеграфное агентство Советского Союза), а также некоторых советских периодических изданий. К числу документальных материалов следует отнести информационно-иллюстрированное издание «Каир: тысячелетие города. 969 – 1969» (Каир, 1969). Книга была издана каирским издательством «Арабский писатель» на арабском, русском, английском, французском, немецком и испанском языках. В ней представлена иллюстративная ретроспектива многовековой культурной жизни столицы Египта, содержатся различные комментарии. Издание сопровождается обстоятельной вводной статьей египетских авторов.

Следует признать, что проблемы участия египетской интеллигенции в общественно-политической жизни Египта во времена колониально-оккупационного режима все-таки отражены в исторической литературе недостаточно. Заслуживают особого внимания вопросы, характеризующие процесс превращения интеллигенции в самостоя-

²⁹ *Липатов В. В., Соловьев О. Ф.* Из истории русско-египетских связей в начале XX в. [Электронный ресурс] // Исторический архив. 1959. № 2. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Egipet/XIX/1880-1900/Russ_egip_svjayzi/text2.htm (дата обращения: 17.05.2016).

тельный активный слой национального общества, занявший важное место в просветительском движении и в выработке идеологии национально-освободительного движения Египта. В настоящей работе внимание в основном уделено анализу этих вопросов. Понятие «интеллигенция» автор воспринимает в широком смысле слова. Этот социальный слой представлен разными социальными и корпоративно-профессиональными группами, занятыми как в производственной, так и в непроизводственной сферах деятельности. Особое место отведено вопросам, касающимся просветительно-реформаторской деятельности зарождавшейся в те времена буржуазной интеллигенции, ее участия в общественно-политической жизни национального общества Египта, формирования новых идеологических настроений и идеологии антиколониального движения. Отмечена также роль интеллигенции в реформаторском движении, в выступлениях против колониально-оккупационного режима и британского протектората над Египтом.

Методологическую основу исследования составили теоретические положения трудов отечественных авторов. Среди них следует выделить фундаментальные трехтомные монографии отечественных исследователей: «Классы и классовая борьба в развивающихся странах» (М.: Мысль, 1967) и «Зарубежный Восток и современность. Основные проблемы и тенденции развития стран зарубежного Востока» (М.: Наука, 1980). В этих исследованиях разносторонне отражены особенности политического, социально-экономического и культурного развития афро-азиатских стран, процессы классовообразования и появления в них новых социальных групп. Интерес для исследования общественно-политического состояния и развития восточных стран времен колониального господства в них западных держав представляют теоретические положения, изложенные в монографиях историков-востоковедов: академика Н. А. Симонии (Страны Востока: пути развития. М.: Наука, 1975), профессора А. М. Родригеса (Общественная мысль на Востоке в XIX – XX вв.: синтез традиционного и современного. М.: МПГУ, 2011). В этом же плане определенный интерес представляют труды востоковедов Р. Г. Ланды, А. И. Левковского, Г. И. Мирского и других исследователей. Важной особенностью их

исследований является сравнительно-исторический анализ проблем общественно-политического развития афро-азиатских стран. В работах отечественных авторов нашли отражение и вопросы формирования национальной интеллигенции, ее участия в развитии общественной мысли и влияния на культурную жизнь восточных обществ в условиях их колониальной зависимости.

Методологическую основу работы дополняют материалы дискуссий о роли интеллигенции в истории афро-азиатских стран. Так, участники «Круглого стола», организованного в 1979 году журналом «Народы Азии и Африки», отметили тенденции развития религиозно-философских идей и концепций, а также рассмотрели вопросы соотношения религии и национализма в странах Востока³⁰. Участники «Круглого стола», организованного тем же журналом в мае 1989 года, предприняли попытку осмыслить специфику формирования интеллигенции на Востоке во времена «классического периода» (середина XIX – начало XX века)³¹.

Автор принял во внимание теоретические аспекты цивилизационных взаимоотношений стран Востока и Запада, отраженные в дискуссионных материалах журнала «Восток (Oriens)»: «Афро-азиатские общества: история и современность»³², а также учел рекомендации участников научной дискуссии по проблеме «Цивилизации в “третьем мире”», совместивших цивилизационный и формационный методы при анализе общественно-политического и культурного развития афро-азиатских стран. Такой подход, как подтвердили исследователи, способствует анализу процессов просветительской, культурной и общественно-политической деятельности интеллигенции Египта в XIX – начале XX века.

Многие актуальные проблемы культурного и общественного развития современного Египта уходят корнями в далекое прошлое страны. С распространением просветительства и реформаторства, установлением колониального господства английских оккупантов в

³⁰ Религия в странах Азии и Африки : «круглый стол» // Народы Азии и Африки. 1980. № 1.

³¹ Интеллигенция древняя и новая // Народы Азии и Африки. 1990. № 2. С. 53 – 54.

³² Цивилизация в «третьем мире» // Восток (Oriens). 1992. № 3, 4.

Египте произошли серьезные общественно-экономические изменения. Начавшийся процесс формирования новых социальных слоев в национальном обществе стал испытывать влияние цивилизационных традиций. Отдельные аспекты этого процесса были отражены автором в ряде статей³³. В данной работе проблемы формирования национальной интеллигенции рассмотрены в контексте анализа ее участия в общественно-политической жизни Египта и процессе эволюции традиционного общества.

Хронологические рамки предлагаемой читателям монографии охватывают времена правления наместника Египта Мохаммеда Али (1805 – 1847) и становления полуколониальной зависимости арабской страны при правлении его преемников (1847 – 1882), а также периоды колониального режима (1882 – 1914) и протектората (1914 – 1922) Великобритании над Египтом.

Настоящее издание может стать дополнительным учебным пособием для студентов-историков, изучающих новую историю Египта. В работе отмечен процесс формирования египетской интеллигенции, отражена ее причастность к образованию первых политических партий и организаций, а также участие в зарождении национально-освободительного движения Египта. Работа рассчитана и на читателей, интересующихся общественно-политической и культурной историей Египта XIX – начала XX века (до 1922 года).

³³ *Макеев Д. А.* Зарождение национальной интеллигенции Египта в период оккупационного режима (1882 – 1914 гг.) // *Интеллигенция и мир.* 2012. № 3 ; *Его же.* Проблемы формирования и политической активности интеллигенции Египта во время оккупационного режима (до 1901 г.) // *Вестник Владимирского государственного университета.* Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 3 ; *Его же.* Национальная интеллигенция в общественно-политическом движении Египта (1914 – 1919 гг.) // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 3 ; *Его же.* Русская интеллигенция у истоков становления российско-египетских культурных связей (начало XX века) // *Вестник Владимирского государственного университета.* Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 2(6) ; *Его же.* Профессиональное образование в Египте (1882 – 1914 гг.) // *Вестник Владимирского государственного университета.* Сер.: Педагогические и психологические науки. 2017. № 28(47).

Глава 1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ВЕСТЕРНИЗИРОВАННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЕГИПТЕ

Вторжение наполеоновских войск в 1798 году открыло перспективы модернизации устоявшихся в Египте феодально-теократических устоев. Историк-востоковед профессор А. И. Яковлев справедливо заметил, что в ходе своей ближневосточной экспансии Наполеон Бонапарт намеревался уничтожить господство феодалов, освободить страну пирамид от власти турок и передать ее в управление местной династии, зависимой от Франции. Намечалось провести в Египте военные, административные, финансовые, образовательные реформы и начать исследования с целью прорытия канала, который мог бы соединить Средиземное море с Красным. Тем самым внешний фактор, по мнению ученого, серьезно повлиял на распространение идей реформирования в Египте [1]. С этой точкой зрения можно согласиться, поскольку именно французский опыт государственного строительства стал образцом для проведения реформ в Египте.

В то же время интервенция Наполеона вызвала массовый подъем освободительного движения в стране. Стихийное восстание египетского народа 1798 – 1801 годов стало первой серьезной попыткой египтян предотвратить колонизацию иноземцами своей страны. Борьба между египетскими кланами привела к верховенству в освободительной борьбе и правлению в Египте династии Мохаммеда Али, независимой от Франции, но сориентированной на ее опыт.

После изгнания французов Египет оставался частью Османской империи, где сохранилось турецкое управление через наместника, назначаемого султаном. Таким наместником стал Мохаммед Али (1769 – 1849), проявивший интерес к реформам, целью которых стало содействие приближению Египта к европейской модели государственного развития. Каирские улемы признали Мохаммеда Али и его верховенство в стране.

Первая половина XIX века в истории Египта была связана в основном с правлением Мохаммеда Али и отмечена рядом реформ в области военного строительства, созданием централизованного аппарата управления, а также первыми подвижками в народном просвещении и распространении современных знаний среди населения. В этот период в стране впервые открылись светские школы, профес-

сиональные учебные заведения и центры, зарождалось печатное дело, возникли периодические издания. В целом был дан импульс развитию творческой и общественной мысли. Реализация первых реформ привела к созданию условий для экономических, социальных и культурных перемен, к структурным изменениям в национальном обществе, к появлению основ для формирования буржуазной интеллигенции.

1.1. «Эпоха просветительства Мохаммеда Али»: истоки формирования новой интеллигенции Египта

Реформы Мохаммеда Али ознаменовали начало процесса культурного обновления туземного общества, сопровождавшегося распространением просветительства и качественными изменениями в интеллектуальной среде Египта. Культурному возрождению страны в немалой степени способствовала египетская экспедиция Наполеона, благодаря которой в Европе сложилась мода на египетскую культуру и оказались востребованными достижения ее прошлого. В состав экспедиции были включены 120 ученых для проведения археологических изысканий, выявления памятников Древнего Египта и составления их полного каталога. Результатом такого труда французских востоковедов стал изданный в 1809 году иллюстрированный труд о культурных и исторических памятниках Египта. В архитектуре, живописи, декоративно-прикладном искусстве европейских стран постепенно стал утверждаться «египетский стиль». По признанию исследователей, контакты культур Европы и Египта способствовали и обратному процессу – проникновению европейских просвещенческих идей в интеллектуальную среду египетского общества.

Следует отметить и то обстоятельство, что нововведения и реформы паши Мохаммеда Али, начатые вскоре после объявления его наместником в 1805 году, также создавали условия для распространения в Египте европейских ценностей. Европейский опыт, задействованный этим правителем при проведении реформ, в первую очередь был направлен на ослабление зависимости Египта от Османской империи. Достичь этой цели было невозможно без серьезных изменений в общественно-политической жизни страны, а именно без подрыва привилегированного положения феодальной аристократии и мусульманского духовенства, которое традиционно имело прочные позиции и оказывало огромное влияние на социальную и идеологическую

жизнь страны. Мохаммед Али стремился сломить всевластие духовенства и усилить его зависимость от государства. Подобная политика должна была ослабить вековые традиции и феодальный консерватизм, создать условия для преодоления культурной отсталости и достижения фактической независимости Египта.

Заимствуя опыт европейских стран, Мохаммед Али пытался реорганизовать практически все аспекты государственной системы управления: создать сильную армию, развить аграрный и промышленно-ремесленный секторы национального хозяйства, интенсифицировать торговлю и транспорт, достичь высокого уровня в правоведении и банковском деле.

Административная и военная реформы наместника требовали подготовленных специалистов, квалифицированных служащих и управленцев. Впервые власти стали предпринимать меры по распространению грамотности в стране, открывать современные школы, развивать сельское хозяйство, появились первые фабричные предприятия. Власти Египта стали привлекать иностранных учителей и технических специалистов. Среди первых мер, осуществленных новым правителем, стало учреждение стипендий для ученых, философов и исследователей, поощрение их поездок для обучения в университетах Франции.

Пытаясь модернизировать отечественное образование, Мохаммед Али стремился расширить автономию в составе Османской империи, что позволило бы проявлять большую самостоятельность в решении национальных политических, экономических и культурных проблем.

Опорой для такой политики должны были стать современная армия, пополняемая за счет феллахов, а не мамлюков, а также сильный военный флот как инструмент для укрепления абсолютистской власти Мохаммеда Али. Организация регулярной армии нового типа означала не только разделение ее на отдельные воинские части по европейскому образцу и введение европейских воинских уставов, но и подготовку новых командных кадров, обучение рядового состава. Главной задачей и в то же время большой трудностью, по словам Ф. Энгельса, являлось «создание корпуса офицеров и унтер-офицеров, обученных по новейшей европейской системе, вполне освободившихся в военных вопросах от старых национальных предрассудков и пе-

режитков и способных вдохнуть жизнь в новые формирования. Все это требует длительного времени и неизбежно должно натолкнуться на тяжелейшие препятствия в виде восточного невежества, неуравновешенности, предрассудков, а также фаворитизма и превратностей судьбы, присущих восточным дворам» [2]. Египту пришлось столкнуться с этими проблемами, поэтому осуществление реформ происходило медленно.

Первая попытка подготовки офицерских кадров для египетской армии была предпринята в 1820 году, когда был открыт учебный центр в Асуане. С 1823 года была введена рекрутская повинность, армия стала пополняться за счет коренных жителей, преимущественно феллахов. В 1820-е годы были основаны пехотное училище в Дамьетте, военное училище в Каире и военно-морское училище в Александрии.

В первой половине 1830-х годов открылись артиллерийское и кавалерийское училища, училище Генерального штаба. При подготовке офицерских кадров использовался опыт европейских армий. К 1840 году Египет имел хорошо обученных военнослужащих, численность которых достигла 276 тыс. человек.

В мощи своей армии правитель Египта убедился во время военного выступления против султана. Только поддержка Османской империи русским военным корпусом во главе с князем Н. Н. Муравьевым спасла Стамбул от захвата египетскими войсками.

Следует отметить, что инерция и консерватизм, с которыми пришлось столкнуться Мохаммеду Али, определили характер и методы проведения реформ. Арабский историк Масуд Дахер, например, отмечал, что реформы наместника Египта по военной модернизации проводили военные и для военных, в условиях деспотической власти, «не допускавшей каких-либо самостоятельных форм жизнедеятельности гражданского общества и его институтов» [3].

Однако следует признать тот факт, что армейские реформы закладывали основу для будущих социальных и экономических перемен в Египте. Справедливо высказывание британского историка А. Дж. Тойнби, увидевшего в реформах Мохаммеда Али попытки создать современные вооруженные силы «с тем, чтобы не утратить позиций во все более вестернизирующемся мире». Правитель Египта осознавал, что его нововведения в военной области не могли быть успешными, «если они не поддерживаются целым рядом мероприятий в других областях социальной жизни» [4].

Действительно, военные училища готовили не только офицеров для армии и флота, но и специалистов для гражданской административной службы. Отмечая особенность деятельности военных учебных заведений при правлении Мохаммеда Али, В. В. Черновская пишет: «Нерасчленённость военного и гражданского управления приводила к тому, что некоторые военные училища готовили и гражданских чиновников, например медицинского профиля, которые не находили применение в армии» [5]. Выпускники военных учебных заведений пополняли также ряды служащих органов местного административного управления, проявляли себя в сфере культуры и искусства. Постепенно образовывалась особая часть интеллигенции, прошедшая подготовку в армейской среде.

Одновременно с организацией новой армии, создаваемой и обучаемой по европейскому образцу, паша Мохаммед Али стремился создать в Египте современный государственный аппарат. Он намеревался утвердить ведущую роль государства во всех органах и учреждениях административно-управленческой деятельности. При этом гражданские учреждения также нуждались в квалифицированных специалистах. Потребность в грамотных кадрах испытывали как бюрократический аппарат государства, так и ремесленно-производственный сектор, вспомогательные службы обслуживания и связи, учреждения образования и здравоохранения.

По инициативе Мохаммеда Али в 1812 году в Каире была создана первая профессиональная школа, в 1816 году – политехническая школа с подготовкой инженеров-математиков. В Каире была сохранена типография, открытая во времена наполеоновского вторжения, где с тех времен издавалась газета на французском языке. При Мохаммеде Али в Каирской типографии стали печатать книги на арабском, турецком и персидском языках, появились частные газеты на арабском языке. В 1827 году были открыты медицинская и ветеринарная школы; в 1833 году было учреждено первое в стране сельскохозяйственное училище, а в 1836 году открылась школа иностранных языков по подготовке переводчиков. Появились также школы живописи, музыки, других искусств и ремесел. Перед лицами, получившими среднее профессиональное образование, открывались перспективы не только получения соответствующей работы, но и карьерного про-

движения по административно-служебной, коммерческой и другой гражданской службе.

В разрешении общеобразовательных и культурных проблем правитель Египта стремился ориентироваться на поддержку со стороны Франции. Почти вся интеллектуальная элита и политические деятели Египта тех лет обучались в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях Франции. Проводниками европейских знаний в египетском обществе стали католические миссии, использовавшиеся французскими колонизаторами в качестве одного из инструментов своей культурной экспансии в страны мусульманского Востока. Миссионеры и путешественники, посещавшие Египет, постоянно усиливали интерес европейских искателей древностей к стране фараонов, что обеспечивало приток грамотных специалистов в Египет.

Помимо подготовки светских квалифицированных кадров, Мохаммед Али предпринял попытку повысить уровень знаний и в среде духовенства. Он стал направлять на стажировку во Францию некоторых преподавателей из мусульманского университета Аль-Азхар. Позднее эти преподаватели и выпускники Аль-Азхара могли составить костяк новых светских школ – медицины, языков и управления. В самом же исламском университете предпринимались попытки ввести европейские методики обучения, инициаторами их внедрения в учебный процесс были преподаватели, вернувшиеся после зарубежных стажировок. Целью реформ Мохаммеда Али в образовательной сфере стало соединение традиционного религиозного и светского научного преподавания, необходимого для сохранения стабильности в обществе.

Реформаторские преобразования закладывали основы для появления в Египте профессиональных кадров, способствовали формированию новой национальной интеллигенции. Параллельно Мохаммед Али и его ближайшее окружение содействовали распространению знаний и технической грамотности среди низших слоев египетского населения. В Каире, Александрии, в административных центрах департаментов создавались государственные начальные школы, в которых обучали арабскому и турецкому языкам, арифметике, основам математики, географии, истории. К концу 1830-х годов в светских школах Египта обучалось 9 тыс. учеников, находившихся на содер-

жании казны, за счет которой они получали стипендию, обеспечивались питанием, одеждой, им предоставлялось жилье на время обучения. С учреждением новых учебных заведений росла потребность в учительских кадрах, разработке отечественных учебников и широком использовании переводных работ. Для решения возникавших проблем и регулирования деятельности учебных заведений было учреждено ведомство народного просвещения, при содействии которого правительство брало под опеку и контроль светские школы трех ступеней (начального, среднего и специального обучения).

Помимо образовательных школ власти Мохаммеда Али учредили в Париже египетскую учебную миссию, куда с 1826 по 1870 год ежегодно направлялись группы учащихся для завершения образования, полученного в египетских средних школах. К преподаванию в миссии привлекались французские педагоги. Некоторые выпускники миссии стали видными политическими деятелями Египта. Профессор А. Сильвер, исследовавший деятельность египетской учебной миссии в Париже, отмечал, что двое ее выпускников на своей родине стали министрами иностранных дел, а один – премьер-министром при Мохаммеде Али. Молодых египтян стали посылать на учебу и в образовательные учреждения других стран Европы, где они осваивали азы медицины, аграрного дела, архитектуры, дипломатии и права. После получения базовых знаний они возвращались на родину и устраивались на работу, соответствующую их знаниям и профессиональной квалификации.

Здесь уместно отметить и роль Российской империи в научном и культурном возрождении Египта. Заслуга в расширении непосредственных контактов между странами принадлежит генеральному консулу России в Египте полковнику Александру Осиповичу Дюгамелю. Большой знаток истории этой арабской страны, за время своей дипломатической службы (1833 – 1837) в Каире он сумел установить дружеские отношения с Мохаммедом Али. Правитель Египта благосклонно относился к посещению его страны представителями культуры и коммерции из России. Все дело в том образе Египта и его правителя, который создавали русские путешественники.

Еще в 1820 – 1821 годах поездку в Египет предпринял начинавший писательскую и востоковедную деятельность журналист знаток арабского и персидского языков Осип Иванович Сенковский. Целью

посещения им страны стало знакомство с культурными центрами и древними памятниками Египта. В ноябре 1820 года О. И. Сенковский прибыл в Александрию, затем отправился в Каир, где ознакомился с великими пирамидами и Сфинксом. В феврале следующего года из Каира он отправился в поездку вверх по Нилу, увидел исторические места, храмы и церкви, посетил селения Верхнего Египта и Нубии, достиг северных склонов Абиссинского нагорья. Во время путешествия О. И. Сенковский вел дневник, где описывал быт, нравы, предания, религию и трудовую деятельность местного населения, делал этнографические и географические заметки. Свои наблюдения и впечатления Сенковский отразил в «Географическом эфемериде» за 1822 год. Отрывки из его путевого дневника были опубликованы на французском и русском языках и привлекли внимание многих интеллектуалов России и стран Европы. О. И. Сенковский намеревался издать очерки отдельной книгой «Полное путешествие по Востоку», но подготовленная к печати рукопись была утрачена, а вместе с ней погибли все дневники и письма, послужившие материалом для ее написания. Свои воспоминания о знакомстве с египетской письменной культурой писатель отразил в своих «восточных повестях». К наиболее значимым из них можно отнести повести «Бедуин» (1823), «Деревенская красавица» (1825), «Вор» (1828). Благодаря публикациям О. И. Сенковского интеллектуалы первой трети XIX века увлеклись культурой мусульманского мира и проблемами ориентологии [6].

Арабские мотивы и сюжеты лирики А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова манили читателей к незнакомым обетованным землям, к познанию таинств древнейшей цивилизации. В 1829 году духовный писатель и историк церкви Андрей Николаевич Муравьев предпринял паломничество в святые места Палестины. Затем он побывал в Египте: посетил Александрию и Каир, увидел развалины Мемфиса и Фив, встретился с Мохаммедом Али. Воспоминания о странствии в Палестину и Египет А. Н. Муравьев отразил в книге «Путешествие по святым местам в 1830 году», изданной в 1832 году.

В 1830-х годах служащий российского Министерства иностранных дел, путешественник и писатель Авраам Сергеевич Норов также совершил поездку по Египту. Все увиденное он отразил в двухтомной публикации «Путешествие по Египту и Нубии в 1834 – 1835 гг.» (СПб., 1840). В этой работе автор представил весьма развернутую ха-

рактистику государственного строя Египта, состояния его финансов, промышленности и сельского хозяйства. Публикация записок А. С. Норова по существу стала первым русским описанием культурной истории Египта нового времени. По признанию Н. Г. Чернышевского, его записки заняли «почетное место в ученом отношении между всеми сочинениями по этому вопросу». В этом плане они отличались от высказываний духовного писателя А. Н. Муравьева, который в своей книге «Путешествие по святым местам в 1830 году» лишь бегло высказывался о личности Мохаммеда Али и его реформах. Спустя 20 лет после первого посещения Египта, будучи действительным членом Академии наук и членом Государственного совета России, А. С. Норов вновь отправился в страну фараонов и пирамид. На этот раз его интересовали проблемы истории и культурного развития Древнего Египта, происхождение и назначение пирамид, география и быт населения долины Нила. Собранные им материалы были признаны бесценными для специалистов по истории Египта и Нубии. Правителя Египта интересовали наблюдения иностранных гостей, поэтому первые русские путешественники (Сенковский, Норов, Муравьев и другие) были приняты при дворе паши Мохаммеда Али.

Во время «Восточного кризиса» отношения между Россией и Египтом стали натянутыми. В связи с боевыми успехами Мохаммеда Али интерес к Египту стал проявляться среди мусульман, проживавших в России. Во время египетско-турецкого конфликта 1831 – 1832 годов правитель Египта поощрял среди мусульман слухи о появлении его собственной империи с центром в Каире. В сентябре – октябре 1832 года А. Х. Бенкендорф подготовил императору Николаю I краткую записку о слухах среди крымских татар о якобы скором прибытии их заступника Мохаммеда Али. Такие слухи не были беспочвенными. Появление государственного объединения мусульман под правлением Мохаммеда Али, в состав которого помимо Египта вошли Хиджас и Неджд в Аравии, Судан, приморские провинции Эфиопии и Сомали, остров Крит, Палестина, Киликия и Сирия, были тому основанием. Вместе с тем такие слухи могли дестабилизировать обстановку на окраинах России, и императорской власти пришлось среагировать на ситуацию. Поэтому надежды крымских татар на «освободительную» миссию Мохаммеда Али оказались тщетными. Россия, поддерживавшая в 1832 году Махмуда II, османского султана, спасла его им-

перию от наступления войск Мохаммеда Али на Стамбул. В 1833 году между ним и османским султаном был заключен мирный договор, по которому Египет оставался в составе Османской империи, но его автономные права были расширены. В то же время египетско-турецкий конфликт послужил поводом для оказания европейскими государствами военного и политического давления на Египет [7].

Несмотря на антиегипетскую позицию России во время конфликта, Мохаммед Али не отказался от дальнейших контактов с Петербургом. Значительную роль в сохранении доброжелательных отношений между странами сыграл генеральный консул А. О. Дюгамель. При его посредничестве в целях развития горного дела и добычи золота египетский правитель обратился за технической помощью к императору Николаю I. Россия в то время лидировала в мире по добыче золота, и обращение египетского правителя не было случайным. Российская сторона откликнулась на просьбу и предложила прислать египетских специалистов в Россию для знакомства с опытом разведки и добычи драгоценного металла. В августе 1846 года в Петербург прибыли два инженера, которым была предоставлена возможность ознакомиться с золотыми промыслами Урала и техническими условиями разведки и добычи золота [8].

В свою очередь на предложение паши Мохаммеда Али направить русских специалистов в Египет, императорское правительство командировало специалиста в области золотодобычи – горного инженера Е. П. Ковалевского для оказания содействия в разведывании золотых месторождений и организации добычи золота в пределах Египта. В конце декабря 1847 года он прибыл в Каир в сопровождении магистра Петербургского университета ботаника и микробиолога Л. С. Ценковского. В Каире русские посланцы пробыли две недели. Е. П. Ковалевский встретился с пашой Мохаммедом Али. В начале января следующего года в сопровождении египетских офицеров русский инженер отплыл из Каира по Нилу в Асуан, а оттуда на барке добрался до местечка Короско и далее – до Восточного Судана, завоеванного египтянами. В бассейне Голубого Нила Ковалевскому удалось обнаружить первые месторождения золота. Русский инженер не только проводил геологическую разведку, но и занимался географическими исследованиями, знакомился с жизнью местного населения и состоянием торговли Египта. Исследователь-географ Б. А. Вальская

отмечала, что в архивных фондах Русского географического общества сохранились материалы, свидетельствующие о вкладе русского инженера и ученого в исследование золотоносных районов Египта и Судана, стоявшего у истоков зарождения научно-культурных российско-египетских связей. Царскому правительству России Е. П. Ковалевский представил обширный и аргументированный проект о перспективах развития русско-египетской торговли. Свои наблюдения и результаты исследований, проведенных во время путешествия по стране, Е. П. Ковалевский отразил в двухтомной книге «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1850), содержащей географические, этнографические, исторические и другие сведения о Верхнем и Нижнем Египте. Этот труд привлек внимание передовой части общественности России описанием природы и культуры неизвестной страны, гуманным отношением к людям, ее населявшим. Так, Н. Г. Чернышевский заметил, что Ковалевский с добротой писал о неграх, отмечая, что «они ничем не хуже нас». Результаты первой русской экспедиции были полезны при налаживании русско-африканских связей. Экспедиция инженера Ковалевского в Египет положила начало обмену между русскими и египетскими учеными научными трудами по геологии, технике, медицине, археологии и другим отраслям науки. Египетские специалисты, командированные каирскими властями, изучали горное дело в России, знакомились с работой рудников на Урале и Алтае, пополняя свои практические знания и осваивая профессиональное мастерство горного инженера [9]. Можно признать причастность России к появлению в Египте первых инженерно-технических специалистов, вставших в ряды пионеров формировавшейся египетской интеллигенции.

Не менее важным вкладом в дело реформирования Египта можно назвать помощь российских врачей. О бедственном положении селений в Нильской долине и тяжелой жизни их обитателей было широко известно. Правитель Египта пытался организовать в стране санитарную службу. С целью оказания помощи в создании эпидемиологической службы в 1846 – 1848 годах в Египет был приглашен российский врач-эпидемиолог А. А. Рафалович. Он совершил ознакомительную поездку по Нильской долине, в ходе которой обследовал санитарное состояние селений, быт и обычаи феллахов Нижнего Египта. Отчет о своей работе и путешествии, представленный А. А. Рафаловичем

Русскому географическому обществу, был издан отдельной книгой под названием «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты» (СПб., 1850). Рафаловича интересовали состояние медицинского обслуживания населения, профилактические меры по выявлению и устранению причин чумы и других опасных болезней, распространенных в Египте. Известный востоковед Б. М. Данциг отмечал, что А. А. Рафалович, в отличие от многих путешественников, стремился ознакомиться с социальными проблемами и бытом египтян, изучить их жизнь и нравы, положение крестьянства, и «это ему блестяще удалось» [10]. Врач-эпидемиолог критически оценил политику деспотического режима Мохаммеда Али в сфере социальных отношений. Его наблюдения и впечатления отразились в опубликованном труде, который был признан лучшим в мировой литературе этнографическим описанием жизни феллахов дельты Нила. В 1850 году русский ботаник Л. С. Ценковский после возвращения из Египта на страницах «Географических известий» Русского географического общества опубликовал итоги своих биологических и этнографических исследований незнакомых науке районов Нижнего Египта и Нубии. Выводы и предложения российских специалистов были доведены до египетских властей и нашли отражение при проведении реформы здравоохранения.

Поездки русских представителей в Египет с середины XIX века стали приобретать научно-ознакомительный характер. Описания путешествий в Египет О. И. Сенковского, А. С. Норова, А. Н. Муравьева, известного исследователя Малой Азии И. А. Чихачева и других литераторов и деятелей культуры России смогли пробудить интерес общественности к культуре и памятным местам страны пирамид. Некоторые русские путешественники в своих путевых заметках и воспоминаниях значительное место отводили описаниям природы и древних памятников Египта, в меньшей степени – жизни и хозяйственной деятельности его населения, состояния народного образования, общественных отношений и особенностей административного управления. Интересную оценку состояния страны при Мохаммеде Али дал российский консул А. О. Дюгамель. Он отмечал: «Египетское управление ложилось очень тяжелым гнетом на народ, вследствие обременительных налогов и воинской повинности, с которыми он не был знаком до того времени, и вообще возбуждало против себя глу-

бокую ненависть во всем населении». Врач А. А. Рафалович после посещения Египта писал, что население страны воспринималось как «болезненное, оборванное и весьма несчастное» [11].

Несмотря на неоднозначные оценки деятельности Мохаммеда Али и последствий его реформ, российские ученые-исследователи значительно расширили знания о Египте, накопленные в западноевропейской науке, и косвенно стимулировали интерес собственной интеллектуальной элиты Египта к национальному наследию.

Период правления Мохаммеда Али, таким образом, стал начальным этапом в истории культурных связей Египта с зарубежными странами, в том числе и с Россией. Такие контакты египетский правитель стремился использовать в национальных интересах. Реформаторская деятельность Мохаммеда Али стимулировала созревание предпосылок для осознания обществом необходимости реорганизации образования, здравоохранения, ремесла и промышленности, сельского хозяйства, финансов и торговли. Особое внимание уделялось реформированию судопроизводства и народного просвещения.

При этом следует учесть, что реформы Мохаммеда Али отличались двумя особенностями. Во-первых, Египет существенно отставал от Запада в социально-экономическом отношении, вследствие чего страна развивалась в условиях противоборства курсов зависимости от Запада и сотрудничества с ним. Во-вторых, культурно-цивилизационные отличия египетского общества от западного сказывались на восприятии египтянами идей реформ и реализации их целей в условиях «иных обычаев и традиций, системы ценностей и идеалов, образа мышления и склада ума» [12]. В итоге феодальный Египет при правлении паши Мохаммеда Али начал заимствовать западную технику и технологии, привлекал западных специалистов для решения экономических проблем и для подготовки современных национальных кадров, но осуществлялась эта политика традиционными методами. Египетский историк Ахмед Хамруш писал, что, заимствовав у стран Европы достижения в технике и промышленности, Мохаммед Али не воспринял у них «никаких демократических идей, никакой политической мысли». В своей политике он опирался «лишь на аристократию, на ту, что существовала до него, и ту, которую он создал сам путем раздачи земель мамлюкам и албанцам» [13].

Кроме того, укрепление отношений Египта с иностранными государствами имело и другие негативные последствия. Так, создание новых промышленных объектов сдерживалось тем, что на египетском рынке продавались в основном европейские товары, доступ к которым был облегчен распространением на все провинции Османской империи англо-турецкой конвенции 1838 года. Зарождавшееся местное фабричное производство сталкивалось с жесткой конкуренцией, оно было ограничено лишь мелкими предприятиями по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов. Инициативы в предпринимательстве ограничивались работами по обустройству городов и портов, строительством транспортных магистралей. При Мохаммеде Али в Египте стали культивировать хлопок (первые посадки хлопчатника были проведены в 1820 году), однако прорыва на мировом хлопковом рынке не произошло. Большая часть данной сырьевой культуры контролировалась США, а тот хлопок, что выращивали в Египте и Судане, реализовывался при посредничестве английских коммерсантов. Можно констатировать, что, несмотря на всю прогрессивность начинаний, нововведения правителя-реформатора реализовывались медленно, так как египетское общество не было готово к использованию технических новшеств. Нехватка специалистов и пассивность чиновников и аристократии только ускорили экономическое подчинение Египта иностранцам.

Пожалуй, единственным качественным достижением реформаторства Мохаммеда Али следует признать появление первых групп египетской буржуазии и интеллигенции. Среди новых слоев общества начинало проявляться чувство гордости за национальное наследие Египта. Под влиянием реформаторства росло стремление к преодолению застоя в экономике и общественной жизни страны. Общественно-политические сдвиги сопровождались повышением активности формировавшейся новой интеллигенции, осознававшей необходимость реформ, благодаря которым появлялись предпосылки для политического, экономического и культурного прогресса Египта.

1.2. Реформаторство преемников Мохаммеда Али

В связи с тяжелой болезнью паши Мохаммеда Али в конце 1847 года полномочия на правление Египтом перешли к его старшему сыну Ибрагиму, который пытался продолжить реформаторскую деятельность своего отца. Однако вскоре Ибрагим-паша умер, а в 1849 году в возрасте восьмидесяти лет скончался и сам Мохаммед Али. Власть в стране перешла к его внуку Аббасу. Новый правитель проявил безразличие ко многим реформаторским начинаниям своих предков и намеревался возродить в Египте старые турецкие порядки. В то же время среди просвещенной аристократии и возникшей новой египетской буржуазии интерес к реформам не ослабевал, что и предопределило раскол в среде египетской элиты.

При правлении паши Мохаммеда Саида, пришедшего к власти в 1854 году после свержения Аббаса I, а затем и при правлении Исмаил-паши с 1863 года произошли изменения в социальной структуре страны, окрепли позиции сторонников проведения реформ экономического и культурного характера. Этому способствовало появление просветительских обществ, развитие печатного дела и журналистики. «Эпоха просветительства» была отмечена распространением в стране светских знаний и просвещения, возникновением новых учебных заведений, появлением газет и журналов, издававшихся на французском и арабском языках. Известно, что в 1866 – 1879 годы в Египте появилось 25 газет и журналов. Возросло внимание властей к проблемам распространения грамотности и научных знаний среди населения. В стране появились 4-летние начальные школы. Они считались обязательными для обучения детей дошкольного возраста, но фактически школы посещали немногие, так как родители-феллахи, заинтересованные в наличии рабочих рук в семье, нередко отказывались посылать туда своих детей.

В Египте стали появляться учебные заведения среднего и высшего звена. В конце 1860-х годов некоторые специальные училища были превращены в колледжи, а политехническое, медицинское и юридическое училища получили статус высших учебных заведений. Появились и другие новые специальные школы: коммерческий колледж (1868), геодезическое училище (1869), школа египтологии

(1868), школа медицинских сестер и педагогический колледж (1871 – 1872), среди населения постепенно распространялись сельскохозяйственные знания. Складывались условия для формирования новых рядов национальной интеллигенции. Этот процесс приобретал необратимый характер с расширением технико-экономических и культурно-образовательных связей Египта с Францией, Англией и другими европейскими странами.

Под влиянием европейских идей в период правления Саид-паши была упразднена государственная система монополий в ремесле и торговле (1854), запрещено рабство и введена частная собственность на землю (1858), провозглашена свобода для предпринимательства. Феллахам разрешалось свободно продавать свой урожай. У богатых феллахов, торговцев, ростовщиков и иностранных собственников появилась возможность скупать землю. В результате этого, как заметил историк Ахмед Хамруш, создавались благоприятные условия для проникновения капиталистических отношений в деревню. Все новшества вели к росту потребности в квалифицированных национальных кадрах.

В Египте было продолжено реформирование административно-управленческой службы и армии. А. Хамруш писал: «Саид ввел новый порядок, согласно которому египетские унтер-офицеры и младшие офицеры могли быть произведены в старшие офицеры, тем самым окончательно сломав преграду, закрывавшую доступ к руководству солдатами и проложив путь к подлинной революции в египетском обществе» [14]. Мероприятия по модернизации армии и государственного управления проводились за счет иностранных займов, что вело к росту финансовой зависимости Египта от стран Запада, иностранных кредиторов. В середине XIX века правители Египта пошли на серьезные уступки европейским державам, открыв доступ их капиталу в национальную экономику. В 1851 году англичанам была предоставлена концессия на прокладку железной дороги от Каира до порта Александрии. Почти одновременно в стране последовала отмена государственной монополии на торговлю, что позволило иностранным коммерсантам свободно скупать хлопок и ввозить в страну свои промышленные товары.

В ноябре 1854 года Саид-паша предоставил французскому инженеру и предпринимателю Ф. де Лессепсу концессию на постройку Суэцкого канала, строительство которого должно было финансироваться казной Египта. В беседе с египетским правителем Фердинанд де Лессепс обещал Египту «много благ» и «пользы», суля большие будущие доходы от постройки канала. В результате переговоров правитель Египта соблазнился предложениями французского дельца. Правительство хедива обязывалось предоставлять компании Суэцкого канала рабочих, тысячи которых впоследствии погибли на стройке. 5 января 1856 года стамбульское правительство султана одобрило сделку египетского хедива с компанией Суэцкого канала. Решение принималось в то время, когда Египет, оставаясь частью османских владений, вовлекался в сферу капиталистических отношений в большей мере, чем сама империя, но при сохранении ее феодально-монархических устоев.

При хедиве Исмаил-паше заметно оживилась хозяйственная жизнь Египта. Помимо сооружения Суэцкого канала в Нильской долине было прорыто 112 ирригационных каналов, строились железные дороги и линии телеграфной связи, появились сахарные заводы, водопровод в Каире и Александрии, сооружены доки, гавань и верфь для собственного судостроения в Александрии. В стране были открыты тысячи начальных школ. Все эти мероприятия требовали значительных средств, отчего возникла новая потребность во внешних займах. Однако хедив Египта не обладал полнотой суверенной власти и потому не мог принимать решений по финансовым вопросам без одобрения властей Османской империи. В первую очередь это касалось иностранных инвестиций и займов. В силу этого обстоятельства Исмаил обратился за помощью к частным банкам Европы, готовым предоставить свои «услуги» Египту, но на весьма тяжелых условиях. Результатом такой кредитной политики стал непосильный для правительства Египта внешний долг. К 1868 году совокупные долги хедивского правительства европейским банкам (в основном английским) составили более 25,5 млн ф. ст., не считая процентов. Бедственное положение в финансовой сфере подтолкнуло египетские власти на урегулирование этого вопроса с султанским правительством [15]. В результате многолетней тяжбы в 1873 году Исмаил-паша смог добиться у османского

султана разрешения на самостоятельное распоряжение финансами Египта, но серьезных улучшений в этой сфере не произошло.

Ситуация только ухудшилась в связи с работами по сооружению Суэцкого канала и прокладкой железной дороги от Каира до Александрии, а также с увеличением объемов ирригационных и строительных работ. Прежде всего, возрос спрос на профессиональных рабочих и технических специалистов. Но поскольку собственных работников такой квалификации Египет не имел, то правительство было вынуждено нанимать за немалые деньги подобных специалистов за границей. По этой причине в стране вырос приток итальянцев, греков и представителей других народов из средиземноморских регионов. Временно острую проблему нехватки кадров удалось решить.

Расширение светского общего и профессионального образования способствовало появлению в египетском обществе нетрадиционных слоев. Как правило, овладение техническими знаниями и профессиональными навыками, приобщение к западной культуре служило причиной отчуждения этой группы от большинства неграмотных масс города и села. Со временем отчужденность стала ослабевать. Тому содействовало распространение в стране светского образования. Доля лиц с высшим и средним образованием в составе экономически активной части населения постепенно возрастала. В определенной мере количественному увеличению доли образованных людей способствовала иностранная иммиграция. Из этой разношерстной по своему этническому и социальному происхождению массы стала складываться особая группа прогрессивно настроенных людей. Интеллектуалы, представители умственного труда и чиновничества, стали основой новой интеллигенции. Именно они стали поддерживать проведение социальных преобразований и реформ в сферах образования, здравоохранения и культуры страны.

В литературе распространилось мнение, с которым можно согласиться: реформаторство Мохаммеда Али открыло «эпоху просветительства» в развитии Египта, ставшую исходным рубежом зарождения египетской интеллигенции как влиятельной общественной силы. Вместе с тем следует отметить, что это был не естественный процесс социальной эволюции общества в связи с формированием новых (капиталистических) общественных отношений, а насильственное

насаждение инородной культурной матрицы. Историк-арабист В. Б. Луцкий отмечал схожесть реформ Мохаммеда Али с реформами российского императора Петра I, которые «ложились огромной тяжестью на трудовые массы, беспощадно эксплуатируемые феодально-крепостническим государством». Как и российский император, египетский правитель Мохаммед Али, уничтожая наследие средневековья в области культуры и традиций, не ломал феодального способа производства. Его реформы служили укреплению господства феодалов и купцов, хотя и превращали Египет в «жизнеспособное государство» [16]. Одним из проявлений этой жизнеспособности как раз и можно назвать новую буржуазную интеллигенцию. Она становилась сторонницей реформаторской политики, противником сохранения консервативных традиций и в конечном итоге стала влиятельной силой в формировании нового общественного сознания.

Наиболее консолидированной частью новой интеллигенции оказалось формирующееся новое армейское офицерство. В социальном отношении военнослужащие относились к группе средних слоев, близких к правительственному блоку. Офицерство было наиболее образованной частью формировавшейся интеллигенции. Историк Р. Э. Севортян отметил «две стороны бытия военнослужащего» на Востоке: как «представителя интеллигенции и как выразителя определенных сил». Офицерство составило особую касту, что определило его место и роль в общественно-политической жизни восточной страны [17]. Многие исследователи относят армейское офицерство к категории «служилых слоев» общества и рассматривают его в качестве отряда традиционной интеллигенции [18]. В пользу этого довода говорит тот факт, что высшее офицерство сохраняло тесные связи с господствующей элитой страны, представленной аристократией, крупным купечеством и высшим чиновничеством. Кроме того, ряды офицерства нередко пополнялись из среды духовенства, занимавшего влиятельное место в мусульманском обществе. Однако новые условия развития страны, созданные Мохаммедом Али и его преемниками, серьезно изменили ментальность нового офицерства. Даже вышедшие из традиционных слоев египетского общества, они несли в себе не консервативный, а реформационный заряд. Примером тому могут служить полковник Ахмед Ораби-паша и его соратники.

Конечно, у офицерского корпуса армии Египта была своя специфика. Она проявлялась, в первую очередь, в кастовой замкнутости. Однако с началом проведения армейской реформы состав офицерства постепенно становился неоднородным: сначала его ряды пополнялись за счет представителей турецко-черкесской аристократии и слоев состоятельных собственников. Затем социальная база офицерства расширилась за счет лиц из числа феллахов, служащих, торговцев, ремесленников и других слоев египетского общества. Процесс ассимиляции выходцев из разных слоев в единую группу офицерства происходил медленно. Как правило, офицерами высших рангов, занимавшими руководящие посты в армии, становились представители аристократии и крупной собственности – преимущественно это были турки, албанцы, черкесы, курды. Командный состав армии младших и средних рангов пополнялся за счет выходцев из семей средних собственников и обедневшей египетской аристократии, в основном арабов. Представители младшего и среднего офицерского корпуса в силу своего социального происхождения поддерживали тесные связи с гражданской интеллигенцией (преподавателями учебных заведений, работниками правоправедения и здравоохранения, сферы обслуживания и чиновниками административного управления) и, конечно, становились сторонниками реформ и преобразований, распространения народного просвещения в стране.

Для большинства офицеров военная служба обеспечивала достаток, служебное продвижение и переход в состоятельную социальную категорию общества. К примеру, представитель армейского офицерства Ахмед Ораби-паша прошел путь от рядового до военного министра. Он был сыном деревенского шейха (духовного учителя), в 1852 – 1854 годы учился в Аль-Азхаре, богословском университете, в 1854 году был призван в армию в качестве рядового. В 1857 году Ахмед Ораби был произведен в лейтенанты, в 1860 году стал подполковником, а через год – уже командовал полком. Он примкнул к тайному обществу «офицеров-феллахов», выступавшему против хедива Исмаила и угрозы иностранного порабощения Египта. Среди сослуживцев Ораби-паша приобрел значительный авторитет, в сложный период страны был назначен военным министром.

Несмотря на свое происхождение и воспитание, Ахмед Ораби призывал к уравниванию прав и возможностей египтян-офицеров по сравнению с турецко-черкесской военной кастой, к ослаблению влияния европейцев на политику египетских властей. При этом Ораби-паша не был реформатором в полном понимании слова, хотя и считался сторонником аль-Афгани. В своих политических действиях он проявлял себя умеренным защитником феодально-клерикальных устоев, сохранившихся в Египте, и отстаивал интересы ислама, опираясь на религиозные ценности традиционного общества, «выступал за архаичные социальные идеалы» [19].

Появление в египетской армии нового поколения офицеров, не связанных с аристократией, порождало острые противоречия между привилегированной прослойкой высшего офицерства и основной массой младших и средних офицеров. Несмотря на внутренние противоречия, у египетского офицерства постепенно сложилось общее мнение в отношении политики государства и его контактов с иностранными державами. Национальный патриотизм становился основой для сплочения офицерского корпуса.

Данный процесс во многом стимулировали конкретные решения правительства Исмаил-паши. Так, в 1876 году в целях погашения долга по займам европейские державы добились того, что весь поземельный налог с четырех богатых провинций Египта, доходы от таможенных сборов в Каире и Александрии, весь табачный акциз и доходы с земельных владений самого хедива пошли на уплату процентов и погашение долга. В следующем году для погашения правительственного долга хедив изъял из бюджета средства, предназначавшиеся для уплаты жалования чиновникам; было решено собрать с феллахов налоги будущего года, предоставить иностранцам концессии, повысить железнодорожные тарифы, увеличить таможенные поборы, а также распустить часть египетской армии. Хедиву Исмаилу пришлось согласиться с требованиями европейских кредиторов о предоставлении иностранцам контрольных постов в правительстве Египта (министра финансов и его помощника, министра общественных работ, генерального контролера). В феврале 1879 года среди армейского офицерства популярным становится лозунг «Египет для египтян!». С этого времени выступления и протесты офицерства приобрели антиколониальную направленность.

Армейское офицерство стало поддерживать политические требования интеллигенции. Наибольшую поддержку с их стороны нашли призывы к освобождению Египта от турецкой тирании и предотвращению колониального порабощения европейскими державами. Патриоты выступили за удаление иноземцев из правительства и государственно-административного аппарата Египта. Они требовали освободить армейские командные должности от турок, албанцев, курдов и черкесов. Среди египетских офицеров сохранялась непоколебимая вера и преданность исламу, в котором они видели идеологическую силу в борьбе против колонизации христианскими иноземцами мусульманской страны. Одобряя реформы в образовании, экономике и административном управлении, армейские офицеры выступали за создание национального правительства без европейских советников и служащих, поддерживали патриотические силы, выступавшие за введение в стране конституции [20].

В период правления Исмаил-паши в египетском обществе помимо офицерства стала складываться еще одна сила, представленная государственными служащими высокого ранга. Практическая деятельность этой группы, как отмечает историк-арабист З. И. Левин, проявлялась преимущественно в области образования и в пределах официальной политики Стамбула, что соответствовало общему «стремлению правящих кругов модернизировать Османскую империю» [21]. Расширению их влияния на общественную жизнь страны способствовали новые условия существования Египта в рамках Османской империи. Так, при Исмаил-паше турецкий султан пошел на ряд существенных уступок, расширивших возможности государственного реформирования Египта. Значимым решением османского султана стало предоставление в 1866 году египетскому правителю (вали) титула хедива (государя), наследственного правителя. Хедив наделялся полной автономией в вопросах внутреннего управления, исполнительной власти и в командовании египетскими вооруженными силами. Он мог самостоятельно решать вопросы национального бюджета, вступать в отношения с иностранными государствами и заключать с ними торговые и другие соглашения, не имевшие политического и военного характера. Египет теперь стал именоваться государством, а его государь был возвышен над правителями других провинций Османской империи.

Новые обстоятельства потребовали серьезных перемен в управлении страной, а от чиновников – улучшения функциональной грамотности. В определенном смысле осознание необходимости реформ в управленческом аппарате Египта совпало с общими тенденциями реорганизации Османской империи. Стремление сторонников Танзимата модернизировать экономику и политическую жизнь Османской империи, безусловно, оказало влияние на просвещенную часть египтян. Турецкий султан – хранитель мусульманских традиций – в целях противостояния европейскому капиталу был готов к реформированию традиционного общества всей Османской империи, преобразованиям в ее государственно-административном управлении, в социально-экономическом и культурном развитии. Для египетской элиты это стало сигналом к действию.

Кроме того, прежние факторы, объединявшие Египет с Османской империей во взаимодействии с европейскими державами, стали уступать место иным межгосударственным отношениям, что потребовало воспитания новых кадров, знакомых с европейскими традициями и нормами в дипломатии и коммерции. На смену враждебности ко всему европейскому пришло восприятие египтянами цивилизационных достижений европейцев, стал меняться традиционный уклад их жизни.

Наиболее примечательным представителем чиновной интеллигенции был глава хедивского правительства Египта Нубар-паша, который призывал египтян к заимствованию достижений западной цивилизации. В европеизации страны он видел путь к преодолению феодального застоя и укреплению общественно-политических позиций зарождавшейся национальной буржуазии и интеллигенции. Нубар-паша считал, что «власть монарха должна уступить место закону», – это могло бы ограничить произвол феодальной деспотии. Как премьер-министр правительства хедива он предлагал реорганизовать органы внутреннего управления страны, усилить правительственный контроль не только в крупных городах, но и в отдаленных районах и селениях. Однако Нубар-паша встретил серьезное сопротивление со стороны влиятельных аристократических кругов. Лишь со временем была признана целесообразность гибкой политики Нубар-паши времен его премьерства.

Преимущества заимствования опыта развития европейских стран в экономическом и культурном отношении египтяне могли осознать

еще во времена правления Мохаммеда Али. При правлении его преемников в национальном обществе окрепли позиции сторонников реформаторства. Благодаря армейским реформам в Египте начал формироваться новый офицерский корпус, выделившийся в особую группу общества. Авторы коллективной монографии «Классы и классовая борьба в развивающихся странах» отметили, что по уровню и характеру образования, а также профессиональной деятельности армейское офицерство относилось к особой категории национальной интеллигенции [22]. Такая точка зрения отражена во многих других исследованиях. Авторы отмечают, что офицеры обладали достаточной степенью образованности и специальной профессиональной подготовкой. С прекращением службы в армии они становились служащими административных гражданских ведомств, занимались коммерческой и предпринимательской деятельностью, интеллектуальным и творческим трудом, включались в общественную и политическую жизнь страны. Благодаря этому в египетском обществе постепенно складывалась военная и гражданская интеллектуальная элита, ставшая опорой для реорганизации страны.

Следует признать, что реформаторство в Египте XIX века отражало интересы зарождавшихся новых слоев общества, которые хотели освободиться от влияния консервативных традиций на все стороны жизни египетского народа и обеспечить прогрессивные пути социально-экономического развития страны. В Александрии и Каире появились административные корпуса и целые жилые кварталы, построенные в европейском архитектурном стиле. Для Каирского оперного театра было построено здание, ставшее небольшой копией миланского Ла Скала. Мода Европы проникла в повседневную жизнь египетской аристократии. Вместе с тем процесс «вестернизации» египетского общества был неоднозначным. Сторонники реформ отражали заинтересованность имущих слоев в заимствовании стиля и норм европейского буржуазного образа жизни, но при этом стремились сохранить устоявшиеся порядки своей страны. Русский журналист К. Скальковский, участник торжеств по случаю открытия 17 ноября 1869 года Суэцкого канала, в ряде репортажей для «Санкт-Петербургских новостей» отметил поразившие членов российской делегации роскошь и размеры коррупции при хедивском правителе.

1.3. Просветители и лидеры зарождавшегося реформаторства

Реформаторские настроения в египетском обществе XIX века охватили, прежде всего, его просвещенную часть. Особо популярны были взгляды мусульманского литератора, педагога и общественного деятеля шейха Рифаа Рафи ат-Тахтави. Он получил религиозное образование в исламском университете Аль-Азхар, старейшем и наиболее известном в мусульманском мире высшем учебном заведении. Ат-Тахтави шесть лет находился в составе египетской миссии в Париже (1826 – 1831). Здесь он овладел французским языком, познакомился с трудами просветителей Монтестье, Вольтера и Руссо, стал свидетелем Июльской революции 1830 года. После возвращения на родину ат-Тахтави опубликовал книгу «Извлечение золота с целью описания сути Парижа» (1834), в которой знакомил соотечественников с французской революцией 1830 года, с декларацией прав человека и гражданина, конституцией Французской республики. Он стремился привлечь внимание читателей к проблеме отделения церкви от государства во Франции, тем самым намекая на возможность разделения светской и духовной власти и в мусульманском Египте, а отсюда – на возможность достижения независимости египетского правителя от турецкого султана-халифа. В труде «Программа для мыслящих египтян при познании радости от современного преобразования» Рафи ат-Тахтави представил программу дальнейших реформ. По мнению таджикского исследователя Хушвахтова, это сочинение просветителя свидетельствовало о пробуждении среди арабов стремления к отделению от Османской империи и созданию независимого арабского государства [23]. Ат-Тахтави стал первым редактором газеты на арабском языке «Аль-Ватан аль-Мисри» («Египетские ведомости»). В 1875 году в Александрии впервые вышла газета «Аль-Ахмар» («Пирамида»), со временем ставшая «голосом» египетской интеллигенции. На страницах газеты поднимались вопросы об улучшении материального и правового положения египетского населения, о совершенствовании народного просвещения и о правах женщин в мусульманском обществе.

Ат-Тахтави, пользуясь покровительством паши Мохаммеда Али и отказавшись от духовного звания, связал свою дальнейшую дея-

тельность со сферой народного образования. Он возглавил «Бюро переводов» при Артиллерийской академии в Каире, был причастен к основанию египетской школы иностранных языков, опубликовал ряд исторических трудов и учебников, стал редактором популярного в стране первого арабского педагогического журнала, распространявшего среди учительства Египта учебно-методические знания. Нередко на страницах журнала появлялись материалы с призывами к организации образования для женщин. Ат-Тахтави вместе со своими учениками переводил на арабский и турецкий языки европейские учебники для средней и высшей школы, научные труды и правовые документы. Ат-Тахтави был признан «отцом» египетской интеллигенции. Он воспитал целую плеяду интеллигентов, некоторые из которых приняли участие в национальном восстании египтян под руководством Ораби-паши и провозгласили лозунг «Египет египтянам!».

С призывами к европеизации Египта, к изучению достижений науки Запада выступил не менее известный просветитель Али Мубарак. Во времена правления хедива Исмаила он занимал руководящие посты в ведомствах общественных работ, железных дорог. С 1873 года, являясь министром народного образования хедивского правительства, А. Мубарак проводил школьную реформу, открывшую доступ детям феллахов к профессиональному образованию. При его активном участии был основан учительский колледж (Дар аль-Улюм), создана Национальная библиотека Египта, учреждены просветительские и культурные заведения. Мубарак стал автором ряда учебников и популярных сочинений по некоторым отраслям науки и культуры стран Востока и Запада [24].

Благодаря усилиям Рафи ат-Тахтави и Али Мубарака в развитии египетской общественной мысли сохранялся национальный дух, который должен был оберегать национальное своеобразие, сдерживать натиск иностранного влияния. Главной задачей египетских просветителей было достижение взаимного обогащения арабской исламской культуры и культуры Запада. В активизации европейского проникновения в Египет большую роль играли французские ученые, которые пришли вместе с армией Наполеона и не покинули Египет. Однако значительную роль в этом процессе играл творческий дух египетского

народа. С созданием первой арабской типографии в Каире открылись перспективы для развития в стране издательского дела, писательского творчества, перевода книг с других языков. Египтяне стали знакомиться с литературой Индии, Персии, Греции, Италии, Франции, Англии и других стран Европы и Востока. Связи с Европой побуждали египетских интеллектуалов задуматься над причинами резкого контраста между странами Запада и феодальным Востоком, поэтому они стали интересоваться общественной мыслью и научно-техническими достижениями европейцев. Стремление вывести страну из состояния застоя способствовало зарождению мысли об освободительном движении в арабском мире [25].

Основным средством выражения идей национальной интеллигенции Египта стали периодические издания. На страницах газет и журналов осуждались деспотические устои феодально-бюрократического режима Османской империи, критиковались порядки, царившие при хедивском дворе, высказывались опасения по поводу надвигавшейся угрозы со стороны иностранного финансового капитала, появлялись статьи с призывами к выступлениям за получение Египтом национальной автономии в составе Османской империи. Широкую известность получили публикации журналиста и драматурга Якуба Саннуа. В 1877 году им было организовано издание политико-сатирического журнала «Абу Надда», выступившего с резкой критикой капитулянтской политики хедива Исмаила. Журнал, ставший рупором египетских реформаторов, в следующем году хедивскими властями был запрещен [26].

Другим видным активистом в распространении либеральных идей стал профессор Каирского политехнического института Абдаллах ан-Надим. В 1879 году им была основана газета «Миср аль-Фатат» («Молодой Египет»), а в 1881 году – еженедельник «Ат-Танкит ва ат-Табкит» («И в шутку и всерьез»). Абдаллах ан-Надим и Якуб Саннуа совместно организовывали публичные собрания каирского студенчества, на которых обсуждались актуальные политические и социальные проблемы. На этих собраниях звучала критика хедивского режима, предупреждения соотечественникам об угрозе ко-

лонизации Египта со стороны европейских держав, осуждали деспотизм и коррупцию хедивских властей [27].

Популярный египетский писатель Адиб Исхак возглавил движение за культурное и литературное арабское возрождение. Автор статей и памфлетов на злободневные темы, он выступал с критикой османской деспотии, протестовал против хедивского произвола и грабительской политики европейцев, призывал к созданию независимого египетского государства [28]. Идеи А. Исхака разделяли сторонники патриотического движения и представители исламского реформаторства. Патриотические настроения охватили почти все слои египетского общества. Пресса, исполняя роль просветителя, заняла особое место в общественной жизни страны. Благодаря публикациям в журналах и газетах египтяне начали задумываться над такими понятиями, как «политическая свобода», «парламент», «выборы», «конституция», «конституционная монархия». Многие авторы публицистических статей подвергались преследованию за критические высказывания в адрес хедивских властей, некоторые газеты были закрыты.

С 1878 года опальные журналисты стали создавать тайные патриотические общества, распространяли прокламации с призывами к протестным выступлениям, что способствовало пробуждению среди населения национального самосознания, вело к возникновению напряженности в обществе. В общественном движении Египта постепенно оформились два направления с противоположными взглядами. Одно из них было готово безоговорочно воспринять ценности западной цивилизации, другое – выступало за полное их отрицание. Кроме того, появилось множество других течений общественно-политической мысли, «не разделенных глухой стеной», – как заметил ученый-востоковед А. М. Васильев. Наиболее активные общественные деятели считали необходимым реформировать традиционную веру, сохранив фундаментальные основы, но приспособив их к требованиям развития современного Египта.

Вдохновителем выступлений в поддержку реформ, идеологического и социально-политического обоснования целесообразности модернизации всех сторон жизни Египта стал крупный религиозный мыслитель, исламский реформатор сеид Джамаль ад-Дин аль-Афгани

(1839 – 1897), уроженец Афганистана. Он был основоположником реформизма в исламе, оказал духовное влияние на освободительное движение мусульманских народов. С 1871 по 1879 год аль-Афгани проживал в Каире и преподавал в университете Аль-Азхар. Сам университет на тот момент являлся строгим хранителем исламских традиций. Учебные планы и программы университета предусматривали сохранение устоявшегося толкования положений и принципов исламской религии. Несмотря на тот факт, что ислам вобрал в себя многое из религиозно-культурного наследия великих религий и цивилизаций, в университете придерживались мнения, что только благодаря исламу можно преодолеть духовную и культурную разобщенность мусульманских народов и сформировать их национальное самосознание. Исламская религия проповедовала беспрекословную покорность Аллаху и непримиримость мусульман с инакомыслием. Студенты Аль-Азхара воспитывались в консервативном духе и проявляли нетерпимость ко всем тем, кто исповедует иную религию.

Попытки уберечь студентов от «пагубного» влияния европейских идей оказались тщетными. Расширение связей со странами европейской цивилизации вело к появлению в мусульманском обществе стремлений к знакомству с культурными достижениями стран Европы. В студенческую среду стали проникать светские идеи, распространялись мысли о реформировании исламской религиозной доктрины. Перемены в настроениях студентов Аль-Азхара происходили во многом под влиянием проповедей исламского реформатора аль-Афгани и его сторонников из числа преподавателей университета. Последователи аль-Афгани стремились «раскрыть народу глаза» на сущность феодально-бюрократического деспотизма, призывали к ограничению абсолютизма и предоставлению права участия народных представителей в управлении страной на принципах парламентаризма и ответственности парламента перед народом.

Мусульманские реформаторы призывали верующих быть верными своему духовному наследию. При этом они пытались сочетать идеи прошлого с понятиями и мыслями современной философии и политической теории, призывали мусульман быть умеренными в перенесении традиций в современность, сохраняя верность духовным и

нравственным принципам Корана. Ислам для них был нормой политического мышления, с исламских позиций они допускали восприятие научно-технических достижений западной цивилизации. Признанный лидер исламских реформаторов аль-Афгани полагал, что сила европейцев состояла в науке и технике, в идеях и опыте общественно-политического развития. В реформированном исламе аль-Афгани видел идеологическую основу, объединяющую единоверцев в противостоянии колонизаторам Запада, стремившимся проникнуть в экономику, политику, культуру и общественную жизнь мусульманских стран. Вслед за аль-Афгани исламские реформаторы призывали мусульман перенять научно-технические и культурные достижения западных стран, настаивали на заимствовании опыта политической борьбы, а также норм государственного и общественного порядка, отвечавшего современным условиям и соответствующего фундаментальным принципам ислама [29].

Идеи аль-Афгани привлекли исламских сторонников преодоления национальной отсталости и противников колонизации Египта Западом. Противостояние ислама другим религиям, в частности христианству, стало проявлением идейного сопротивления египтян колонизации их страны европейцами. Использование западного опыта, считал аль-Афгани, необходимо для продвижения мусульманских стран к прогрессу, позволит укрепить их позиции в борьбе с колонизаторами. Сохранение веры и ее традиций, утверждал исламский реформатор, не противоречит нормальному отношению между мусульманскими и европейскими народами. Призывы к заимствованию культурных, научных и технических достижений европейцев нашли поддержку со стороны и клерикальной части египетской интеллигенции.

Аль-Афгани поддерживал идеи об установлении конституционного строя в Египте. Для достижения этой цели, по его мнению, целесообразным было патриотическое воспитание молодого поколения. Призывая мусульман к заимствованию культурных достижений западной цивилизации, аль-Афгани не допускал духовного сближения стран мусульманского мира с христианскими странами. По утверждению исламского реформатора, усвоение научно-технических и культурных

достижений европейцев необходимо мусульманам ради того, чтобы со временем «бить колонизаторов их собственным оружием» [30].

Реформаторские идеи аль-Афгани о единении мусульман в целях создания конфедерации мусульманских государств во главе с халифом послужили основой для зарождения в Османской империи концепции панисламизма. Панисламизм на долгие годы определил политическую деятельность властей Османской империи и стал ответной реакцией мусульман на военно-политическую, экономическую и культурно-идеологическую экспансию капиталистических держав. При этом аль-Афгани призывал мусульман к объединению вокруг султана и халифа, поскольку Османская империя являлась сильным и влиятельным государством во всем мусульманском мире. Исламский реформатор призывал мусульман к духовному единению на основе принципов ислама, увязывая исламскую религию с культурными идеями и традициями. Аль-Афгани был сторонником патриотического воспитания мусульманского молодого поколения в духе уважения интересов трудовых слоев. Он призывал единоверцев строго следовать принципам ислама в сопротивлении политике европейских колонизаторов. Он утверждал, что мусульмане «не имеют своей национальности, кроме религии», и возвышал религиозность над национальными различиями между мусульманами. Аль-Афгани призывал мусульманские массы не ждать милостей от правительства и администрации колонизаторов, а добиваться справедливости и реформ. Конституционный режим для мусульманских стран, по мнению исламских реформаторов, представлялся приемлемым, но в качестве реформированного халифата, который духовно, политически и экономически соответствовал бы духу современности и принципам ислама [31]. Аль-Афгани допускал и реформы, имевшие светский характер. За свою проповедническую деятельность в сентябре 1879 года он был выслан из Каира в Индию, где был взят англичанами под полицейский надзор.

Сподвижники и ученики Джамаль ад-Дина аль-Афгани продолжили просветительское движение в Египте. Среди них заметно выделялись умеренный исламский реформатор шейх Мухаммед Абдо, религиозный и общественный деятель Абдаллах Надим, египетский пи-

сатель Якуб Саннуа, публицист Али Мубарак, журналисты Адиб Исхак, Селим ан-Наккаш, Ибрагим ал-Лаккани. К последователям аль-Афгани следует отнести и Саада Заглул-пашу, ставшего лидером патриотического движения за гражданские свободы и конституционные реформы, основателя национальной партии Вафд. Последователи аль-Афгани поддержали полковника Ахмеда Ораби-пашу, возглавившего египетское национально-патриотическое восстание 1881 – 1882 годов.

Исламские реформаторы, критикуя новые нравы современной им действительности, осознавали необходимость перемен, но при сохранении ведущей роли ислама в общественно-политической и культурной жизни мусульманской страны. При этом, как заметил историк В. С. Кошелев, реформатор аль-Афгани возлагал большие надежды на «справедливого и мудрого хедива-реформатора», помыслы которого были бы «направлены на сплочение и объединение под своим руководством наиболее сознательных представителей интеллигенции, купечества, знати и армейских офицеров» [32]. Анализируя мировоззрение представителей мусульманского мира, философ А. В. Сагадеев пишет: «Мусульманские реформаторы, обращаясь к духовному наследию прошлого, призывали своих единоверцев вернуться на путь «праведных предков», очистить ислам от наслоений, превративших его в набальзамированный труп. В исламе, говорили они, нет ничего, что могло бы противоречить требованиям современной цивилизации, и задача состоит в том, чтобы истолковать его принципы применительно к сегодняшнему дню, отказавшись от механического перенесения на современные реалии интерпретаций, приспособленных к новым историческим условиям. Их практические рекомендации сводились к призыву сделать все, чтобы современные знания и научно-технические достижения Запада стали достоянием мусульманского Востока, но при этом сохранить верность духовным и нравственным принципам ислама, обогатив их идеями конституционализма, парламентаризма, социальной справедливости» [33]. Стремясь придать исламской вере современный, рациональный характер, исламские реформаторы намеревались придать религиозность научным знаниям и утвердить ислам и его нормы в светской деятельности египетского общества.

Следует отметить, что период правления Мохаммеда Али в истории Египта известен как «эпоха возрождения». Его реформаторство укрепило военные позиции Египта, убедило европейские державы, что иметь с ним дело предпочтительнее, чем с разлагающейся Османской империей. Реформы Мохаммеда Али «развернули» Египет от Средневековья к веку технического прогресса, внесли серьезные перемены в область развития национальной государственности [34]. По утверждению Г. А. Насера, государственный аппарат Египта долгое время, за небольшим исключением, оставался таким, каким он был во времена Мохаммеда Али [35]. Реформаторство властного правителя способствовало зарождению новых социально-экономических и политических основ общественных отношений в стране. Новые импульсы к преодолению хозяйственной и культурной отсталости Египта придавала деятельность просветителей. Стремление к новым знаниям охватывало как светскую, так и духовную интеллигенцию египетского общества.

Влиятельная группа национальной интеллигенции, представленная исламскими реформаторами-просветителями, считала реформирование ислама необходимым условием для усвоения мусульманами достижений западной цивилизации в области народного просвещения, распространения в мусульманском мире технических знаний. В своих выступлениях и на страницах публикаций исламские реформаторы Египта поддерживали необходимость модернизации уклада всей жизнедеятельности египтян. Большие надежды они возлагали на установление конституционного режима, но при сохранении приоритетных позиций ислама в духовно-культурной и общественно-политической жизни мусульман Египта. Среди просвещенной части египетского общества утверждалось мнение о том, что только просвещение позволит народу добиться свободы и лучшей жизни. В поддержку реформ выступили представители просветительской интеллигенции, политики, общественные деятели, писатели, журналисты, реформаторы ислама и учителя, участвовавшие в распространении знаний среди населения. Патриоты стремились добиться освобождения от произвола феодальной тирании с помощью проведения социаль-

ных преобразований и конституционной реформы. Требования о выходе Египта из состава Османской империи ими не выдвигались.

Сторонниками изменения статуса египетской провинции в пределах Османской империи стали «офицеры плебейского происхождения», составившие основу армейского восстания 1881 – 1882 годов во главе с Ораби-пашой. Восстание отразило интересы египетского народа и было поддержано просвещенной частью национального общества. Интеллигенция оказалась союзницей армейского офицерства в выступлениях за расширение автономных прав Египта, поддержала реформаторство Мохаммеда Али и его преемников.

Среди египетских интеллектуалов распространились идеи видных европейских просветителей, в частности французского философа Эрнеста Ренана, исследователя истории христианства и межцивилизационных отношений. Э. Ренан отмечал, что христианство, ислам, как и другие верования, подготавливали верующих, но не граждан: «Высшая цель человечества есть свобода отдельной личности. А теократия, откровение никогда не создадут свободы. Теократия делает человека, облеченного властью, служителем Божиим; разум делает его представителем воли и прав каждого» [36].

На рубеже Средневековья глубоко религиозный Египет был охвачен борьбой богатых классов, приверженцев господствовавшего культа, с бедными слоями населения. В таких условиях арабы-завоеватели смогли захватить египетские территории, утвердив исламскую тиранию. Французская революция, по мнению европейских просветителей, положила начало основанию новой веры человечества. Благодаря просветительству и просветителям возникли условия для проникновения в общественную мысль Египта идей о реформаторстве и для зарождения идеологии национально-освободительного движения. Проводником передовых идей о формировании национальной государственности стала выступать просвещенная часть общества, получившая образование в высших учебных заведениях зарубежных стран.

*Список библиографических ссылок**

1. *Яковлев А. И.* Реформы на Востоке: предпосылки, механизм и последствия // Восток (Oriens). 1993. № 5. С. 69.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Персия и Китай // Сочинения. Изд. 2-е, стер. Т. 12. С. 219 – 220.
3. *Косач Г. Г.* Масуд Дахер. Ан-Нахда аль-Арабийя ва ан-Нахда аль-Ябанийя Ташабух аль-Мукалдимат ва Ихтиляф ан-Натандж // Восток (Oriens). 2003. № 6. С. 174.
4. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 583.
5. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979. С. 20.
6. *Рахманов Б. Р.* Художественное своеобразие «восточной» повести в русской литературе первой трети XIX века (образы, тематика, первоисточники и проблемы перевода). Душанбе, 2016. С. 19 – 20 ; Путешествие О. И. Сенковского в Египет и Нубию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info> (дата обращения: 27.11.2016).
7. *Зайцев И. В., Крол А. А.* «Вражьи рифмы»: первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. // Восток (Oriens). 2016. № 5. С. 95 – 96 ; *Полонский И.* Мухаммед Али. Человек, который создал современный Египет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru>. (дата обращения: 27.11.2016).
8. *Вальская Б. А. Е. П.* Ковалевский и египетские инженеры на Урале и Восточном Судане (неопубликованные материалы) // Страны и народы Востока. Вып. XV: Африка и Азия. М., 1973. С. 127 – 128 ; *Баландинский Н.* Путешествия в Российской империи. Первая русская экспедиция в Африку: Егор Ковалевский и Лев Ценковский, 1847 – 1848 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geografia.ru> (дата обращения: 27.11.2016).
9. *Вальская Б. А.* Указ. соч. С. 137 ; *Бухерт В. Г.* У истоков отечественной африканистики // Восточный архив. 2011. № 2(24). С. 79 ; *Данциг Б. М.* Русские путешественники на Ближнем Востоке в первой половине XIX в. // Ближний Восток : сб. ст. М., 1976. С. 235 – 237.

* Здесь и далее приводится в авторской редакции.

10. *Данциг Б. М.* Указ. соч. С. 231 ; Русские при дворе Мухаммеда Али [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geography.ru> (дата обращения: 26.11.2016).

11. *Сосновский М.* Вестернизация Египта, или Ближневосточный султан здорового человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sputnikprogram.com> (дата обращения: 29.11.2016).

12. *Яковлев А. И.* Указ. соч. С. 67, 70.

13. *Хамруш А.* Революция 23 июля 1952 г. в Египте. Очерки истории : пер. с араб. М., 1984. С. 44.

14. *Там же.* С. 27.

15. *Ротштейн Ф.* Захват и закабаление Египта. М. – Л., 1925. С. 7 – 11, 22 – 23 ; *Панов В. П.* Эволюция экономических форм колониализма. М., 1969. С. 21 – 22 ; *Андреев В. И.* В стране пирамид. М., 1972. С. 36 ; *Гальский Д.* Великие авантюры: история создания Суэцкого и Панамского каналов. М., 1990. С. 221.

16. *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1965. С. 41.

17. *Севортян Р. Э.* О политической роли офицерства в странах современного Востока // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. С. 56.

18. *Севортян Р. Э.* Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973. С. 17 ; *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979. С. 104.

19. *Иванов Н. А.* Египет // История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время / отв. ред. М. Ю. Френкель. М., 1976. С. 215.

20. *Панов В. П.* Указ. соч. С. 26 – 27 ; *Черновская В. В.* Офицерский корпус Египта как социальная группа (1850 – 1952) // Народы Азии и Африки. 1975. № 3. С. 73 ; *Климентов В. П.* Социально-политическая роль армии в Египте в середине XX в. // Восток (Oriens). 2004. № 6. С. 52.

21. *Левин З. И.* Арабские страны // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока / отв. ред. Л. Р. Полонская. М., 1973. С. 65 – 66.

22. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. В 3 т. Т. 1. Классовая структура / отв. ред. В. В. Рымалов, Т. С. Покатаева. М., 1967. С. 266.

23. *Васильев А. М.* Египет и египтяне. М., 1986. С. 221 ; *Силин А. С.* Новая история стран Азии и Африки в «Ученых записках» и «Сборниках» университетов и педагогических институтов (1977 – 1981) // Народы Азии и Африки. 1982. № 6. С. 144.

24. *Иванов Н. А., Намиткова З. А.* Мубарак Али // Африка : энциклопедия : в 2 т. Т. 2. С. 402.

25. Каир: тысячелетие города. 969 – 1969. Каир, 1969. С. 36 – 37 ; *Аль-Кавакиби Абд ар-Рахман.* Природа деспотизма и гибельность порабощения. М., 1964.

26. *Левин З. И.* Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. (Новое время). М., 1972. С. 142 – 143.

27. *Ратман Л.* Проблемы восстания Ораби 1879 – 1882 гг. в Египте // История и экономика стран Арабского Востока / отв. ред. Н. А. Аршаруни, Е. А. Лебедев. М., 1973. С. 252 – 253.

28. *Там же.* С. 270.

29. *Сагадеев А. В.* Ислам и Арабский Восток : науч.-аналит. обзор. М., 1980. С. 11.

30. *Хакимов И.* Джамаль ад-Дин аль-Афгани – философ и реформатор // Азия и Африка сегодня. 1989. № 12. С. 40.

31. *Левин З. И.* Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (Новое время). М., 1972. С. 73 ; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. М., 1976. С. 219.

32. *Кошелев В. С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879 – 1981). Минск, 1984. С. 17.

33. *Сагадеев А. В.* Философское наследие мусульманского мира и современная идеологическая борьба : науч.-аналит. обзор / отв. ред. С. И. Кузнецова. М., 1987. С. 8.

34. Мухаммед Али: возрождение империи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfiro-city.info> (дата обращения: 26.11.2016).

35. *Насер Г. А.* Проблемы египетской революции : избр. речи и выступления 1952 – 1970 гг. : пер. с араб. М., 1979. С. 101.

36. *Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991. С. 317.

Глава 2. ЕГИПЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Восстание египетской армии во главе с А. Ораби-пашой стимулировало широкие слои патриотических сил Египта на совместные выступления против угрозы колониального порабощения европейскими государствами и капитулянтской политики правительства хедива. Инициативу в организации выступлений народных масс взяла на себя армейская интеллигенция.

Впервые армия Египта смогла продемонстрировать свои способности, выступить против колониальной экспансии иностранных держав и отстаивать интересы национальной государственности. Однако успешно противостоять армии англичан восставшим египтянам не удалось. К тому же феодальные верхи пошли на союз с интервентами и были готовы капитулировать перед британскими колонизаторами.

После оккупации британскими войсками в Египте в 1882 году был установлен режим колониального управления. Перед страной встали качественно новые перспективы развития производительных сил и общественных отношений. В условиях иностранного господства новая (буржуазная) интеллигенция стала генерировать идеи, направленные на решение проблем модернизации национальной экономики, политических и социальных отношений.

2.1. Египетская интеллигенция во время восстания А. Ораби-паши

В середине XIX столетия в общественной жизни Египта произошли заметные перемены, появились первые серьезные результаты «эпохи просветительства»: заимствовались достижения европейской культуры, в стране возникли светские школы, зародилась национальная пресса, широкое распространение получила публицистика, пропагандировавшая идеи модернизации страны. Приобретали актуальность тезисы о единении светских знаний с религией, что сказывалось на развитии общественной мысли. Призывы к защите ислама от экспансии европейского христианства сочетались с требованиями социальных и политических реформ.

Панисламистские настроения, проникавшие в Египет, в первую очередь были восприняты неэлитарной частью армейского офицерства. Благодаря их участию окрепло организованное в 1879 году в Александрии нелегальное общество «Молодой Египет» («Миср аль-Фатат»). Это общество установило связи с патриотически настроенными армейскими офицерами Каира и либеральной интеллигенцией, недовольными всевластием хедива Исмаила и его окружением. Протестные выступления различных социальных слоев приобрели характер национального недовольства и были направлены против засилья турецко-черкесской знати в египетском офицерском корпусе, неспособности хедивских властей противостоять проникновению иностранного капитала в экономику и политику Египта. Наиболее ощутимым ударом по национальной гордости стала продажа хедивом Исмаилом в 1875 году египетских акций компании Суэцкого канала британскому правительству и признание финансовых обязательств по внешним займам. В апреле следующего года хедив объявил о финансовой несостоятельности Египта.

Казна страны нищала и из-за роста расходов на содержание двора хедива и погашение иностранных займов. Египет попал в растущую финансовую зависимость от Англии и Франции. Для погашения долгов по англо-французским займам при хедиве была учреждена «Касса египетского долга», деятельность которой постепенно сводила Египет к состоянию банкротства. В 1878 году кредиторами была создана Международная комиссия по изучению финансового состояния Египта, в состав которой вошли четыре представителя «Кассы египетского долга» и по одному представителю от Англии, Франции и Египта. Египетские финансы оказались под полным англо-французским контролем, что позволило обеим державам управлять хедивом. Доходы Египта попали в ведение английского генерального контролера Вильсона, а расходы хедивского двора были поставлены под контроль французского представителя – банкира Блиньера. В результате совместное управление финансами Египта оказалось в руках англичан и французов [1].

Воспользовавшись финансовыми трудностями Египта, Англия и Франция ввели в состав египетского правительства своих представителей в качестве министров и советников, которым было поручено

куруировать деятельность самых важных министерств – финансов и общественных работ. Иностраные советники проникли почти во все государственные учреждения и ведомства Египта. К началу 1880-х годов в Египте насчитывалось 1325 должностных постов, из которых 594 занимали англичане и французы, что составило 44 % от общего числа государственных служащих Египта [2]. При участии иностранцев, прежде всего англичан, формировался новый бюрократический аппарат страны, что порождало недовольство среди местного чиновничества. Возмущение египтян вызывала неконтролируемая деятельность международной компании Суэцкого канала, которая по существу становилась государством в государстве. Благодаря ее работе Египет вскоре обанкротился, и это унижение надолго сохранилось в памяти египетского народа. Лидер египетской революции 1952 года первый президент суверенной Республики Египет Гамаль Абдель Насер на народном митинге 26 июля 1956 года в Александрии вспоминал: «Задолженность международным компаниям вынудила Египет продать свои 44 % акций, которые Англия приобрела за 4 млн фунтов стерлингов, а хедив Исмаил уступил также и прибыли, причитавшиеся Египту от канала. Таким образом, 44 % акций достались Англии фактически даром» [3]. Международная компания Суэцкого канала оказалась под контролем английского правительства. Потерю прав собственности на Суэцкий канал египтяне воспринимали как сильный удар по их национальному достоинству. Известно, что строительство канала им пришлось оплатить потом и трудом – на этой стройке погибло до 120 тыс. египтян [4]. Суэцкий канал не только не смог обеспечить Египет доходами, но и стал орудием его колониального порабощения Западом.

Причиной продажи Египтом своих акций стали финансовые трудности, обострившиеся в ходе египетско-абиссинской войны 1875 – 1876 годов. Политика хедива Исмаила и главы его правительства Нубар-паши в 1878 – 1879 годы вызвала недовольство в обществе, что стало стимулом для протестных выступлений. Общенациональные настроения активизировали деятельность тайного общества египетского офицерства, образованного в 1876 году. Члены общества под лозунгом «Египет для египтян!» выступили патриотами (ватанистами) своей страны. Они стали настаивать на египтизации армии и уда-

лении иностранцев и их советников из правительства премьер-министра Нубар-паши. Воспринимая его как агента иностранного капитала, офицерство обвиняло Нубар-пашу в проведении соглашательской политики.

Лидером египетского офицерства стал Ахмед Ораби-паша, который заслужил общенациональное признание. Он возглавил антихедивское выступление каирского гарнизона, в ходе которого в столице Египта начались аресты непопулярных сановников, агентов иностранного капитала. 11 февраля 1879 года восставшие офицеры задержали карету Нубар-паши. Вместе с министром финансов британцем Р. Вильсоном он был арестован. Но благодаря хедиву все арестованные были освобождены. 26 июня 1879 года Исмаил был низложен, хедивом Египта был провозглашен его сын Тауфик-паша. Новый правитель, находившийся во главе страны до 1892 года, мало что изменил в отношениях с европейцами. Он продолжал покорно выполнять их волю и пытался ужесточить контроль над национальной армией. При нем была распущена палата нотаблей, закрыты патриотические газеты, началась чистка армии от неблагонадежных офицеров. Правительству Шериф-паши пришлось признать национальные долги и «временные права» англичан и французов в Египте. Глубокая финансовая зависимость от иностранного капитала привела к росту налогов, от которых в первую очередь страдали феллахи и трудовые слои городов.

В 1881 году политическая ситуация в Египте резко обострилась. Назревал внутривнутриполитический конфликт. 9 сентября в Каире произошел военный переворот, который возглавили полковники Ахмед Ораби-паша и Ахмед Абдель Алем. Компрдорское правительство было отправлено в отставку. На смену правительства компрдоров Шериф-паши пришло правительство во главе с генералом Махмудом аль-Баруди, выходцем из знатной черкесской семьи. В новом правительстве лидер Национальной (вафдистской) партии полковник Ораби-паша получил пост военного и морского министра и сразу же проявил себя противником вмешательства иностранцев во внутренние дела Египта. Решимость Ораби-паши во многом подкреплялась тем обстоятельством, что египетская армия выступала гарантом сохранения суверенитета национального государства. 7 февраля 1882 года была объявлена конституция, согласно которой в стране создавались Чрез-

вычайный и Военный советы. Правительство аль-Баруди приступило к освобождению армии и государственного аппарата от иностранцев и компрадоров.

Пришедшие к власти офицеры-ватанисты вначале пытались защищать лишь свои профессиональные интересы, но вскоре среди их требований появились призывы к проведению реформ, возвращению феллахам заложенных земель, ликвидации ростовщических долгов, ограничению роста цен на потребительские товары и удовлетворению других требований населения. Стали раздаваться призывы к созыву парламента и установлению контроля армии над всей системой административного управления, к смещению иноземцев со всех ответственных постов. Выдвигались также требования свободы собраний и печати, равенства всех граждан Египта перед законом, ликвидации капитуляций и проведения политики в интересах защиты национальной экономики. Сторонники энергичного и образованного военного деятеля Ораби-паши, выразившие интересы египетского народа, стали склоняться к поддержке социальных и правовых реформ. Сам Ахмед Ораби-паша заявлял о том, что цель его политической деятельности – освобождение египтян от рабства, несправедливости и невежества, достижение такой высоты в национальном развитии, «которая сделает невозможным возврат деспотии, утвердившейся в прошлом в Египте» [5]. Все большее число египетских интеллектуалов становилось приверженцами реформаторских и просветительских идей.

В условиях начавшегося политического и финансового кризиса, роста антиевропейских настроений и при участии исламского реформатора аль-Афгани элита предприняла попытку организовать политическую партию. В 1879 году такая партия появилась под названием «Хизб аль-Ватан» («Национальная партия»), объединив прогрессивную часть интеллигенции и патриотическое офицерство армии хедива. Среди членов партии ватанистов было немало служащих административных учреждений, которым пришлось действовать в нелегальных условиях. Председателем партии стал Ахмед Ораби-паша. В программе (манифесте) партии говорилось, что армия является единственным гарантом прав народа на суверенное развитие, а партийный лозунг «Египет для египтян!» по существу стал для патриотов политическим знаменем зарождавшегося египетского освободительного

движения [6]. Этот призыв был направлен против деятельности вафдистского правительства и на долгие годы стал лозунгом борьбы патриотов Египта против политики европейских колонизаторов и соглашения хедивских властей. Патриотический лозунг соединил в себе идеи конституционных реформ, парламентаризма и верности исламу, который признавался морально-духовной и правовой основой в борьбе за суверенное развитие мусульманской страны.

Столкнувшись с серьезной угрозой потери своих позиций в египетской экономике, европейские державы решились на военное вмешательство в дела Египта. Вначале они предприняли попытку спровоцировать конфликт между хедивом и правительством ватанистов. При этом ставка делалась на верхушку офицерства, представленную турками, черкесами и албанцами. Но попытки отстранить ватанистов от власти европейцам не удалось. Последовавшие затем военные акции против патриотов в Каире и Александрии привели к англо-египетскому противостоянию. Ватанисты пытались поднять египетский народ на вооруженную борьбу против европейских интервентов и хедивских соглашателей.

В исторической литературе распространено мнение о том, что восстание во главе с Ораби-пашой стало началом антиколониального движения в Египте, длившегося более 80 лет. Немецкий историк Л. Ратман утверждал, что восстание можно считать первым общенациональным освободительным выступлением в Египте. В нем участвовали или ему симпатизировали «все социальные слои, за исключением враждебных групп из турецко-черкесских высших слоев и их приверженцев в кругах высшего чиновничества, феодальных кругах и генералитете, а также компрадорской прослойки буржуазии, состоящей преимущественно из греков, мальтийцев, армян, турок и итальянцев» [7]. Некоторые британские историки акцентируют внимание на религиозном характере восстания по той причине, что ислам стал знаменем восставших мусульман. На завершающем этапе восстания отчетливо проявилась враждебность мусульман Египта ко всем иноверцам, что дало английским политикам повод утверждать, что восстание Ораби-паши было религиозным протестом против европейцев.

Действительно, для восставших ислам стал объединяющим фактором в борьбе с европейцами. Скорее следует принять во внимание тезис Д. Гальского о причинах армейского восстания Ораби-паши: «На протяжении всего XIX столетия, год от года, копилась в египтянах ненависть к европейцам, которые пользовались в их стране разнообразными преимуществами и льготами в ущерб коренному населению и всегда вели себя как завоеватели» [8].

Другими словами, бесчинства иностранцев и попустительство со стороны хедива вызывали недовольство среди населения, но единственной реальной силой, способной оказать сопротивление турецко-черкесским властям, проникновению европейских колонизаторов в Египет и избавить народ от рабского состояния, оказалась только национальная армия. К национально-патриотическому выступлению военных присоединились феллахи, средние слои города, студенты и интеллигенция Египта. Офицерство низшего и среднего рангов стало выразителем идей и требований мелкой буржуазии, ремесленников, студентов, журналистов, низшего чиновничества и духовенства. Сплотить столь разношерстную толпу недовольных в тех условиях мог только ислам.

Гражданская интеллигенция была слишком слаба, чтобы стать активной самостоятельной силой, но в её среде наметилось национально-политическое пробуждение. При её участии с началом армейского восстания по всей стране для нужд восставших был организован сбор денежных средств, была поддержана всеобщая мобилизация. В ответ на угрозу для европейских монополий Великобритания поспешила направить свою морскую эскадру к Александрийскому порту, потребовала выслать из Египта лидера восстания полковника Ораби и немедленно распустить правительство ватанистов.

Армейское восстание стало приобретать угрожающий характер для властей хедива и иностранцев, поэтому 11 июля 1882 года английские военно-морские силы начали бомбардировку Александрии. Город древней культуры превратился в руины. Такая акция должна была деморализовать восставших египтян. Разгром Александрии британцы оправдывали намерением поддержать хедивские власти, спасти население страны и Суэцкий канал от «тирании» Ораби-паши. Вслед за варварским ограблением Александрии английские интервенты захватили Порт-Саид, Суэц и Исмаилию. После оккупации всей зоны

Суэцкого канала их войска двинулись вглубь страны. Но здесь интервенты столкнулись с массовым движением сопротивления. Имея военное превосходство, англичанам удалось разгромить военные силы патриотов Египта. 13 сентября 1882 года войска египетской армии были разбиты интервентами под Тель-эль-Кебре, а на следующий день англичане захватили Каир. Интервентов поддержали представители старой аристократии, которые видели в них свое спасение. Европейские державы весьма сдержанно отнеслись к закреплению Великобританией своих позиций в Египте. С осуждением военных действий английских войск в Египте выступили социалисты некоторых европейских стран. Во Франции, например, были организованы митинги в защиту египтян. Подобные выступления состоялись и в Германии. Фридрих Энгельс, скептически относившийся к деятельности Национальной партии Египта и ее лидера Ораби, в 1882 году заявил: «Я считаю, что мы вполне можем выступать в поддержку угнетенных феллахов, не разделяя при этом их теперешних иллюзий (ведь крестьянскому народу нужно веками подвергаться обману, пока он не прозреет на собственном опыте), и можем выступать против насилия англичан, отнюдь не солидаризируясь из-за этого с их теперешними противниками» [9]. Лидеры аристократов и националистов Египта заботились о сохранении своих привилегий, но не помышляли об освобождении феллахов и трудовых слоев городов от хедивской тирании.

Захватив Каир, английские интервенты восстановили на троне хедива Тауфика, распустили правительство ватанистов и национальную армию. Участники восстания подверглись массовым репрессиям, все офицеры (от лейтенанта до капитана), принявшие участие в восстании, были лишены армейских званий, высшие офицеры высланы за пределы Египта [10]. 15 сентября 1882 года были пленены лидеры восстания Ораби-паша и Махмуд аль-Баруди. Англичане приговорили их к смертной казни, которая была заменена пожизненной ссылкой на остров Цейлон. Лишь в мае 1901 года ссылкой было разрешено вернуться в Египет. Возвратившись на родину, политической деятельностью они заниматься не стали. Вскоре Ораби-паша умер и был похоронен в Каире.

Во время интервенции лондонский кабинет заявил, что у Великобритании «нет никакого намерения» оккупировать или присоединить Египет к колониальным владениям Британской империи. Английский

министр иностранных дел лорд Гренвиль 4 октября 1881 года говорил турецкому послу в Лондоне Мурза-паше: «Мы стремимся сохранить существующее положение и права султана». Затем, 19 октября того же года, лорд Гренвиль заверил русского посла в Лондоне: «Правительство ее величества королевы не имеет никаких особых интересов; его цель состоит в сохранении существующего положения» [11]. Глава британского правительства Гладстон, лидер английских либералов, в своих публичных выступлениях также неоднократно заявлял об отсутствии намерений у его страны продолжить оккупацию Египта. Египетский историк А. ар-Рафии в своем труде привел множество фактов, отражающих обещания Англии отозвать оккупационные войска из Египта и уважать его независимость. Однако свои обещания англичане не собирались исполнять. Джульетта Адам, французский историк, подсчитала, что за сорок лет, последовавших после высадки военно-морских сил Англии в Александрии, правительство Лондона «66 раз заверяло мир, что британские подразделения будут выведены из Египта» [12]. И ни одно из заверений и обещаний англичанами не было исполнено.

Жестокость, с которой англичане подавляли восстание Ораби-паши и устанавливали колониальные порядки в Египте, поражала очевидцев. Многих шокировали результаты бомбардировок Александрии. Древний город, разгромленный британцами, потерял большую часть своего населения (около 160 тыс. человек). Покидая охваченную пожаром Александрию, её жители «поджигали уцелевшие склады и другие объекты, чтобы они не достались врагу» [13]. Кварталы беззащитного города превратились в груды камней. Известный русский путешественник, врач и антрополог А. В. Елисеев, бывший в Египте в 1881 и 1882 годах, посетил Александрию в 1883 году и был потрясен увиденным. В очерке «По белу свету» путешественник писал, что перед ним предстала настоящая каменоломня, засыпанная камнями и наполненная едкой известковой пылью. Бомбардировка Александрии, писал А. В. Елисеев, «представляет позорную страницу в истории английского флота, стрелявшего тяжелыми бомбами в беззащитный город. ... Дальнейшее знакомство с новыми порядками, введенными в Египте победителями Ораби-паши, еще более увеличило это нерасположение, и я скоро стал искренне разделять убеждение всех честных египтян, ненавидевших самозванных пришельцев-англичан» [14].

Следует заметить, что такая реакция Елисеева вполне закономерна. У русских путешественников, посещавших Египет в разные годы, сложилось очень теплое отношение к горожанам Александрии и Каира, феллахам Нильской долины. В частности, в мае 1881 года поездку по святым местам Палестины и Египта совершил писатель, историк-славист Д. Л. Мордовцев. Впечатление об увиденном во время путешествия писатель с симпатией отразил в своих сочинениях и очерках. Особое впечатление на него произвело трудолюбие феллахов – потомков строителей пирамид, величественных храмов и всех чудес земли фараонов [15]. Трудолюбием феллахов был поражен и А. В. Елисеев, о чем он писал в своих очерках и воспоминаниях. По его словам, их тяжелое положение еще больше ухудшилось при иностранных оккупантах – феллахи оказались под двойным гнетом.

После захвата Египта англичанами в 1882 году страна постепенно стала утрачивать остатки ограниченной самостоятельности, полученной от османского султана. Стамбул был вынужден пожертвовать своим суверенитетом над Египтом, сохранив за собой лишь духовное верховенство. Древняя страна превратилась в британскую колонию, оставаясь провинцией Османской империи лишь формально. Открыто заявить о включении Египта в Британскую империю англичане опасались, и только в начале Первой мировой войны, в 1914 году, они объявили об установлении своего протектората над Египтом, а зону Суэцкого канала превратили в основную военную базу своего присутствия на Ближнем Востоке. Суэцкий канал был важен для англичан, которые осознавали угрозу утраты своей приоритетной роли в колониальном мире. Они сделали ставку на установление контроля над зоной Суэцкого канала – важным военно-стратегическим регионом. Англичанам необходимо было сохранить свой контроль над его торгово-перевалочными объектами и транспортными путями, чтобы обеспечить влияние на мировую торговлю. Британцы стремились закрепить свои позиции в компании Суэцкого канала, стать основными ее пайщиками и взять под контроль эксплуатацию канала. Оккупация Египта закрепила за Великобританией статус главного владельца Суэцкого канала. Под английский контроль попал и главный порт Египта – Александрия.

Установив непрерывную связь через Суэцкий канал с Индией и Юго-Восточной Азией, англичане восстановили свою гегемонию в европейско-азиатской торговле [16]. Беспокойство европейских дер-

жав по этому поводу было ослаблено подтверждением правительством Британской империи верности Константинопольской конвенции 1888 года, в положениях которой гарантировался международно-правовой режим Суэцкого канала. Англичане также гарантировали свободный проход по каналу торговых и военных судов всех стран как в мирное, так и в военное время. Участниками конвенции были главные государства Европы, в том числе и Россия. К конвенции присоединились Япония, Китай и ряд других стран. Нежелание расстаться с колониальным приобретением на Ближнем Востоке англичане прикрывали различными предложениями, лицемерными обещаниями предоставить Египту «хороший старт» для развития в будущем. В действительности же британская администрация стала правительством в оккупированном Египте. Контроль над Суэцким каналом позволил Англии наладить устойчивую морскую связь с Индией, Австралией и другими своими владениями на Востоке.

Господство англичан и их колониальный режим серьезно затормозили политико-экономическое развитие Египта, стали преградой для развития национальной культуры и прогрессивной общественной мысли. Национально-патриотическое движение египтян столкнулось с большими трудностями: одни его участники оказались в большой растерянности, другие примкнули к панисламскому течению, третьи встали на путь индивидуального террора.

Основная масса населения с негодованием восприняла присутствие в их стране оккупантов. Египетские патриоты не смирились с британским колониальным режимом, часть из них поддержала создание подпольной исламистской организации с весьма символическим названием «Общество отмщения» («Джамаат аль-Интикам»), прибегавшей к террористической практике. Среди членов общества оказалось немало бывших военнослужащих, в том числе офицеров, уволенных со службы.

Чистка, которой подверглась египетская армия, вполне объяснима. В армии колонизаторы и хедивский двор видели серьезную политическую угрозу. Отмечая оппозиционную роль армии в политической жизни Египта нового времени, исследователь Г. И. Мирский писал: «Восстание 1882 г. против иностранного господства было делом группы офицеров во главе с Ораби-пашой. Оно выражало интересы всего египетского народа, и правы те, кто характеризует его «не как вспыш-

ку милитаризма, а как народное восстание», которым руководили «офицеры плебейского происхождения»». Популизм Ораби, по мнению Г. И. Мирского, можно оценить «как отдаленный и грубый предварительный набросок насеризма» [17], проявившийся с началом капиталистического развития Египта. По убеждению некоторых исследователей, армейское восстание Ораби-паши ознаменовало первую попытку превращения Египта в государство с военной диктатурой, но этот процесс прервала «временная» оккупация английскими войсками и превращение Египта в колониально-зависимую страну Британской империи.

Армейское восстание 1881 – 1882 годов положило начало длительному этапу борьбы египетского народа против колониального порабощения, а требования и лозунги восставших отразились в требованиях участников народных восстаний 1919 и 1921 годов. В сложных условиях на рубеже XIX и XX столетий в Египте формировались общественно-политические силы, способствовавшие патриотическому пробуждению египетской нации. Антиколониальные выступления египтян проходили на протяжении многих лет, от восстания 1881 – 1882 годов до Июльской революции 1952 года, но только в 1956 году из страны были изгнаны британские оккупационные войска.

Идеологи египетского национализма тщетно пытались переложить вину за оккупацию британской армией египетской территории на Ораби-пашу, считая главным побудителем британских территориальных захватов патриотическое восстание полковника. Такого рода заявления националистов осуждали патриоты, интеллигенты и феллахи Египта. Египетский историк Ахмед Хамруш писал: «Ахмед Ораби был коренным египтянином. В истории Египта нового времени не найти другого такого лидера, который был бы так близок сердцу феллахов, как он. Это был первый командующий целой армией из египтян и первый египетский революционер, вокруг которого спланивались массы и военных, и гражданских» [18]. Не случайно, что у Ораби-паши нашлись последователи, также выступавшие против засилья турецко-черкесской аристократической клики и разорительной политики хедива. Ими стали Мустафа Камиль, Мохаммед Абдо, Касим Амин, Лутфи ас-Сайид и другие национальные патриоты.

После подавления восстания Ораби-паши «временный» оккупационный режим отменил хедивскую конституцию и 1 мая 1883 года позволил хедиву ввести так называемый Органический закон. По это-

му акту «полнота власти» переходила к хедиву, который назначал совет министров, ответственный только перед ним. Египетский правитель сохранял свою власть за счет поддержки англичан. Формально как часть Османской империи Египет продолжал выплачивать дань в стамбульскую казну, а Великобритания как союзник османского султана получила право назначать своего агента (генерального консула) в Египет, наделив его властными полномочиями. Деятельность хедивских властей оказалась под контролем генерального консула, имевшего надежную опору в лице оккупационных войск и ставшего фактически деспотическим правителем Египта. Британцы заняли руководящие посты в местных министерствах и ведомствах. Министры-египтяне были вынуждены послушно и безукоризненно исполнять решения и указания британских чиновников и советников. Оккупанты не решились пойти на коренные изменения в управлении новой колонии, а стали использовать в своих интересах сложившиеся местные административные структуры и традиции. Внешне государственно-управленческие органы власти страны сохраняли национальные черты. Глава хедивского правительства Нубар-паша в одной из своих бесед с генеральным консулом России в Каире А. Кояндером признавался: «В настоящее время страной невозможно управлять без помощи какой-либо иностранной державы» [19]. По его словам, причиной возникновения такой ситуации являлось отсутствие у Египта собственных профессиональных кадров, способных исполнять обязанности по административно-управленческой службе. Рассчитывать на содействие со стороны Стамбула не приходилось, ибо в то время Османская империя сама испытывала потребность в новых кадрах. Турецкий султан понимал, что одному ему не удержать египетскую провинцию под своим контролем, а если прогнать англичан, то туркам придется оставить Египет. То же самое думали и англичане: если Турция потеряет власть, то и им придется уйти из Египта. Поэтому англичане шли на союз с турецким султаном, сохраняя его представителя в Каире. Реальная же власть в крупнейшей провинции Османской империи была сосредоточена в руках британской администрации. Первым актом оккупантов стало учреждение Генерального совета, Законодательного и провинциальных собраний Египта. Полнотой управленческой власти эти административные органы не обладали, их деятельность находилась под контролем британского генерального консула.

Египетская армия Ораби-паши была распущена, взамен создавалась новая армия, в которой старшие командные должности заняли английские офицеры. Офицеры-египтяне могли претендовать только на замещение младших командных должностей. Вся гражданская служба хедива перешла под контроль британской администрации. Англичане, используя формы косвенного управления, начали привлекать к административно-управленческой деятельности местных благонадежных представителей аристократии, а также местное чиновничество, благодаря чему получили свободу маневрирования в эксплуатации египетского населения.

В обществе зависимого Египта, оказавшегося в состоянии духовного и политического кризиса, произошло размежевание национальных сил. Выявились два общественных блока: 1) патриотические сторонники и последователи Ораби-паши; 2) консервативно-либеральные помещики, компрадоры и высшие чиновники, склонные к союзу с англичанами. Представители старой, аристократической интеллигенции также были готовы идти на сближение и сотрудничество с оккупантами. В противоречивом состоянии оказалась мелкобуржуазная и армейская интеллигенция.

Публичная общественно-политическая жизнь страны перешла под строгий контроль англичан. Через средства массовой информации либерально-помещичьим кругам, чиновничеству и духовенству навязывалось мнение о том, что египтяне еще не подготовлены к самоуправлению, им еще предстоит приобрести навыки самостоятельного административного управления. В высшем обществе распространялось мнение, что такие способности и навыки политического, экономического и культурного развития могут быть получены только при помощи англичан. Оккупанты обещали оправдать надежды египетской элиты, насаждая среди египтян идеи о «цивилизаторской миссии» колонизаторов на Востоке. Примиренчество как основной идеологический лейтмотив поддерживалось администрацией английских оккупантов и навязывалось местной аристократии, имущим слоям Египта и тесно связанным с ними представителям египетской интеллигенции.

2.2. Патриотическая деятельность египетской интеллигенции в годы британского колониального режима (1882 – 1901)

Начальный этап существования британского колониального режима был отмечен стимулированием колонизаторами процесса вестернизации многих сторон жизни Египта. Наиболее заметно этот процесс шел в сфере образования, где начала формироваться новая интеллигенция. Колониальная администрация британцев и управленческие службы хедива испытывали потребность в грамотных и светски образованных служащих и работниках. Процесс модернизации затронул и армию, серьезно изменился состав офицерского корпуса. Медицинские и прочие гражданские службы хедива также испытывали потребность в профессионально образованных специалистах. С появлением хедивских начальных школ (мактабов) возросла потребность в учителях. В этих школах вводилось светское образование, большое внимание было уделено освоению учащимися азов общеобразовательных дисциплин (чтения и письма, грамматики, арифметики, арабского языка), преподавались история, экономическая география, а также основы медицины и гигиены, вводилась сельскохозяйственная практика.

При отсутствии национальных учительских кадров образовательное ведомство хедивского правительства нередко назначало на учительские должности выпускников Аль-Азхара, поэтому во многих мактабах использовалась методика коранических школ (куттабов), находившихся при мечетях и распространенных в стране. Учащиеся воспитывались в духе национально-религиозных традиций, усваивали незыблемые для мусульманина истины: ислам – образ жизни правоверного, основанный на принципах Корана и нормах, изложенных в хадисах пророка. Ислам имел огромное влияние на психологическое, нравственное и интеллектуальное становление характера молодого поколения. При этом исламская религия использовалась в целях противопоставления мусульманского населения представителям другой веры, какими являлись иноземные колонизаторы.

В определенной степени обозначенные начинания реализовывались при участии английской администрации. В начале 1883 года ее главой в Каире был назначен сэр Эвелин Бэринг, представитель одной

из богатейших династий финансовой олигархии Великобритании. Опыт колониального управленца он приобрел на административной службе в Британской Индии. Вскоре он получил титул лорда Кромера и стал влиятельным британским резидентом в должности генерального консула Великобритании в Каире. На протяжении с 1883 по 1907 год лорд Кромер являлся полновластным правителем Египта, сыгравшим большую роль в подчинении его экономической и политической жизни интересам английского капитала и эксплуатации египетского народа. Он принадлежал к колониальным администраторам реформаторского типа, стремившимся реализовать имперскую цель своей державы – превратить Египет в британскую колонию. Период его правления вошел в историю Египта как «режим Кромера». Олицетворяя в этой арабской стране британский колониализм, Кромер надменно утверждал, что самой природой британцы наделены правом «господствовать и управлять» другими народами. Свою уверенность в этом он неизменно демонстрировал во времена своего управления Египтом [20].

При Кромере британская администрация не обращала внимания на деятельность властных органов хедива Египта, считая местных вообще неспособными самостоятельно управлять страной. Британские чиновники, занявшие все руководящие посты в хедивском правительстве, заставляли министров-египтян выполнять свои указания. Но без услуг местной бюрократии колонизаторы обойтись не могли, поэтому из феодально-компрадорской элиты они стали выдвигать на административную службу лиц, имевших дипломы о светском образовании. Это были, как правило, выпускники хедивских (правительственных) школ или люди, получившие высшее профессиональное образование за границей (преимущественно в Англии, Франции, Швейцарии). Все они привлекались к работе на низших должностях в учреждениях и ведомствах колониальной администрации.

Любопытной иллюстрацией сложившегося в Египте режима может стать следующий факт: во время английской оккупации в Египте функционировали лишь 30 средних школ, зато было 100 тюрем [21]. Британская администрация сознательно сдерживала развитие народного просвещения и светского образования в Египте. Ко

времени установления британского режима в стране местные власти предпринимали попытки внедрить светское высшее образование. В Египте действовали шесть высших правительственных школ, главным образом для изучения права, медицины, инженерного и аграрного дела. Поступить на учебу в эти учебные заведения можно было при наличии полного среднего образования, выдержав вступительные экзамены и пройдя конкурсный отбор. Стремление молодых людей из состоятельных семей к овладению знаниями и поступлению в эти учебные заведения было достаточно велико. Большой популярностью пользовались Каирский политехнический институт (бывший политехнический колледж) и Каирский юридический колледж, выпускникам которого были доступны должности в административно-управленческих и юридических учреждениях и службах. Перед выпускниками также открывались перспективы занятия адвокатской практикой. Внимание молодежи привлекала и медицинская школа, что объяснялось увеличением спроса на медицинских работников с развитием в стране общего здравоохранения и санитарной службы. Техническая школа пользовалась меньшим спросом, что было связано со сравнительно низкой заработной платой, которую выплачивало министерство общественных работ своим специалистам. К тому же высокие посты и должности технической службы занимали англичане и французы. В стране сохранялись четыре военных училища и переводческая школа, созданные еще при правлении Мохаммеда Али, действовала сельскохозяйственная школа, учащимся которой выплачивалась стипендия с целью поощрения обучения молодежи в ней. С расширением хлопкового хозяйства в стране при британской администрации власти шли на организацию аграрных центров, где обучаемые приобретали лишь начальные профессиональные знания.

В исторической литературе встречается немало критических оценок состояния профессионального образования в Египте времен британской оккупации. Во-первых, отмечается нехватка собственных врачей, учительских кадров, низкий уровень преподавания в начальных и средних школах. Во-вторых, профессиональная подготовка выпускников специальных учебных заведений не соответствовала требованиям технического, экономического и общественно-политического развития

страны. Довольно часто выпускники профессиональных школ не могли найти себе работу по специальности не только по причине занятости рабочих мест иностранцами, но и потому что многие из них научились произносить красивые речи, но не овладели навыками и знаниями по профессии. Конечно, такие специалисты были малопривлекательны для работодателей.

Образовательные программы египетских учебных заведений, которые можно отнести к разряду высших, не соответствовали европейским образовательным стандартам, уровень преподавания в них мало чем отличался от уровня преподавания в средних профессиональных школах. Некоторые представители египетской интеллигенции возлагали надежды на содействие англичан во внедрении передовых технологий в организацию профессионального образования в Египте. Однако надежды эти были тщетны. Сдержанность британской администрации в становлении среднего и высшего профессионального образования в подвластной арабской стране во многом объяснялась беспокойством по поводу роста волнений среди учащейся молодежи, ставших ответом на колонизацию страны. Учащиеся и педагоги учебных заведений критиковали политику властей оккупационного режима и поддерживали требования интеллигенции о распространении светского образования, создании современных учебных заведений в Египте. По признанию лорда Кромера, высшая школа могла стать опасным центром распространения в египетском обществе националистических идей и настроений.

Особое место среди учебных заведений Египта сохранял старейший и авторитетный в исламском мире богословский университет Аль-Азхар. Основу учебных программ и планов университета составляли Коран, теология и другие богословские дисциплины, а также арабская грамматика и арабская литература, мусульманское право (шариат), логика, риторика. С распространением реформаторства в Египте в учебные планы стали включать другие дисциплины – историю, географию, математику, алгебру, физику, биологию, астрономию и прочие, не относящиеся к религии. Однако эти предметы рассматривались в качестве второстепенных, поэтому уровень их преподавания был низок. В качестве обязательных светские дисциплины

стали вводить в учебные планы исламского университета только с 1897 года. После 12 – 14 лет обучения выпускники университета пополняли ряды деятелей ислама и служителей культа, мусульманских ученых, преподавателей богословия учебных заведений. Аль-Азхар продолжал играть важную политическую и культурно-просветительскую роль в мусульманском мире. Многие его воспитанники становились не только служителями культа, но и видными светскими просветителями и учеными, общественными и политическими деятелями, составляли значительную часть учительского корпуса начальных и средних школ Египта. Выпускниками Аль-Азхара являлись: Хасан аль-Аттар, Ибрагим ад-Дасуки, Рифаа ат-Тахтави, Ахмед Ораби, Мухаммед Абдо, Якуб Саннуа, Адиб Исхак, Саад Заглул, Али Юсуф, Таха Хусейн, Ахмед Амин и немало других видных деятелей арабской культуры, внесших значительный вклад в просветительство и способствовавших развитию национального самосознания народов арабского мира.

В целях формирования по-европейски образованных национальных кадров, еще со времен правления Мохаммеда Али, группы молодых слушателей Аль-Азхара посылали на учебу за границу. В составе первой группы оказался Рифаа ат-Тахтави, впоследствии ставший ярким представителем просветительского движения Египта, внесший существенный вклад в становление в стране светского образования. Среди просветителей Египта выделялся Касим Амин – сторонник европеизации национального общества. Многие из просветителей связывали просвещение нации с исламом, что и проявилось в их практической деятельности. Видным представителем египетского просветительства стал шейх Мохаммед Абдо (1849 – 1905), проявивший себя либеральным реформатором, сторонником исламского модернизма. После окончания учебы в Аль-Азхаре он был оставлен в этом университете на преподавательской работе. В 1877 году М. Абдо получил докторскую степень богословия и права. Он считал, что без овладения светскими знаниями мусульманский ученый не может стать всесторонне образованным человеком. По его инициативе в учебную программу религиозного университета было введено преподавание таких светских дисциплин, как математика, физика, геогра-

фия и гражданская история. Мохаммед Абдо активно продвигал свои идеи через местные СМИ. В ряде периодических изданий Египта, чаще на страницах газеты «Аль-Ахрам», он публиковал острые статьи, отражавшие общественно-политические взгляды панисламизма.

В 1883 году М. Абдо был выслан из Египта. В Париже он сблизился с исламским реформатором аль-Афгани, высланным из Каира в 1879 году. В 1884 году они основали «Независимую газету» («Аль-Урват аль-Вуска»), распространявшуюся в арабском мире. Авторы статей, опубликованных в газете, призывали читателей вернуться к первоначальной чистоте ислама, способного обеспечить единение мусульманских народов перед угрозой их колонизации. Печатались также статьи, призывавшие мусульман к осознанию традиционных исламских наставлений и догм. Мохаммед Абдо выступил против суфизма, хотя и оправдывал некоторые положения этого учения – нравственное самосовершенствование, обретение внутренней веры, критическое отношение к официальной догматике. Нелегально газета доставлялась в Египет. Всего вышло 18 номеров (с 13 марта по 17 октября 1884 года), но и этого оказалось достаточно, чтобы отразить общественные взгляды панисламистов и идеи исламских реформаторов, положить начало их распространению среди египетской общественности [22].

Пропаганде панисламизма противостояли египетские националисты. В 1887 году появилась их еженедельная газета «Аль-Ватан», основанная коптом Абу ас-Сайидом. Газета призывала коптов и мусульман к совместной борьбе против колонизации Египта, не прибегая к религиозным призывам и лозунгам. В Каире стали издаваться ежедневная газета «Ат-Тиджара» и еженедельная газета «Миср». Их редактором был поэт и журналист Адиб Исхак. Материалы этих изданий были свободны от панисламских идей, авторы статей выступали в поддержку социальных реформ и проектов модернизации общественной жизни Египта.

С резкой критикой колониального режима и сохранявшихся порядков восточной деспотии выступил арабский просветитель и писатель Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, сириец по происхождению. В Египет ему пришлось эмигрировать из-за преследования турецких вла-

стей и пропаганду идей панарабизма. Здесь в 1901 – 1902 годы он смог издать свои книги, ставшие популярными среди египетских читателей, – «Природа деспотизма» и «Мать городов». В сочинениях содержалась критика деспотического гнета феодалов и религиозного деспотизма исламского духовенства. Аль-Кавакиби критиковал социальное неравенство в арабском мире. В просвещении населения он видел основное средство в преобразовании общества и освобождении его от политических и социальных несправедливостей. Национально-просветительские настроения охватили многих представителей творческой интеллигенции Египта, что сразу же отразилось в прессе и литературе. Во второй половине XIX века заметно оживилась культурная жизнь страны, в Египте нашли прибежище многие представители арабской творческой интеллигенции, которые включились в просветительскую деятельность, публиковали свои книги и памфлеты.

С просветительским движением было связано появление современного египетского театра. В 1869 году по поводу торжеств, посвященных завершению строительства Суэцкого канала, в Каире было построено богатое здание театра Оперы. По просьбе хедива Египта к торжественным мероприятиям по случаю его открытия выдающийся композитор Джузеппе Верди написал оперу «Аида». На роскошную мировую премьеру, состоявшуюся 24 декабря 1871 года на сцене Каирского оперного театра, собрались представители высшего общества многих европейских стран. Каирская сцена стала привлекательным центром мирового оперного искусства. В связи с отсутствием собственной труппы дирекция театра Каира организовывала гастрольные приглашаемые из стран Европы оперные и балетные коллективы. Во время выступлений итальянской оперной труппы в 1895 году на сцене пел молодой Энрико Карузо. В Каирском оперном театре выступал и Федор Шаляпин.

Египетские музыканты, певцы и танцоры постепенно приобщались к классическому музыкальному искусству Европы. Каирская опера стал инициатором театрального движения в Египте. Среди интеллигенции и студенческой молодежи возникали любительские театральные коллективы, а в 1870 году был организован первый в стране профессиональный театр драмы. Драматические представления отра-

жали возраставший среди египтян дух национального самосознания. Один из представителей просветительского движения – Абдаллах ан-Надим – написал патриотические пьесы «Отечество» и «Арабы», представления по которым сразу привлекли внимание общественности. Одобрение со стороны зрителей получили постановки пьес мировой драматургии. Их свободно переводили и вольно обрабатывали, а затем ставили в театре под другими названиями. Действия драм Ж.-Б. Мольера, У. Шекспира, П. Корнеля переносили на египетскую почву, события приспособляли к быту и нравам мусульман. Автор оригинала обычно не упоминался. Многие критические пьесы вызвали недовольство хедива и английских властей, что послужило появлению хедивского указа о закрытии профессионального театра.

Становление национального театра Египта было связано с рядом объективных трудностей. В театральных труппах почти не было женщин, поэтому женские роли в пьесах играли мужчины. Долгое время среди мусульман понятие «актриса» ассоциировалось с «женщиной легкого поведения».

Модернизация театрального дела началась на рубеже XIX – XX веков. С этого времени стали появляться оригинальные пьесы египетских драматургов. Сюжеты и идеи произведений авторы заимствовали из реальной жизни или из героического прошлого народа своей страны. Пьесы критического и социального содержания воздействовали на массовое сознание и способствовали патриотическому пробуждению египетского общества.

В изобразительном искусстве Египта также возникла тенденция к модернизации традиционного художественного стиля. Художники в своих картинах стали отражать повседневную жизнь египтян и реалистические сцены современного быта различных слоев общества. Особую популярность приобрела портретная графика. Через художественные творения и публицистические произведения, через картины, периодическую печать и театральные постановки интеллигенция стремилась объяснить соотечественникам, что они являются нацией, имеющей собственную культуру и естественные права на свободное развитие, а потому должны добиваться свободы Египта на самоопределение и выбор формы государственного управления, на формиро-

вание своего правительства. Все это свидетельствовало об усилении влияния национально-патриотических идей интеллигенции на общественно-политическую жизнь страны.

Возвратившийся из эмиграции в 1889 году Мохаммед Абдо сразу же включился в общественную жизнь Египта. В политическом отношении он проявил себя сторонником народовластия и идеи выборности лидеров государства. Он считал, что любой правитель страны представляет сугубо земскую власть, в первую очередь исполняя роль политического лидера общества, он обязан защищать религию и ее идеалы. Установления конституционного строя, по мысли М. Абдо, можно добиться путем мирного соглашения с властями, постепенного продвижения к парламентаризму.

В 1892 году, после смерти Тауфика, престол хедива унаследовал его 16-летний сын Аббас II Хильми, остававшийся во главе Египта до 1914 года. Молодой правитель выступал за независимость Египта от Запада и Османской империи. Он был воспитан в Австрии, симпатизировал Франции, был не очень расположен к англичанам и склонялся к союзу с Германией. В своей деятельности новый хедив стремился опираться на просвещенную часть египетской аристократии и чиновников, получивших европейское образование и имевших авторитет в египетском обществе. В начале правления хедив Аббас предпринял попытку назначить таких лиц на государственную службу. В 1893 году он решился, без согласия лорда Кромера, отстранить от занимаемых постов четырех министров, лояльно относившихся к британской оккупации, и назначил на их места политиков, ранее выступавших против политики британцев. Однако, столкнувшись с решительным протестом британской администрации, правителю Египта пришлось подчиниться воле британского наместника лорда Кромера и впредь не решать государственные дела самостоятельно. Система управления государством, суды, полиция, таможня, санитарное и образовательное ведомства, ирригационная служба – все это сохранялось в руках английских чиновников и их наместника.

Молодой хедив, недовольный положением дел в стране, пытался проводить политику, направленную на подрыв всевластия англичан. В декабре 1893 года при его одобрении Законодательный совет Египта решился представить ряд своих предложений на рассмотрение кабинета министров. Они сводились к следующему: 1) исключить из ежегодного финансового плана кредит на содержание оккупационного корпуса; 2) сократить расходы на британские войска, находившиеся в Египте; 3) уменьшить количество иностранцев на египетской службе. Законодательный совет вообще считал излишним содержать за счет национальной казны иностранных служащих на государственной службе Египта [23]. Но хедив и его правительство, выдвинувшие эти инициативы, столкнулись с серьезным противодействием со стороны администрации Кромера.

К концу XIX века в общественно-политической жизни Египта наметилось некоторое оживление, окрепли капиталистические отношения, возник национальный пролетариат. Число представителей египетской буржуазии постепенно росло, основными сферами ее деятельности становились ремесло, торговля и сельское хозяйство. Представители египетской интеллигенции разделились на два идейных течения: одни – западники, сотрудничавшие с режимом британцев, поддерживали преобразования по европейскому образцу; другие – исламофилы, выступавшие с критикой деятельности режима оккупантов и западников, они поддерживали самобытный путь развития своей страны. Для первых господство англичан стало альтернативой восточно-султанской деспотии, против которой они издавна боролись, встречая благосклонное отношение со стороны просвещенной элиты. Представители второй группы выражали интересы традиционной интеллигенции и либеральной аристократии. В своих действиях они проявляли сдержанность и возлагали надежды на содействие Англии в модернизации Египта. Несмотря на скромные различия во взглядах, представители обоих течений проявляли себя сторонниками реформ, с помощью которых надеялись добиться освобождения от наследия тирании османского султана. С британским режимом исламские просветители и светская интеллигенция связывали надежды на просвещение и культурное развитие египетского общества. Однако усилия

просветителей часто наталкивались на сопротивление со стороны сторонников ортодоксального ислама – опоры феодальных устоев, сохранявшихся и при господстве англичан. Приверженность к исламскому фундаментализму становилась сдерживающим фактором в распространении среди египтян светского просвещения.

Эту ситуацию британцы, верные принципу политики «разделяй и властвуй», были готовы использовать в своих интересах. Они также использовали религиозные различия между мусульманами и коптами, играли на соперничестве между аль-азхарской аристократией и элитой светской интеллигенции. Реформаторство, как отметил историк-востоковед Б. С. Ерасов, не смогло вызвать общий сдвиг в духовной жизни Египта, «оно проявило свою умеренность и нерешительность» [24]. Весьма устойчивой оказалась связь исламской религии с общественной жизнью египтян. Исламская пропаганда среди всех слоев национального общества Египта все чаще содержала критику феодальных властей, которые поддерживали английских колонизаторов, отчего возрастала роль ислама в политике, культуре и государственно-административном управлении страны. Последовательными критиками феодально-колониального режима были как сторонники модернизации Египта, так и исламские реформаторы.

Лидером сторонников реформ и модернизации светского и духовного образования стал главный муфтий Египта Мохаммед Абдо. Он продолжал выступать с позиций панисламизма, склоняясь к идеям сотрудничества с англичанами. Одновременно с этим М. Абдо еще не полностью отказался от мысли о воссоздании исламского халифата во главе с османским султаном. Под влиянием знакомства с западноевропейской цивилизацией его отношение к деспотическому режиму изменилось, он стал проявлять умеренную склонность к осторожному реформаторству. Реформаторские идеи М. Абдо свелись к «обновлению» ислама, приспособлению его к социально-экономическим переменам и зарождавшимся в стране капиталистическим отношениям. Воспринимая некоторые научно-культурные и технические достижения и ценности европейской цивилизации, Мохаммед Абдо был сторонником сохранения вековых культурно-исторических традиций мусульманской цивилизации и принципов незыблемости ислама в по-

вседневной жизни мусульманского общества. Реформаторские идеи Мохаммеда Абдо были распространены среди египетской интеллигенции, их поддерживали городские слои и сельское население. Но со стороны хедивских властей он подвергался нападкам, с резкой критикой его реформ в Аль-Азхаре выступили консерваторы. После тяжелой болезни Мохаммед Абдо скончался 11 июня 1905 года [25].

Исследователь О. В. Мартышин отмечал, что Мохаммед Абдо внес главный вклад в развитие общественной мысли Египта нового времени, проявившийся «в провозглашении необходимости реформ», в стремлении пробудить среди народа, в первую очередь среди образованных и привилегированных классов, «жажду общественной деятельности» [26]. Сам М. Абдо утверждал, что «просвещение – главный путь к прогрессу», и выступал за распространение в Египте светского образования. Он призывал власти к строительству школ, введению закона об образовании и обеспечению комфортных условий обучения для учителей и учеников. М. Абдо проявил себя убежденным сторонником просвещения, основное назначение которого, по его мнению, – распространение среди населения современных знаний, а также передовых форм и методов хозяйственной и общественной деятельности [27].

Как сторонник реформирования исламской религии М. Абдо считал необходимым синтез исламской и христианской мысли, а науку воспринимал в качестве силы, способной примирить религии. По его мнению, возникновение христианства и ислама стало результатом деятельности великих мыслителей Запада и Востока, стремившихся к разумному осознанию мироустройства. Он выступал за постепенность в реформаторской практике, при этом рекомендовал мусульманскому населению во всем руководствоваться предписаниями ислама. Наряду с этим М. Абдо утверждал, что «отсталое и слабое египетское общество не способно осуществить успешную революцию и изгнать британцев из Египта». А потому, по его мнению, египтянам было бы целесообразно на время «отказаться от политической деятельности, установить лояльные отношения с англичанами во имя развертывания широкой просветительской и общественной работы и подготовки страны к самоуправлению» [28]. Не случайно лорд Кро-

мер считал Мохаммеда Абдо патриотом, примером для египетских националистов.

Благодаря позиции М. Абдо соглашательские настроения охватили многие слои египетского общества. С распространением народного просвещения в стране стали возникать просветительские общества и общественно-политические организации, также призывавшие египтян к сотрудничеству с британской администрацией в сфере образования и культуры. Некоторые газеты вместо критики оккупационного режима допускали критические выпады лишь против хедива и его правительства.

Достигнутый компромисс в отношениях общества и оккупационного режима несколько оживил культурную жизнь страны. Каир становился притягательным центром сосредоточения интеллектуальных эмигрантов из других арабских владений Османской империи. Среди переселенцев из Сирии, Ливана и Палестины оказались журналисты и литераторы, хорошо знавшие русский язык. В Египте появились их переводы на арабский язык отдельных произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, других русских писателей. Влияние русской литературы на творчество арабских литераторов признавали, например, Селим Кобейн, Халиль Бейдас, Мохаммед Шахрад, Махмуд Теймур. Переписку со Львом Николаевичем Толстым вели арабские просветители и общественные деятели Мохаммед Абдо и Габриэл Саси. Внимание египетских интеллектуалов привлекал ежемесячный журнал «Ал-Хилял» («Полумесяц»). Редактором журнала стал писатель-публицист Джирджи Зейдан, один из первых арабских литераторов, создавших образцы публицистики Египта нового времени [29].

Во времена оккупационного режима светские нововведения британцев в культурной и образовательной сферах сопровождались серьезными сдвигами в сознании египетского общества. Многие представители интеллигенции стали призывать соотечественников к овладению научно-техническими, аграрными и прочими знаниями европейцев, выступили за просвещение народных масс. Среди просвещенной части общества возрос интерес к фондам Национальной библиотеки, учрежденной еще в 1870 году в Каире. Оживи-

лась деятельность Географического общества Египта, основанного в 1875 году. В 1899 году в Каире был учрежден геологический музей. В 1902 году там же открылся Национальный музей Египта, в 1903 году – Исламский музей, в 1910 году – Коптский музей. В 1908 году в Каире была учреждена Высшая школа изящных искусств. С появлением новых культурных учреждений, распространением просвещения и светских знаний в египетском обществе стало зарождаться стремление к преодолению религиозных и национальных раздоров между коптами и мусульманами. В стране росло число сторонников реформ культурного и социально-экономического прогресса, но им приходилось регулярно вступать в дебаты и полемику со сторонниками традиционных устоев.

Относительно противоречивости идей о реформах в египетском обществе интересным представляется замечание историка В. В. Черновской. Двойственность в отношении к реформам, с одной стороны, была обусловлена существованием в обществе «особой прослойки людей, занятых их обслуживанием, – служителей культа, шариатских судей, учителей арабского языка и религии, получивших образование в старых учебных заведениях, крупнейшим из которых был университет Аль-Азхар». С другой стороны, сохранялся устойчивый характер архаичных институтов, в особенности религиозных, что накладывало отпечаток на становление интеллигенции нового типа. Однако «в силу полученного образования ее представители не могли связывать себя с некоторыми канонами религии, но в то же время им был чужд и атеизм» [30]. С пополнением рядов новой интеллигенции за счет светски образованных людей усиливались позиции сторонников социально-экономических и политических реформ и преобразований.

Позиции светски образованных лиц крепили среди интеллектуальной элиты Египта, возникали литературные кружки, клубы и светские салоны. Египетская аристократия утрачивала неприязнь к Западу, в ее быту появились телефон, автомобиль, кинематограф и прочие атрибуты европейской жизни, что способствовало привлекательности западной цивилизации. «Европеизация» повседневности затрагивала в основном материальное существование и почти не касалась духовной стороны жизни. Интеллектуальные различия между образованными

верхами и широкими народными массами оставались достаточно глубокими. Объединяющим фактором в отношениях между различными социальными слоями мусульманского общества стало строгое соблюдение норм ислама. С ростом процесса «европеизации» постепенно налаживались связи между представителями различных культур и вероисповеданий (ислама, христианства, иудаизма и др.), но реального духовного сближения так и не произошло.

Формирование по-европейски образованных специалистов, конечно, требовало длительного времени. Сдерживающими моментами в этом сложном процессе были нехватка средств, отсутствие собственного профессионально-образовательного опыта и низкий уровень общей образованности египетского населения. Сказывалось и то обстоятельство, что значительная часть национальной интеллигенции выступала в качестве носителя соглашательских настроений, оставаясь под большим влиянием ислама и мусульманских традиций. В условиях оккупационного развития в Египте шло формирование новой интеллигенции. Становление общественного сознания происходило в условиях борьбы двух противоположных тенденций – исламского фундаментализма и нового для Египта цивилизационно-культурного направления развития [31]. Разночинная часть интеллигенции в большей степени впитывала в себя идеи Запада. Различия в настроениях и взглядах отдельных групп интеллигенции не стали причинами их серьезной разобщенности в протестах против колониального режима и борьбе за национальную независимость, разногласия не выходили за пределы законности. Среди египетского населения росли протестные настроения, вдохновителями которых становилась вестернизированная часть интеллигенции. По своему составу она отличалась от традиционной (старой) интеллигенции, представители которой принадлежали к докапиталистическому укладу и были выходцами из феодальной образованной аристократии (в том числе духовной), некоторые из них были связаны кровными узами с родовой знатью, феодальными чиновниками и политиками. Многие египетские учителя, врачи, журналисты, служащие, правоведаы, офицеры получили европейское образование и находились под влиянием западной цивилизации. С их помощью в Египет проникали обществен-

ные идеи из Европы. Воздействие европейской культуры и ее идей на общественное сознание египтян стало ощутимым к концу XIX века.

Реформы, осуществленные в XIX столетии, имели весьма противоречивые результаты. С одной стороны, к началу XX века Египет стал одной из самых передовых стран Ближнего Востока. С другой стороны, страна, утратив самостоятельность, оказалась не способна своими силами модернизировать экономику и промышленное производство. Предпринимательский слой в обществе занимал скромное место. Возникший в стране слой новой интеллигенции в своей деятельности ограничивался общественными и политическими интересами, проявляя по отношению к существующему режиму умеренность и лояльность. При господстве англичан национальное общество с большим трудом пыталось преодолеть социально-духовный кризис, поразивший страну в результате установления политического и экономического господства британцев.

Ситуация обострялась тем, что египетские власти были отстранены от управления своей страной. В 1890 году российский генеральный консул в Каире А. Кояндер сообщал в Петербург министру иностранных дел Н. К. Гирсу, что за последнее время англичане преуспели в захвате органов административного управления Египта, высшие посты в государственном аппарате заняли английские чиновники и советники. Египтяне оказались безвластными в собственной стране. При установлении колониального режима британцев управленческие буржуазные элементы в Египте появлялись в основном за счет полуфеодалов-помещиков и высших слоев бюрократии из аристократии.

Тем не менее под влиянием цивилизации Запада в мировоззрении новой египетской интеллигенции начинали преобладать буржуазные начала. Старая интеллигенция продолжала цепляться за устаревший уклад жизни мусульманской страны. Авторы коллективного труда «Зарубежный Восток и современность» отметили, что элементы интеллигенции, «не сумевшие включиться в современную культурную и политическую жизнь, все чаще становились опорой реакции» [32]. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что египетская цивилизация не смогла выдержать соприкосновения с европейской цивилизацией. В течение многих веков Египет сохранял независимость и являлся центром науки и древней цивилизации. Захват и колониза-

ция довели страну пирамид до уровня отсталого региона Британской империи, лишили египетский народ свободы и национальной независимости. Историк-арабист профессор А. М. Родригес пишет, что в результате соприкосновения между цивилизациями на Арабском Востоке активизировалась культурно-просветительская работа. С расширением религиозно-философского реформаторства в странах мусульманского мира «началась разработка идеологии конституционного и национально-освободительного движения, получили распространение концепции модернизации общества» [33]. Наиболее видные представители новой интеллигенции выступили за социально-экономические и политические преобразования в Египте.

Такое убеждение распространилось среди египетской интеллигенции к началу XX века, когда буржуазные идеи стали овладевать умами многих её представителей, проявлявших стремление к вестернизации своей страны. Этому процессу способствовали мероприятия британской администрации по распространению светского школьного образования в Египте [34]. Для светских интеллектуалов мусульманской страны весьма привлекательной становилась мечта о построении национального общества по образцу европейских стран, но без экономического и политического подчинения Египта интересам капиталистического Запада. Усилия интеллектуалов и просветителей были сосредоточены на проблемах просвещения населения и достижения реформ в интересах научно-технического и культурного прогресса, которые могли способствовать модернизации и общественно-политической жизни Египта. С развитием национального капитала в стране буржуазия и интеллигенция постепенно перешли к участию в антифеодальной и антиколониальной борьбе.

Список библиографических ссылок

1. Луцкий В. Б. Новая история арабских стран. М., 1965. С. 173 ; Хвостов В. М. История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время, 1871 – 1914. Изд. 2-е, стер. М., 1963. С. 169.
2. Egypt. Blue book. L., 1982. № 4. P. 5.
3. Насер Г. А. Проблемы египетской революции : избр. речи и выступления. 1952 – 1970. М., 1979. С. 32.

4. *Перминов П.* Как открывали Суэцкий канал и чего он стоил? // Азия и Африка сегодня. 1985. № 6. С. 57.

5. *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки М., 1970. С. 26 ; *Ратман Л.* Указ. соч. С. 267 ; Африка : энциклопедия. Т. 1. С. 804.

6. *Климентов В. П.* Указ. соч. С. 52 ; История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время / отв. ред. М. Ю. Френкель. М., 1976. С. 200 – 201.

7. *Ратман Л.* Указ. соч. С. 249.

8. *Гальский Д.* Указ. соч. С. 261.

9. *Селезнев К. Л.* Разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом программы и тактики пролетариата по национально-колониальному вопросу // Марксизм и страны Востока. М., 1970. С. 85 – 86.

10. *Аш-Шафи Ш. А.* Развитие национально-освободительного движения в Египте (1882 – 1956) : пер. с араб. М., 1961. С. 20.

11. *Ар-Рафи А.* Восстание 1919 года в Египте. История национально-освободительного движения 1914 – 1921 годов : пер. с араб. М., 1954. С. 419.

12. *Гальский Д.* Указ. соч. С. 266.

13. *Нерсесов Г. А.* Дипломатическая история египетского кризиса, 1881 – 1882 гг. (в свете русских архивных материалов). М., 1979. С. 140.

14. *Данциг Б. М.* Указ. соч. С. 274.

15. *Мордовцев Д. Л.* Собр. соч. Т. 13. С. 352.

16. *Никонов О. А.* Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX – первая половина XX вв.) // ЛОКУС: люди, общества, культуры, смыслы. 2017. № 1. С. 34 – 35.

17. *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 274.

18. *Хамруш А.* Указ. соч. С. 44.

19. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. 1886. Оп. 482. Д. 824. Л. 229 – 234.

20. *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. II. Дипломатия в новое время, 1871 – 1914. Изд. 2-е, стер. М., 1963. С. 176.

21. Новая история колониальных и зависимых стран / под ред. С. Н. Ростовского [и др.]. М., 1940. Т. 1. С. 469.

22. *Котлов Л. Н.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке (середина XIX в. – 1908 г.). М., 1975. С. 245 ; История Востока. В 6 т. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Л. Б. Алаев. М., 2005. Кн. 2. С. 314.

23. АВПРИ. Ф. Политархив. 1893. Л. 240 ; Африка : энциклопедия. Т. 1. С. 826.

24. Религия в странах Азии и Африки // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 43.

25. *Шарипов А.* Жизнь и борьба Мухаммеда Абдо [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamnews.ru> (дата обращения: 15.11.2016) ; Абдо Мухаммед [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 15.11.2016).

26. *Мартышин О. В.* Социализм и национализм в Африке (очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки). М., 1975. С. 85.

27. Там же. С. 85 – 86.

28. *Сейранян Б. Г.* Мухаммед Абдо: творец мыслящего Египта // Восток (Oriens). 2011. № 2. С. 34.

29. Африка : энциклопедия. Т. 1. С. 829 ; *Али-Заде Э. А.* Египетский журнал «Ал-Хилял» (до 1914 г.) // Народы Азии и Африки. 1974. № 1. С. 178 – 179.

30. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1975. С. 52 – 53.

31. История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время. С. 219.

32. Зарубежный Восток и современность. М., 1980. Т. 1. С. 316.

33. *Родригес А. М.* Особенности развития общественной мысли в странах Востока в эпоху колониализма // Рязанский историк. 2006. № 4. С. 7.

34. См.: *Макеев Д. А., Черемных С. А.* Образовательная политика Великобритании в оккупационном Египте // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. Сер.: Педагогические и психологические науки. Владимир, 2013. Вып. 11.

Глава 3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЕГИПЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во время патриотического движения 1879 – 1882 годов и восстания Ораби-паши египетская интеллигенция проявила солидарность с офицерством национальной армии Египта. Сближение интересов патриотических сил продолжилось в условиях британской оккупации, а установление колониального режима сказалось на состоянии и развитии национально-освободительного движения, формировании общественной мысли и идеологии интеллигенции Египта.

К началу XX века позиции интеллигенции в национальном обществе окрепли, возросла способность отражать общественные и политические интересы социальных групп населения страны. Националистические настроения интеллигенции подкреплялись исламом, благодаря чему в освободительном движении националисты заручались поддержкой более широких слоев мусульманского общества. Влияние религиозных общин в Египте было достаточно сильным, а появившиеся политические партии в своей деятельности не отказывались от ислама.

Политическая активность интеллигенции проявилась в период «пробуждения Азии». В выступлениях за конституционные реформы наметилось сближение политических и религиозных организаций. С установлением в 1914 году британского протектората над Египтом колонизаторам не удалось расколоть единение религиозных и политических сил национально-освободительного движения страны. В годы Первой мировой войны египетская интеллигенция в основной своей массе сохраняла свои претензии на роль объединяющей силы и идеолога национально-освободительного фронта.

3.1. Рост патриотических настроений среди интеллигенции Египта на рубеже XIX – XX столетий

В конце XIX века английские оккупанты продолжали признавать Египет частью Османской империи, так как опасались международных осложнений. Они не решались изменить политический статус

страны и сохраняли правление хедива, назначаемого османским правительством. В Каире британцы сохранили резиденцию представителя османского султана, который мог высказывать свои соображения по каким-либо вопросам, решаемым хедивом и его правительством, но воспрепятствовать принятию решений и их реализации он не мог. В действительности Египет оказался под административно-колониальным управлением Великобритании. Вся полнота реальной власти принадлежала британскому генеральному консулу. Колониальный режим сохранял господствующие позиции феодальной аристократии Египта, из среды которой выходили административные управленцы, армейские и полицейские офицеры, юристы, политики, педагоги, писатели, врачи и другие специалисты, также пополняющие ряды интеллектуальной части общества. Многие из них получили высшее образование в зарубежных университетах. В стране наряду с религиозно образованными лицами росло количество светски образованных людей, выходцев из земельно-аристократических и торговоростовщических слоев, зажиточных феллахских семей, мелкой буржуазии и чиновничества.

Разобщенность национальной интеллигенции сказывалась на участии ее в общественно-политической жизни страны. Ориентация на английские стандарты в образовании, европейские культурные ценности стала общественным признанием неполноценности Египта. Такие чувства испытывала зарождавшаяся новая (буржуазная) интеллигенция, которая все активнее выражала интересы различных социальных слоев и групп национального общества. Буржуазная интеллигенция Египта была немногочисленной, но постепенно ее ряды стали пополняться за счет представителей средних и отчасти мелких предпринимательских слоев города. Некоторые из них получали образование в средних и высших профессиональных школах и университетах Англии, Франции, Швейцарии и Германии. С каждым годом их численность росла. Молодые люди Египта проявляли заметный интерес к радикальным идеям Запада. Возвратившись на родину, они становились инициаторами возникновения просветительских орга-

низаций. Благодаря им новые идеи проникали в общественно-политическую жизнь Египта. С активизацией радикально настроенной интеллигенции в египетское общество проникали социалистические идеи. В силу растущих связей с европейцами молодая интеллигенция рассчитывала на содействие Запада в распространении в их стране современного просвещения и образования. Молодые интеллектуалы публично осуждали сохранявшиеся в стране пережитки средневековья, выступали с критикой тирании и порядков феодально-колониального режима. Новая интеллигенция пополняла ряды сторонников реформ в экономической, социальной и культурной областях жизни Египта. В обществе проявилась решимость добиваться конституционных преобразований. Египетские просветители призывали к сохранению арабского языка в школьном обучении и внедрению его в учебный процесс профессиональных учебных заведений Египта. В английском языке, широко используемом в преподавании в школах, общении и делопроизводстве, виделось средство насилия оккупантов над культурой и повседневной жизнью египтян. Отказ местного населения от языка колонизаторов как средства общения становился одной из форм борьбы за сохранение нации, ее культуры и суверенного достоинства.

Египетские интеллектуалы были связаны со службой в учреждениях центральной и местной администрации, с культурой, образованием, наукой, творчеством, здравоохранением и предпринимательством. Выделялись представители интеллектуального труда, т. е. лица, для которых умственный труд являлся единственным или основным источником получения необходимых средств для существования. Административно-управленческие, а также адвокатские, врачебные и прочие привлекательные должности в большинстве случаев оказывались занятыми, как правило, представителями турецко-черкесской аристократии, которые в профессиональном отношении часто были хуже образованны по сравнению с новой элитой, но сохраняли привилегированное положение. В силу этих причин противоречие в среде интеллигенции росло.

Рост недовольства в египетском обществе стал заметно проявляться с 1898 года в связи с установлением англо-египетского кондоминиума в Судане. Наибольшее беспокойство проявляли феллахи. Владея верховьями Нила, англичане контролировали наполняемость водой всей оросительной системы Нильской долины. В случае непокорности египтян они могли сократить поставки воды, что автоматически вело к сокращению земельных площадей феллахов, засеваемых хлопком, зерновыми, овощами и прочими культурами. Тем самым англичане обладали эффективным средством экономического и политического давления на египетских националистов. Несмотря на колониальную зависимость, в Египте окреп капиталистический уклад, в первую очередь в аграрном секторе. Крупные земельные собственники капиталистического типа также начинали проявлять недовольство произволом колонизаторов. Зарождение в стране капиталистических отношений сказалось на состоянии и развитии новых общественных отношений. Наметился отход интеллигенции Египта от примиренческих настроений. Образованные египтяне стали стремиться к современному обновлению страны. Усвоив все передовое из западной цивилизации, и новая и старая интеллигенция стала осознавать гибельность навязанных стране извне ограничений.

Для того чтобы сдержать рост патриотических настроений в Египте, британцы были вынуждены идти на мелкие уступки египтянам, относившиеся в основном к гуманитарной сфере. Послабления подобного рода стали проявляться в конце XIX века, когда возросла активность сторонников реформ в общественно-политической жизни страны, добивавшихся освобождения египетского общества от тягот фундаментальных религиозных обычаев и культурного невежества. Учитывая такие настроения в обществе, британские администраторы стремились увлечь население вопросами решения проблем культуры, религии и отчасти социальных отношений. Тем самым они пытались отвлечь египтян от выступлений против оккупационного режима. Вполне приемлемой для этих целей стала проблема модернизации начального, среднего и высшего образования, тем более что этот во-

прос привлекал внимание нарождавшейся буржуазии и формировавшейся интеллигенции.

Глава британской администрации лорд Кромер в 1901 году предложил целую программу образовательных нововведений. За 10-летний период предусматривался перевод обучения в начальной школе на арабский язык, внедрение европейских образовательных стандартов с целью повышения качества обучения учащихся и подготовки их к трудовой деятельности. Ближайшей задачей программы стало обеспечение доступности и обязательности начального обучения для всех слоев населения страны. В отношении средней школы предусматривалось создание разных типов школьных учебных заведений с обязательным минимумом общего образования. Ограничивался прием в средние профессиональные школы до надлежащего уровня спроса в стране на выпускников различных сфер практической деятельности. Особое внимание уделялось техническим школам и колледжам, способным обеспечить овладение учащимися азов знаний и практических навыков, необходимых для работы на предприятиях и в сельском хозяйстве. Образовательная программа предусматривала расширение платного обучения в школах всех уровней. По этому поводу лорд Кромер говорил, что забота об обучении молодого поколения является частным делом каждой египетской семьи, а не государства. Он также утверждал, что «египтяне только тогда научатся ценить образование, когда они будут вынуждены платить за него» [1]. Через систему образования британцы стремились сформировать из среды местной бюрократической элиты определенную часть общества, способную стать проводником их влияния на египетское общество в целом.

Уступая египетским националистам в образовательной сфере, лорд Кромер намеревался ограничить их требования относительно реформ в социальной сфере, намечалось усовершенствование контроля британской администрации над обучением и воспитанием египетской молодежи. Под административный надзор попадали хедивские городские и сельские школы (куттабы). Эти школы получали от правительства хедива небольшие субсидии для обучения базовым

учебным предметам: арифметике, чтению и письму на родном языке, а также на организацию инспектирования школ. Колонизаторы и хедивские власти заботились о формировании такой социальной базы, которая отвечала бы интересам их господства в Египте. Англичане намеревались способствовать властям хедива в решении проблем по преодолению безграмотности населения, рассчитывая тем самым предотвратить рост протестов против бедного состояния школ и низкого уровня преподавания в них. Кромер стремился обезвредить египетских националистов, упредив их требования о распространении в стране народного просвещения.

В таких условиях египетских националистов привлекли идеи влиятельного сторонника народного просвещения известного журналиста Мустафы Камилля (1874 – 1908), призывавшего нацию к достижению радикального реформирования национальной системы образования. М. Камиль окончил французскую школу права в Каире, затем получил высшее юридическое образование в Тулузском университете (Франция). После возвращения в Египет при его участии в 1895 году появилось «Общество национального возрождения», объединившее противников английского колониального режима. В состав этой подпольной организации вошли представители новой интеллигенции и влиятельного чиновничества. В 1900 году Мустафа Камиль в Каире основал газету «Аль-Лива» («Знамя»). Газета выступала с критикой политики хедивского правительства и режима британских оккупантов, убеждала читателей в необходимости усвоения основных достижений цивилизации Запада и призывала их добиваться прав на самоуправление в своей стране. В своих статьях Мустафа Камиль призывал к освобождению Египта от засилья иностранцев, агитировал за введение конституции и учреждение парламента. Материалы газеты нашли живой отклик со стороны национальной интеллигенции, городских слоев общества, феллахов, учащихся колледжей и средних школ. «Аль-Лива» стала трибуной национальных патриотов, превратилась во влиятельный орган антибританской пропаганды [2]. Французские журналисты называли египетских сторонников газеты «Аль-Лива» «младоегиптянами».

В первое десятилетие XX века в Египте появилось немало новых газет и журналов. Большой популярностью пользовались просветительские журналы, издаваемые сирийскими иммигрантами. Важную роль играла политическая пресса, выступавшая против британской оккупации и поддерживавшая панисламистские традиции. Вместе с тем на рубеже XIX – XX столетий в мусульманской среде постепенно стало проявляться разочарование в панисламистских идеях. Историк арабской литературы А. А. Долинина отмечает, что в этот период в газетах печатаются критические высказывания в адрес панисламизма. Редактор газеты «Аль-Джарида» Ахмед Лутфи ас-Сайид выдвинул идею египетского патриотизма вне религиозных рамок, подчеркивая связь современных египтян с их предками. Эта идея также нашла отклик со стороны египетских националистов. Не меньшей популярностью пользовались труды сирийского публициста-иммигранта шейха А. аль-Кавакиби, в которых обосновывалась правомерность борьбы против тирании и деспотизма за свободу, равенство и просвещение [3].

Несмотря на генерацию в прессе новых идей, панисламизм сохранил за собой значительное число приверженцев. Заслуга в этом принадлежала Мустафе Камиллю, который, выступая за сохранение мусульманских традиций в арабском мире, в панисламизме видел эффективное средство борьбы египтян против британских оккупантов и их колониального режима. Он считал целесообразным сохранение автономии Египта в составе Османской империи, рассчитывая на помощь турецкого султана в борьбе против колонизаторов. Критикуя политику британцев в Египте, Мустафа Камиль одобрительно относился к образовательной программе Кромера и призывал соотечественников поддерживать начинания в распространении грамотности среди населения. Он считал полезной европеизацию системы образования Египта. Проявляя заботу о патриотическом воспитании учащейся молодежи, он стал инициатором создания частных школ, в которых преподавание велось на арабском языке. Он создал школу для мальчиков, где вместе обучались христиане, мусульмане и евреи. Одним из важных достижений М. Камилля стало развернувшееся по его инициативе движение за учреждение в Каире национального университета Египта.

Заинтересованность египтян в овладении научными знаниями заметно проявилась в связи с деятельностью известного сирийского ученого историка и публициста Мохаммеда Курд Али, в 1906 году эмигрировавшего в Египет. В это время его имя стало не менее популярным, чем имена самых известных арабских писателей и самых лучших ученых того времени. М. Курд Али испытал влияние идей просветителей М. Абдо и М. Камиля. В Египте он приложил немало усилий для распространения старых и новых знаний среди населения. В своих статьях и публичных выступлениях он призывал арабов к борьбе за получение гражданских свобод в Османской империи. После возвращения в Сирию в 1908 году Мохаммед Курд Али основал в Дамаске журнал «Аль-Муктабас», на страницах которого публиковались статьи на литературные и общественно-политические темы, а также научные труды египетских, сирийских и других арабских ученых и публицистов. Просветительские усилия М. Курд Али по популяризации арабских письменных памятников среди арабских народов были высоко оценены русским ученым-арабистом И. Ю. Крачковским, отметившим культурную ценность и научную значимость таких публикаций для европейских ориенталистов, писателей и мыслителей всего мира [4].

Сторонником движения за распространение в Египте научных знаний и профессионального образования проявил себя Саад Заглул-паша. В 1905 году он был назначен министром образования хедивского правительства. Правда, на этом правительственном посту С. Заглул «пытался ввести в школах преподавание на английском языке под предлогом, что арабский язык слишком беден для современной науки» [5]. Аргументация такого рода была, конечно, не обоснованной. Издавна арабский мир отличался большими достижениями в развитии современной науки и техники. К тому же в языковой политике колониальные власти преследовали политические цели. Заслуга Саада Заглул-паши в том, что он поддержал инициативу британцев по внедрению европейских стандартов в школьное и профессиональное обра-

зование своей страны, выступил за ознакомление учащихся с естественно-научными, аграрными и медицинскими знаниями, с техническими достижениями западных стран.

Однако для широких народных масс Египта профессиональное образование не стало доступнее. Недовольство охватило в основном бедняцкие слои, так как они лишались возможности учиться в средних школах, открывавших их выпускникам доступ к среднему и высшему профессиональному образованию. Среди молодежи имущих слоев весьма привлекательным становилось обучение за рубежом, но такой возможностью могли воспользоваться лишь дети из богатых семей. Приступая к реализации образовательной программы в 1901 году, глава британской администрации лорд Кромер преследовал практические цели. В первую очередь англичан заботила подготовка клерков и прочих мелких служащих для местных административных учреждений и различных сфер обслуживания.

С реализацией образовательной программы в широком объеме британцы не спешили. В обществе бытовало мнение о том, что египтяне еще не готовы к нововведениям в образовательной системе, для внедрения современного светского образования потребуется длительное время. Считалось, что решить эту ответственную задачу можно лишь при распространении начальных знаний среди подавляющей массы египетского населения. Лорд Кромер, инициатор образовательных реформ в Египте, в письме сэру Горсту в 1908 году почти пророчески писал: «Что бы мы не делали в зависимой стране, образование со временем принесет свои естественные плоды, одним из которых, как в Индии, так и в Египте, будет стремление избавиться от иностранцев». Египетские просветители, в свою очередь, неоднократно признавали просвещение лучшим средством борьбы против хедивской тирании и колониального режима. Так, например, Мустафа Камиль утверждал, что освобождение страны может быть «достигнуто одним только просвещением, без упорной революционной борьбы» [6].

В общественно-политической жизни Египта начала XX века активнее стали проявлять себя сторонники европеизации отечественной

системы образования, выступая при этом за перевод преподавания в школах на арабский язык. Многие из них обращали внимание на тот факт, что государственные школы находились под жестким контролем иностранцев. Длительное время преподавание в начальных и средних школах велось на французском и арабском языках, а с установлением британского колониального режима стал внедряться английский язык. Владение языками рассматривалось как обязательный инструмент египетского администратора. Среди элитарной аристократии Египта распространялось подражательство Западу, в семьях старой аристократии было принято общаться по-французски, читать американские и английские газеты и не проявлять большого интереса к своей стране, ее культуре и даже действительности. В годы господства британцев из преподавания в общеобразовательных школах и обихода шло вытеснение французского и даже арабского языков. При приеме на государственную службу претендент, изучавший английский язык, имел гораздо больше шансов занять искомую должность. К концу XIX века английский язык занял доминирующее место в правительственных школах. Из образовательных учреждений вытеснялись французские учителя, на смену им пришли британские подданные и египтяне, получившие образование в университетах Великобритании. Школы ориентировались на обучение и воспитание учащихся в духе преданности британским колониальным властям. Предпринимались попытки увеличить финансирование народного просвещения за счет казны хедива, но значительная часть финансовых средств выделялась на оплату труда учителей. Во времена оккупации Египта британская администрация ограничила ежегодные расходы на нужды просвещения в пределах до одного процента бюджетных ассигнований. С реализацией программы Кромера расходы хедивской казны на школьное образование несколько увеличились. По сравнению с 1901 годом размер годового финансирования школьного образования в Египте к 1906 году вырос почти в четыре раза: его объем составил 362 тысячи фунтов стерлингов, а к 1909 году – 500 тысяч фунтов стерлингов [7]. Казенные средства выделялись 50 светским государственным городским школам и 144 кутта-

бам, предназначались они в основном на оплату труда учителей [8]. В стране появились и частные школы, обучение в них было платным. Сохранялись и духовные школы.

Среди видных деятелей египетской интеллигенции, поддержавших лорда Кромера в реализации школьной программы, оказался яркий представитель арабской элиты, просветитель и религиозный реформатор шейх Мохаммед Абдо. Администрация Кромера провозгласила его великим муфтием Египта, и вскоре этот лидер реформаторского движения в исламе превратился во влиятельного среди египтян сторонника примирения с режимом оккупантов. Как исламский реформатор Мохаммед Абдо предлагал увязывать исламскую религию с потребностями модернизации Египта. Ислам для государства должен был стать официальной идеологией. М. Абдо считал, что воспитание на принципах ислама может способствовать преодолению индивидуализма, стать основой существования и развития национального государства. Для того чтобы достичь справедливого, демократического режима, по мнению М. Абдо, потребуется серия моральных, образовательных и общественно-политических реформ, а для их осуществления Египту нужен просвещенный руководитель, справедливый, внимательный, способный «навязать свои благотворные взгляды обществу», не заботясь о своем собственном благе, и который мог бы окружить себя надежными помощниками [9]. Таким руководителем, как утверждал М. Абдо, стала британская администрация во главе с лордом Кромером. Британцы, конечно, мирились с религиозно-обновленческими идеями и проповедями исламского реформатора М. Абдо, видя в нем своего надежного союзника.

Как просветитель М. Абдо одобрительно отнесся к распространению школьного образования в стране и пытался увязывать просвещенческие идеи с исламской верой, научные знания – с религиозными догмами, старался приспособить ислам к потребностям капиталистического развития. Он пытался совместить идеи просветительства с идеями реформирования ислама. Популярной среди интеллектуалов стала его фраза «религия – друг науки». Профессор В. Н. Кирпиченко

заметила: «Попытка сохранить в ходе модернизации синкретизм науки и веры имела серьезные последствия для литературы, и мысль М. Абдо до сих пор довлеет над сознанием значительной части египетской творческой интеллигенции» [10]. В пропагандистской деятельности Мохаммед Абдо был осторожен. Выступая иногда с критикой действий британских колонизаторов, он с почтением отзывался о государственном устройстве Великобритании, считая его образцом для заимствования своей страной и веря в то, что сотрудничество с англичанами полезно для египтян [11]. М. Абдо и его сподвижники поддерживали утверждения британцев о том, что «египетский народ еще политически незрел и что лучшим опекуном его может быть только Великобритания, только англичане помогут Египту стать современным государством» [12].

Соглашаясь с британской прессой, распространявшей мысли о неспособности безграмотного египтянина, не имевшего опыта общественной деятельности, самостоятельно управлять страной, М. Абдо призывал своих соотечественников добиваться не изгнания англичан, а заботиться об освобождении Египта с их помощью от отсталости и средневековых пережитков, от феодальной тирании. Лорд Кромер риторически писал: «Может ли здравомыслящий человек поверить, что страна, веками подвергавшаяся под пятой своих властителей – от феллахов до наших дней – наихудшим формам правления, где 10 лет назад только 9,5 % мужчин и 3 % женщин могли читать и писать, может подняться на уровень, дающий ей возможность осуществить право полной автономии с выгодой для нее и других?» [13]. Глава британской администрации проявил убежденность в нереальности притязаний местных националистов на самоуправление в стране. Конечно, замечание лорда Кромера о признании профессионально-образовательной отсталости египетского общества было справедливо.

Просветительские и реформаторские идеи Мохаммеда Абдо были поддержаны консервативной частью интеллигенции Египта. Умеренная позиция лидеров реформаторов удовлетворяла английских колонизаторов, а лорд Кромер признавал Мохаммеда Абдо «истинным

патриотом и желал бы иметь больше подобных людей в подконтрольном ему Египте» [14]. Глава британской администрации иногда прислушивался к мнению шейха М. Абдо относительно реформ в сфере образования. Так, например, лорд Кромер одобрительно отнесся к проектам реформатора о необходимости обучения женщин. Женский вопрос, как считали египетские реформаторы, мог стать частью проблемы освобождения общества от сохранявшихся религиозно-феодалных пережитков. Каждая девушка, стремившаяся получить образование, встречала сильное противодействие со стороны своей семьи.

Учитывая веками сложившийся имидж восточной женщины в мусульманском обществе, англичане осторожно подходили к решению данного вопроса. В первые годы оккупации египетское правительство финансировало учебу девочек в начальной школе, но позднее обучение было переведено на платную основу. Профессиональное обучение девочек ограничивалось школой акушерства, открывшийся учительский колледж успехом среди них не пользовался. В Египте того времени среди учителей государственных школ не было женщин-египтянок, так как учительство среди населения считалось позорным делом для мусульманской женщины. К преподаванию в школах страны привлекались женщины-учителя из Европы и мужчины-египтяне. Английская администрация была готова решать проблемы профессиональной подготовки женщин-мусульманок к учительскому делу, что могло способствовать ослаблению социальной напряженности в Египте. Со временем, благодаря поддержке М. Абдо, престиж учительского колледжа заметно вырос, и он стал привлекательным для женщин-мусульманок. Мохаммед Абдо и его последователи добивались права для женщин на получение среднего и высшего профессионального образования наравне с мужчинами, даже права на обучение в исламском университете Аль-Азхар.

Среди сторонников реформ в социальной сфере широкую известность в качестве защитницы прав и интересов женщин-мусульманок получила египетская поэтесса Айша Теймур, автор ряда сборников лирических стихов и публицистических статей, посвящен-

ных женскому движению. Египетская общественность с большим интересом встретила книгу мусульманского адвоката и судьи Касима Амина «Освобождение женщин», изданную в 1899 году. Автор призывал создать начальные школы для девочек, прекратить изоляцию женщин и ношение ими хиджаба, изменить законы о практике разводов и многобрачия. В 1902 году в Египте была опубликована его книга под символическим названием «Новая женщина». Женский вопрос стал обсуждаться среди египетской интеллигенции. Некоторые исследователи утверждают, что Касим Амин стал «первым феминистом» Египта начала XX века. В 1905 году в Каире в переводе с русского на арабский язык была издана брошюра азербайджанского просветителя Ахмеда Агаева «Женщина по исламу и в исламе», переводчиком был Селим Кобейн. Книга была опубликована под арабским названием «Права женщины в исламе». С. Кобейн признавался, что издать работу, посвященную актуальной теме, его побудили охватившие египетское общество идеи женского движения.

Первой египтянкой, открыто выразившейся в поддержку решения «женского вопроса», была Малик Хифни Насиф. Она призывала облегчить положение женщин в мусульманском обществе, предлагала начать их обучение профессии медицинской сестры и учредить для этой цели женскую медицинскую школу. В публицистических трудах и выступлениях М. Х. Насиф проявила себя незаурядной личностью, сторонницей прав женщин не только на образование, но и общественную и деловую жизнь. Она выступала за установление взаимной ответственности мужчин и женщин друг перед другом и призывала женщин бороться за свои права, «не теряя достоинства и не преступая заповедей Корана и Сунны» [15]. На египетском конгрессе общественных организаций в 1911 году, где, что примечательно, принимали участие только мужчины, предложения М. Х. Насиф были поддержаны. С этого момента женщины Египта могли получить среднее образование и включились в общенациональное освободительное движение. В качестве защитницы гражданских прав женщин широкую известность среди египтян получила родившаяся в Ливии, но

проживающая в Александрии поэтесса, прозаик и публицист Зайнаб Фавваз-эфенди.

Под давлением общественного движения британцам пришлось пойти на некоторые уступки в этом вопросе. В Египте было введено обязательное обучение для девочек в начальной школе, финансирование которого стала обеспечивать хедивская казна. Их дальнейшее обучение проходило на платной основе, что становилось препятствием для продолжения образования. Доступность профессионального обучения для девочек ограничивалась учительским колледжем и акушерской школой. Лица, получившие профессиональное образование, могли работать учителями начальных и средних школ, медицинскими сестрами и акушерками в учреждениях здравоохранения, секретаршами и клерками в государственных и частных организациях.

Для Египта начала XX века проблема подготовки собственных кадров для здравоохранения была особенно актуальна. Колониальная администрация пыталась решить этот вопрос за счет приглашения английских специалистов на медицинскую службу в качестве врачей и медицинских сестер, нередко для обучения приглашались специалисты высокой квалификации из Англии и Британской Индии. Хедивское правительство возлагало надежды на пополнение рядов медицинских работников за счет выпускников местного медицинского колледжа. Однако нехватка специалистов в этой области все равно ощущалась, и такая потребность в квалифицированных работниках сохранялась на протяжении всего периода британской оккупации Египта. Для того чтобы аккумулировать скромные возможности национальной медицины, в Каире было учреждено Медицинское общество, объединившее работников здравоохранения. Появление новой структуры встретило поддержку со стороны европейского сообщества медиков, в его адрес стали поступать медицинская литература и некоторое медицинское оборудование. При участии опытных врачей из стран Европы были организованы занятия по повышению квалификации египетских медиков. Было решено отправлять молодых египтян на учебу в медицинские заведения Великобритании.

Наряду с работниками медицины и санитарии значительный прирост национальной интеллигенции произошел за счет работников образовательной сферы. В 1907 году численность кадрового преподавательского состава достигла 5,5 тыс. человек, из них 28 % учителей имели диплом об окончании высшей и средней профессиональной школы [16]. Администрация Кромера следила за подготовкой учителей. При ее участии были открыты две специальные школы по совместному обучению мальчиков и девочек – будущих учительских работников для государственных (хедивских) школ. Британцы стремились европеизировать средние школы, для того чтобы подготовить учащихся к работе на низших и второстепенных должностях в гражданских службах, учреждениях связи и сферы обслуживания. В результате в школьные программы были внесены изменения, так как требовалось уделять больше внимания преподаванию школьникам арифметики, чтения и письма на арабском и английском языках. Учебные программы образовательных учреждений ориентировались на «идеологическое закабаление» учащихся, усиливая их зависимость от европейской системы мышления. Особое внимание уделялось ослаблению традиций, существовавших в египетском образовании.

Появление новых отношений в обществе и расширение штата административно-управленческого аппарата в гражданских учреждениях, обусловленное особенностями колониального развития Египта, вело к количественному росту служащих, численность которых в 1907 году превысила 28,8 тыс. человек [17]. Многие из них имели среднее общее образование. Значительную группу служащих (клерков и прочих исполнителей) составляли лица с более низким образовательным цензом. На более высокие чиновничьи посты выдвигались представители семей крупных землевладельцев, предпринимателей и торговцев. Как правило, они обладали дипломами об окончании заграничных высших учебных заведений. Немногочисленными были группы медицинских работников (немногим более 6 тыс. человек), юристов (508 человек) и армейских офицеров (623 человека) [18].

Значительным событием в культурной и общественно-политической жизни Египта стало открытие в 1908 году национального университета в Каире. Движению интеллигенции удалось преодолеть сопротивление британцев и наконец-то достичь долгожданной цели. Возросшее в обществе стремление к самоутверждению отразилось даже на постройке здания Каирского университета, сочетавшего национальный стиль и соответствующую национальным историко-культурным традициям архитектуру. На нужды организации университета был объявлен добровольный сбор денежных средств. В целях содействия его становлению и осуществлению контроля над его деятельностью хедивское правительство стало выделять небольшие ежегодные субсидии. Вначале Каирский университет имел пять факультетов: литературный, правовой, коммерческий, медицинский и агрономический. Преподавание велось на английском и французском языках. Арабский язык не был включен в учебные планы, за исключением курсов арабской литературы и арабской философии. Наиболее способные студенты могли продолжить обучение в зарубежных университетах и получить знания в области математических, экономических, естественных и гуманитарных наук. Довольно скоро Каирский университет приобрел высокий авторитет на мусульманском Востоке, а в 1925 году получил статус государственного высшего учебного заведения и был подчинен министерству народного просвещения Египта. Он стал основным центром подготовки научных кадров, способных успешно вести самостоятельные научные работы. Среди студентов университета Каира было немало молодых людей из Судана, Сомали, Сирии, Турции, Индии и Средней Азии, встречались также казанские татары и уфимские башкиры.

С появлением университетского образования в Египте британские колонизаторы стремились использовать его для формирования такой системы профессионального образования, которая помогала бы создать в обществе прослойку, способную стать посредником между ними и местным населением. Поэтому в начале своей деятельности Каирский университет оказался под жестким контролем британской

администрации и стал готовить не столько специалистов для науки, права, экономики, медицины, образования и культуры, сколько управленческие кадры для служб колониального государственно-административного аппарата [19].

Университетское образование тем не менее способствовало росту численности рядов новой национальной интеллигенции, повышению ее активности и расширению ее участия в общественной и политической жизни страны. Со временем, как заметил египетский философ Махмуд Амин аль-Алим, университетские аудитории стали местом идейного сопротивления и социального протеста египтян против английского оккупационного режима и колониально-монархической тирании, против попрания гражданских прав народа. Одним из последствий деятельности Каирского университета стало формирование научно-культурного центра, противостоящего культурно-идеологической экспансии Запада. По признанию М. А. аль-Алима, университет стал «живой трибуной идейного и социального обновления для молодого поколения арабской науки» [20]. Студенчество включилось в протестное движение. Выпускники университета вступали в ряды активистов национально-освободительного движения, выражая освободительные идеи и патриотические настроения почти всех слоев и классов населения.

Образовательная программа, автором которой стал лорд Кромер, должна была способствовать перестройке традиционной школы Египта. Программа затронула духовные школы и религиозный университет. Новшества в системе духовного образования были ориентированы на ослабление способностей религии в объединении арабских мусульман на почве общей веры. В условиях господства англичан ислам для египтян стал не только религией, но и национальным знаменем в освободительной борьбе. Учитывая это обстоятельство, британская администрация стремилась контролировать деятельность педагогических коллективов и всех учебных заведений. Учебные планы и программы были рассчитаны на формирование у учащихся такого мышления, с помощью которого в их сознании утверждалось чувство

покорности и зависимости от интересов и воли европейских колонизаторов.

Внедрение светских дисциплин в учебный процесс духовных школ должно было способствовать сближению отдельных слоев традиционной интеллигенции с новой интеллигенцией – как по уровню образования, так и характеру труда. В. В. Черновская по этому поводу писала, что особенность положения интеллигенции в обществе проявилась в разобщенности, «интеграция традиционных групп с интеллигенцией современного типа не происходила» [21]. Из среды традиционных интеллектуалов и среды духовных служителей выходило немало лиц – как прогрессивно настроенных, включавшихся в светскую интеллектуальную деятельность и просветительство Египта, так и приверженцев фундаментальных традиций. Британцам так и не удалось сблизить традиционных интеллектуалов с так называемой новой интеллигенцией. Класс демократической интеллигенции формировался медленно, хотя этот процесс был неизбежен в связи с вестернизацией Египта и знакомством национальной интеллигенции с практикой общественно-политической деятельности интеллигенции стран Европы.

Следует отметить, что усилия британцев не были напрасны. В египетском обществе появились новые классы и социальные группы. По своему социальному происхождению египетская интеллигенция оказалась довольно пестрой. Большинство интеллигентов составляли представители аристократических кругов, высшего чиновничества и крупной буржуазии. Небольшая часть была выходцами из феллахов, мелких торговых собственников и средних слоев города.

Таким же неоднородным оказалось и их материальное положение, от которого зависела политическая ориентированность интеллигенции. Подавляющая масса интеллигенции имела доходы за счет работы в учреждениях колониального административного аппарата, в гражданских органах управления, частных фирмах и компаниях, школах и больницах. Их труд оплачивался намного ниже того же труда британцев и представителей других европейских стран. Однако фи-

нансовая зависимость от работодателей снижала их активность в общественной жизни страны.

Часть интеллигенции имела независимые источники доходов. Это были врачи и юристы частной практики, учителя частных школ, журналисты, писатели, артисты и художники. Некоторые из них, обладающие влиянием на общество, призывали население воспринимать культуру колонизаторов и европейский образ жизни, становились посредниками между властью колонизаторов и хедива и народом. Представители религиозно-аристократических групп, члены которых получили образование, как правило, в религиозном университете Каира, сохраняя верность местным властям, склонялись к союзу с британской администрацией, считали допустимым преодоление социальной и политической несправедливости, а достижение Египтом прогрессивного развития – возможным лишь при поддержке британских «цивилизаторов». Другие, напротив, агитировали за использование европейских достижений, чтобы окончательно избавиться от иностранцев. Мелкобуржуазные националисты, представители радикальной интеллигенции, получившие образование в учебных заведениях Египта и зарубежных стран, сохраняли связи со средними городскими слоями и феллахами, проявляли решимость в выступлениях за конституционные реформы и гражданские права своего народа.

Существовавшая во второй половине XIX века градация египетской интеллигенции на «старую» и «новую» была разрушена. Вместе с тем наметились точки сближения для этих социальных групп. Старые (традиционные) и новые (буржуазные) слои интеллигенции сближала идеализация прошлого опыта развития Египта, что стимулировало общее движение за сохранение важного места ислама в общественной жизни. В борьбе против оккупантов исламская вера стала играть роль интегрирующего фактора. Справедливо замечание литовского философа Я. В. Минкявичуса о том, что религия, духовная культура являлась феноменом идентичности мусульманских обществ. Наследуемая от поколения к поколению религия «входит в традиционную культуру народа и становится мощным фактором социализа-

ции людей». Эта особенность проявлялась в исламских странах [22] и колониально-зависимый Египет не был исключением. Религия была определяющей силой в жизни страны, а турецкий султан воспринимался лидером всех мусульман Османской империи, надежным защитником ислама.

В освободительном движении египетского народа в эпоху политического «пробуждения» исламизм постепенно сдавал лидирующие позиции, уступая их буржуазному национализму, но не исчез окончательно. Интеллигенция, публично выступая с осуждением оккупационного режима, в стремлении пробудить протестное сознание национального общества стала использовать как религиозные, так и национально-патриотические призывы и лозунги.

Другой точкой соприкосновения стало общее отношение к тактике протестной борьбы. И те и другие общественники предпочитали бороться за реформы с помощью переговоров и соглашений с колонизаторами. Не имея шансов и надежд договориться с хедивскими и британскими властями самостоятельно, национальная интеллигенция обращалась к народным массам за поддержкой и призывала к совместному участию в переговорах с правящими силами по вопросам о конституционной реформе. В своих требованиях египетская интеллигенция не выходила за пределы буржуазного либерализма.

Французский философ Ф. Фанон выделил три этапа эволюции настроений и позиций колониальной интеллигенции по отношению к общественной жизни своей страны. На первом этапе, по его мнению, она в основном осваивает культуру колонизаторов, на втором происходит ее погружение в собственную культуру, на третьем этапе наблюдается политическое «пробуждение» национальной интеллигенции. Все три этапа прошла и формировавшаяся интеллигенция Египта. Многие интеллигенты, заметил востоковед А. В. Гордон, «вплоть до освобождения от колониального ига остаются на первом этапе; тех же, у кого хватает решимости пойти дальше, подстерегает опасность впасть в «культ», в «религиозную» одержимость» [23]. Не смогли избежать этой участи и многие группы египетской интеллигенции.

Не веря в успех массового движения, буржуазия и новая интеллигенция Египта были склонны к соглашательству с британскими колонизаторами. Либерально-буржуазный характер режима британских оккупантов воспринимался ими приемлемым для контактов национальной общественности с образованной элитой Англии и других европейских держав в интересах осуществления новых реформ и ослабления позиций феодально-бюрократической аристократии в стране.

3.2. Общественно-политическая деятельность интеллигенции в эпоху «пробуждения Азии»

Степень политической зрелости интеллигенции Египта проявилась в ходе массовых выступлений против оккупантов и колониального режима периода «пробуждения Азии». В этот период египетская интеллигенция пополнилась представителями студенческой молодежи. В феврале 1906 года произошла первая в истории Египта забастовка каирского студенчества: ее участниками стали студенты юридического, учительского, медицинского и аграрного колледжей. Протестное выступление студентов поддержали учащиеся правительственных школ Каира, Александрии, Исмаилии, Порт-Саида и других крупных городов. Студенческие волнения вспыхивали и в последующие годы.

Умеренно-либеральные группы интеллигенции сочувственно отнеслись к молодым бунтарям, но сами открыто не решились на решительные протестные выступления против оккупационного режима. Радикальные группы, напротив, пытались придать выступлениям молодежи политический характер и выдвигали требования о введении в стране конституции. Но в целом национальная интеллигенция, связанная с буржуазией, склонялась к компромиссу с колониальным режимом. В то же время патриотическая часть интеллигенции и студенчество хорошо осознавали необходимость «осовременивания» общественной, культурной и деловой жизни своей страны.

Протестные выступления в Каире и других городах Египта подорвали позиции и авторитет лорда Кромера. В мае 1907 года он был

отозван в Лондон, и вскоре последовала его отставка. Официальным поводом для этого стало так называемое «деншавайское дело» – причиной для которого послужила расправа британских войск над египтянами 13 июня 1906 года, когда доведенные до отчаяния феллахи деревни Деншавай (на Синайском полуострове) избили группу распоясавшихся английских офицеров. Англичане, конечно, не могли допустить даже мысли, что крестьянское население подконтрольного Египта осмелится проявить непокорность. Массовые выступления вынудили британцев амнистировать многих заключенных египтян и одновременно отозвать лорда Кромера из Каира в Лондон – так закончилось 25-летнее правление Египтом искусного британского политика. Можно предположить, что среди причин отставки Кромера была его склонность к либеральным реформам в подконтрольном Египте. В частности, еще при премьерстве в Британии У. Гладстона он высказывал идеи о предоставлении египтянам права на создание национального парламента. (Как признавался сам Кромер, британский премьер-министр предостерег его от такой затеи). Но это не так. Имея за плечами опыт управления Британской Индией, Кромер понимал необходимость создания подконтрольных и управляемых общественных институтов, способных в то же время создать видимость участия национальных сил в государственном управлении. Поэтому лорд Кромер смог провести те преобразования, которые только укрепили британское влияние в стране – в сферах образования, здравоохранения и административного управления Египта.

Следующим британским резидентом и генеральным консулом в Каире становится сэр Элтон Горст, находившийся на этом посту до 1911 года. В отличие от своего предшественника новый назначенец готов был идти на более широкие уступки и реформы в интересах сотрудничества с хедивом, его окружением и интеллектуальной элитой. Сменой главы британской администрации в Каире Лондону не удалось ослабить активность оппозиционных сил и национальной интеллигенции Египта.

Вместе с тем следует отметить, что единства в среде интеллигенции не было, ее представители расходились как по взглядам на национальные интересы, так и по способам их реализации. К тому же, в образованных европейцах отсталые массы египетского общества вообще видели противников национальных интересов. Так, среди интеллигенции выделялись группы лиц, возлагавшие надежды на помощь со стороны турецкого султана в борьбе с оккупантами и колонизаторами. Турция воспринималась ими более близкой, нежели какая-либо европейская держава. Действия эмигрантов из Турции, пропаганда младотурок с критикой абсолютистских порядков султана Абдула Хамида II не находили поддержки в этой среде, которая даже осуждала антитурецкие выступления. Основоположник египетского национализма адвокат и публицист Мустафа Камиль утверждал, что «каждый, кто выступает против султана, является платным иностранным агентом, врагом родины и заслуживает самого сурового наказания» [24]. Панисламистские взгляды разделяли некоторые общественные деятели и государственные служащие Египта, получившие название «орабистов». Они признавали британскую оккупацию большей опасностью для своей страны, нежели сохранение ее в составе Османской империи. В этой связи историк-арабист А. М. Васильев отмечал, что националисты Египта «рассчитывали опереться в борьбе с британцами на османского султана-халифа», но они осознавали, что Турция сама длительное время была «врагом и угнетателем арабов» [25]. Полной уверенности в надежности союза с режимом османского султана у египетских националистов не было. Турция воспринималась ими ближним рубежом западного капитализма на Арабском Востоке.

Внутри панисламистски настроенной интеллигенции в начале XX века стала формироваться группа сторонников исламского национализма, что стало ответной реакцией на угрозу с Запада, проникновение идей европейских колонизаторов в мусульманское общество. Националистические идеи Мустафы Камилля находили отклик со стороны разночинной интеллигенции, мелких и средних служащих, студен-

ческой и учащейся молодежи, а также некоторых предпринимательских слоев. Это были те социальные группы, которые «больше других страдали от иностранного капитала, меньше других были уверены в завтрашнем дне и потому особенно враждебно относились к колониальным порядкам» и были ограничены в гражданских правах [26].

Для британской администрации эти настроения были особенно опасны. Поэтому она стала поощрять реформаторские настроения и призывы, для того чтобы египетская интеллигенция и молодежь, добивавшиеся проведения реформ в области образования и культуры, не требовали радикальных социальных преобразований, не выступали против оккупационного режима. Британцы стремились добиться такого положения, при котором грамотные и образованные египтяне, сохраняя верность колониальным порядкам, стали бы проводниками идей «цивилизаторской миссии» британцев в Египте. Средства идеологического воздействия на общество в то время ограничивались официальной прессой. Британцы оказывали поддержку газетным изданиям, которые занимали примиренческую, благонадежную позицию по отношению к ним. Пресса постепенно становилась весьма влиятельным просветителем, играя значительную роль в формировании общественного сознания.

Однако британские власти не имели возможности полностью контролировать издательскую деятельность, и творческая интеллигенция Египта могла выражать свои взгляды на различные социальные проблемы. Об этом свидетельствуют публикации в общественно-политическом и художественном журнале «Ал-Хилял» («Полумесяц»), издававшемся в Каире. Поэт Хафиз Ибрахим, например, обращал внимание читателей на состояние и перспективы развития своей страны. Патриотические мотивы отразились в поэзии Ахмеда Шауки. Популярными среди интеллигенции стали стихи молодого поэта Абд ар-Рахмана аль-Хамиси. Другой популярный поэт и переводчик Мутран Халиль Абдо в своих произведениях также затрагивал социально-экономические проблемы. В них отражалась борьба египтян с колонизаторами, содержалась критика соглашательства хедива и его

двора, осуждалось пренебрежение ими традиций арабского народа. В ряде публикаций и выступлений Мустафа Камиль призывал мусульман и коптов, независимо от религиозных убеждений, к совместным требованиям вывода английских войск с египетской территории. Призывая народ к единению, он утверждал, что успех освободительной борьбы возможен при сохранении верности исламу. Разоблачая колониальную политику британцев, он поддерживал стремления в обществе к европеизации системы образования, высказывался за проведение социально-экономических и конституционных реформ в Египте.

В начале XX века Египет захлестнул поток пропагандистской литературы, появилось немало новых газет, издававшихся на арабском языке. Многие из них стимулировали рост антианглийских настроений среди различных слоев страны. В условиях политической тирании газеты и другие печатные органы, знакомя египтян с политическими событиями в странах Европы, способствовали распространению среди них идей о конституционных реформах. Публицисты обращали внимание общественности на острые социальные и политические проблемы современности. В публичных выступлениях Мустафы Камиля отчетливо просматривалось, что понятие «народ» для него означало нечто отличное от «важных и знатных» слоев. Он надеялся на сотни и тысячи представителей «народа», способных потребовать гражданские права на свободу и независимость; свои публикации и выступления адресовал народным массам и считал, что больше нет надежд на хедива, остались надежды только на народ [27].

Помимо газетных публикаций в Каире была издана книга лидера и идеолога националистов М. Камиля «Восходящее солнце», которая сразу же привлекла внимание общественности. В книге отмечались достижения Японии в экономическом и политическом развитии, ее успехи в войне 1904 – 1905 годов с Россией, европейской державой. Появление книги Мустафы Камиля стимулировало активность египетских националистов, требовавших проведения конституционных и экономических реформ.

Политическими оппонентами Камиля и его сторонников стали группы интеллигенции, идеологически близкие либерально настроен-

ным помещикам. Они проявляли лояльность по отношению к соглашательству хедивских властей и оккупационному режиму, рассчитывая на реформы «сверху», которые могли бы способствовать капиталистическому развитию Египта. По их инициативе в сентябре 1907 года была создана партия «Хизб аль-Умма» («Народная партия»), выступившая за такие конституционные реформы. Народная партия объединила новых помещиков, верхушку чиновничьей бюрократии и часть либеральной интеллигенции. Члены партии осуждали экстремистские призывы радикалов и поддерживали соглашательство властей с британской администрацией.

22 ноября того же года появилась еще одна партия – «Хизб аль-Ислах ад-Дестури» («Партия конституционной реформы»), которая объединила сторонников шейха Али Юсуфа, верных исламу и симпатизировавших османскому султану Абдулу Хамиду II. Члены партии выступили за восстановление авторитета хедива и создание парламента, за введение в стране образования на арабском языке, ликвидацию смешанных судов и удаление из них английских чиновников. Благодаря таким требованиям партию поддержали народные массы. Однако она не отличалась патриотизмом и проявляла склонность к компромиссу и соглашательству с британскими властями, несмотря на публичную поддержку государственной концепции панисламизма.

В противовес соглашательским партиям, представлявшим по существу организационно неоформленный политический альянс, сторонники Мустафы Камиля 2 октября 1907 года смогли организовать партию «Хизб аль-Ватан» («Партия отечества»), стремившуюся возродить в обществе патриотические настроения времен Ораби-паши. Председателем партии был избран Мустафа Камиль. Партия выступала за эвакуацию английских войск, ликвидацию оккупационного режима и признание автономии Египта в составе Османской империи. Лидеры партии ватанистов стремились сохранить связь с панисламистами Турции. Националисты восприняли новую партию Египта в качестве более последовательного выразителя национальных интересов и сторонника решительных действий против колонизаторов. По мере

роста партийных рядов за счет представителей разночинных слоев новой интеллигенции ватанисты стали активнее в своей деятельности. Партия инициировала выступления масс в поддержку требований реформ по модернизации Египта при сохранении прочных позиций ислама в обществе.

Мустафа Камиль призывал своих сподвижников не надеяться на милость проанглийского хедива, а ориентироваться на османского султана и политическую активность народа. В выступлении 22 октября 1907 года он говорил: «Теперь мы более чем когда-либо понимаем, что нации не могут возродиться, не борясь сами за свое собственное дело. Мы не можем завоевать независимость с помощью других» [28]. М. Камиль продолжал рассчитывать на поддержку со стороны Турции. В период «пробуждения» партия Мустафы Камиля заняла лидирующие позиции в освободительном движении, но организовать серьезные антианглийские выступления египетских народных масс ватанисты не смогли, хотя о них неоднократно говорили. Тактику ватанистов и их лидера некоторые британцы именовали «сентиментальным анархизмом». И такая оценка была справедливой. Реальных успехов в политической деятельности ватанисты не добились, поэтому ряды партии стали редеть. Ее привлекательность для интеллигенции еще больше ослабла после смерти Мустафы Камиля (февраль 1908 года). «Боевитость» ватанисты пытались проявить при новом лидере Мохаммеде Фарид-бее, благодаря чему национальная партия оставалась основной оппозиционной силой в Египте, выступавшей против господства британцев и их оккупационного режима.

При новом лидере партия ватанистов установила связи со Вторым Интернационалом, М. Фарид-бей стал постоянно участвовать в работе международных конгрессов социалистов. В 1911 году на Брюссельском конгрессе Второго Интернационала ему удалось добиться принятия резолюции в поддержку демократического движения в Египте. В резолюции было сказано: «Конгресс выражает свою поддержку египетской нации, которая добивается своей цели мирными средствами, и считает, что принципы права и справедливости, а также

вопросы международной торговли требуют, чтобы Египет был независимым, нейтральным и управлялся национальным, конституционным правительством» [29]. Руководство Второго Интернационала не считало неизбежным освобождение порабощенных народов путем революционной борьбы. Напротив, оно признавало «цивилизаторскую роль» западных держав по отношению к этим народам. По утверждению известного арабского коммуниста Халеда Багдаша, такая позиция была своеобразной формой оправдания господства колониализма, грабежа и порабощения восточных народов капиталистическими державами [30].

В Египте в начале XX века особую роль в организации протестных выступлений стали играть местные профессиональные союзы работников физического труда. Первый профсоюз в Египте, появившийся в табачной отрасли, был основан в 1899 году выходцем из России Насифом Розенталем. В 1908 году в Каире был организован профсоюз трамвайщиков. Профсоюзы возникали и в других городах. В 1911 году в Египте их насчитывалось 11 общей численностью 7 тыс. человек [31].

Несмотря на тот факт, что первые профсоюзы начинали свою деятельность при отсутствии законодательства о труде и статуса профессиональной организации, они были реальной силой, и М. Фарид-бей намеревался привлечь зарождавшееся рабочее движение к освободительной борьбе. Обращаясь к членам своей партии, он призывал: «Просвещайте рабочего, выводите из мрака в свет. Рассказывайте ему о положении его братьев в Европе. О том относительном счастье, которого они достигли благодаря знаниям, единению и солидарности» [32]. По инициативе ватанистов в стране появились вечерние школы для рабочих. Первая такая школа открылась в ноябре 1907 года в каирском пригороде Булак. В 1909 году при участии ватанистов был основан профсоюз промышленных трудящихся Египта с отделениями в Каире, Александрии, Эль-Мансуре и Танте. Столкнувшись с репрессиями, ватанисты прибегали к мелким актам террора, скатываясь даже на позиции религиозного фанатизма. В 1912 году партия ватанистов была

разгромлена, некоторые ее члены перешли на легальный путь борьбы, другие примкнули к нелегальным группам террористов.

Среди египетской интеллигенции активной общественной силой постепенно становились студенчество и учащиеся, выступавшие за расширение образовательной реформы и требовавшие «приближения египетской жизни к западноевропейской жизни». Русский писатель-народник и общественный деятель С. Я. Елпатьевский, посетивший в 1909 году Египет, стал свидетелем массовых протестных выступлений студентов и жителей столицы по случаю отказа колониальной администрации ввести конституцию и против ужесточения цензурного контроля над прессой и учебными заведениями. Среди протестовавших были и студенты исламского университета Аль-Азхар, проявившие солидарность с учащимися светских профессиональных учебных заведений Каира, выступившими с требованиями о предоставлении Египту самоуправления [33]. С. Я. Елпатьевский обратил внимание на тот факт, что студенческая молодежь египетской столицы интересовалась событиями и новшествами в России, деятельностью и составом ее Государственной Думы. Молодежь Египта привлекало и конституционное движение в Османской империи [34].

Известный востоковед Б. М. Данциг писал, что С. Я. Елпатьевский одним из первых представителей российской общественности увидел огромное значение русской революции 1905 года как для Египта, так и для всего Востока [35]. В дальнейшем и другие интеллектуалы связывали возникновение революционных выступлений в Египте с первой русской революцией. Однако не меньшее значение имело распространение среди арабских националистов идей исламского реформаторства, что способствовало росту патриотических настроений в обществе, а также политическому пробуждению национальной интеллигенции Египта. Патриотизм различных классов и социальных слоев египтян уживался с радикализмом, а религиозные идеи сочетались с научными светскими знаниями, регулярное чтение священных книг сопровождалось чтением современных газет. Единство в мировоззренческих взглядах в египетском обществе отсутство-

вало. Сближающим фактором во всех антибританских выступлениях была религия, но она не могла преодолеть их стихийность и разрозненность. В событиях тех лет проявились столкновения интересов египетской нации и колониальных властей, выступления против режима оккупантов приобретали характер народных бунтов и восстаний.

Патриотическое движение в стране заметно активизировалось под влиянием известий о революции 1905 – 1907 годов в России, а также конституционной революции 1905 – 1911 годов в Иране и младотурецкой революции 1908 – 1909 годов в Османской империи. Революции времен «пробуждения» вызывали живейший интерес у интеллигенции Египта, особенно среди национальных политиков, писательских и журналистских кругов. Выступления угнетаемых народов Востока против монархических режимов вдохновляли египетских патриотов на выступления против тирании национальной аристократии, оккупационного режима и за вывод английских войск из Египта.

Протестные настроения отражались в выступлениях египетских ораторов и публицистов. В это время широкую известность получило творчество Махмуда аль-Баруди, соратника Ораби-паши. После возвращения из длительной политической ссылки он отошел от общественных дел и увлекся литературой, стал известным поэтом. В его произведениях отразилась борьба египтян против оккупационного режима. М. аль-Баруди и другие писатели, поэты, драматурги, журналисты начала XX века стремились реалистично отражать героические эпизоды из исторического прошлого, критиковали нравы и быт аристократии, политику хедива. Их публикации стали стимулировать обсуждение проблем отношений между народными массами и властью. Писатель Хайкаль в своих сочинениях отразил жизнь деревни и положение феллахов. Выразителем настроений зарождавшейся египетской буржуазии стал Касим Амин. Его книги «Освобождение женщины» (1899) и «Новая женщина» (1901) привлекли внимание читателей к бесправному положению в арабских странах женщин, лишенных духовной свободы и прав в семье и обществе; он осуждал многоженство и недоступность для женщин образования. Его романы были

восприняты в качестве первой арабской декларации о свободах женщин мусульманского мира и отразили начальный процесс формирования новой египетской женщины. Как и Мохаммед Абдо, Касим Амин в просвещении видел важный фактор преобразования общества и предлагал «заимствовать из Европы все нужное и отвергать все ненужное» [36].

Особый интерес был проявлен к революционным событиям в России. В 1905 году в Каире была опубликована повесть ливанского писателя Халиля Сааде «Тайны русской революции». Автор впервые знакомил читателей арабских стран с развитием революционного движения и причинами возникновения революции 1905 – 1907 годов в России. Х. Сааде признавал первую русскую революцию важнейшим событием в истории человечества и сравнивал ее с революцией конца XVIII столетия во Франции. Халиль Сааде писал, что французская революция «ударилась по рукам преступной тирании, сломала оковы угнетения и кандалы деспотизма, выведя людей из мрака невежества и предрассудков на арену свободы к источникам культуры» [37]. Русская революция, по мнению арабского писателя, стимулировала продолжение гуманных перемен в состоянии всех народов.

Особый интерес египетская интеллигенция проявляла к положению и судьбам российских мусульман и их участию в революции. В пользу своих единоверцев, поднявшихся на борьбу против царизма, мусульмане Египта организовывали сборы денежных средств и прочих пожертвований [38]. При различии политического, социального и культурного укладов мусульмане Египта и мусульмане царской России оказались в схожем положении – они испытывали гнет со стороны самодержавных властей и колонизаторов.

Интерес к России проявлялся не только под влиянием русской революции 1905 – 1907 годов, но и в связи с распространением влияния русской культуры на Арабский Восток. Знаменитый русский арабист И. Ю. Крачковский утверждал, что арабы внимательно следили за событиями в России, отзвуки первой русской революции отразились в арабской художественной литературе и публицистике. В 1909 году по-

явилась его первая статья о русско-арабских литературных связях. К этой теме ученый обращался на протяжении всей своей научной деятельности [39]. По словам исследовательницы М. И. Черемисской, ученый-арабист И. Ю. Крачковский, печатавшийся в «Санкт-Петербургских ведомостях» под псевдонимом Энвер-бей, в одной из публицистических статей в 1909 году писал, что на Ближнем Востоке России нужны были «не территориальные расширения, а рынки для сбыта товаров». Он отмечал, что «арабы, даже и мусульмане, не говоря уж о христианах, испытывают к России симпатии» [40].

Под воздействием пропаганды просветителей в египетском обществе утверждалась вера в то, что в освобождении своей отчизны следует рассчитывать на собственные силы, используя все методы борьбы, вплоть до вооруженных столкновений с колонизаторами. Однако новые веяния в целом были чужды египетской интеллигенции. Большие надежды она возлагала на просвещение народа, видя в этом стимул общественного прогресса, а революционные выступления осуждала, предпочитая их не допускать. Египетские интеллектуалы знакомили читателей страны с лучшими образцами мировой литературы. В Египте были популярны произведения классиков русской литературы. Знакомство с их сочинениями усиливало влияние передовых идей на египетское общество.

Авторитетным популяризатором русской литературы на Арабском Востоке стал журнал «Ан-Нафас» («Драгоценности»), издававшийся в палестинском городе Хайфе. Египетским интеллектуалам оказались близки философские и нравственные мысли Л. Н. Толстого. Мохаммед Абдо высоко оценивал творчество и нравственные взгляды русского писателя. Интересен тот факт, что в связи с получением в 1904 году известий об отлучении великого русского писателя от церкви, Мохаммед Абдо направил ему письмо с выражением моральной поддержки. В письме египетский просветитель и реформатор признал положительное влияние творчества русского писателя «на всех образованных людей» [41]. На страницах журнала «Ан-Нафас» за 1913 год была опубликована первая часть романа «Анна Карени-

на», самого известного за рубежом социального и философского произведения Л. Н. Толстого [42]. На арабский язык были переведены сочинения «Исповедь» и «Воскресенье».

В 1908 году египетским читателям стало известно имя русского поэта Александра Блока. В этот год в одном из номеров каирского журнала «Эль-Хиляль» в переводе с французского на арабский язык появилось стихотворение Блока «Незнакомка». Перевод был выполнен египетским писателем и переводчиком Ф. Тевфиком [43].

В 1909 году в Каире был опубликован сборник публицистических статей А. М. Горького. Переводчик сборника Селим Кобейн называл Горького «глашатаем русской революции, решительным борцом за интересы и права своего народа, против деспотизма и власти царей» [44]. Египетские интеллектуалы неоднократно признавали, что гуманные идеи русской литературы оказывали влияние на мировоззрение и творчество египетских писателей.

Росту интереса к российской культуре и литературе способствовали встречи египетских интеллектуалов с литераторами и путешественниками, посещавшими Египет. В Александрии и других египетских городах побывали поэты Иван Бунин, Михаил Кузмин, Николай Гумилев, Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов. В Египте гастролировали русская балерина Анна Павлова и выдающийся певец Федор Шаляпин. В российском обществе заметно проявлялся интерес к истории и культуре древней арабской страны, быту ее народа. Египтом увлеклись поэты Андрей Белый и Михаил Волошин, писатель В. В. Крестовский, философ В. В. Розанов. Поэт Александр Блок в 1919 году написал пьесу «Рамзес», отразившую сюжеты времен фараонов Египта, в частности эпохи правления Рамзеса II. Сопоставляя древние сюжеты с современностью, поэт отметил чуждость его политики потребностям и интересам собственного народа. Автор пытался найти ответы на вечный вопрос соотношения власти и народа. Он посвятил свою пьесу не только Древнему Египту, но и российской действительности.

Страна пирамид оставалась таинственным местом притяжения для русской интеллигенции, интересовавшейся сакральными знания-

ми, оккультизмом и теософией, что влекло многих творческих деятелей к культуре и таинствам Древнего Египта. Просвещенная общественность России с любопытством встретила очерки о путешествиях по Нильской долине писателя и публициста С. Я. Елпатьевского, медика А. В. Елисеева. Посещение памятных мест Египта для поэта М. А. Кузмина послужило поводом к созданию цикла лирических стихов «Александрийские песни».

«Египетский след» можно найти в творчестве многих русских поэтов и писателей. В сборнике романтических стихов под названием «Шатер» Николай Гумилев лирически описал Нил, Нильскую долину, Красное море и Суэцкий канал. В стихотворении «Египет» поэт, отметив господство англичан и бессилие хедива, утверждал, что истинным властителем древней страны является тот, «кто с сохой и бороною черных буйволов в поле ведет», тот – «любимец священного Нила, ...его современник – феллах». Русских людей, посещавших Египет, поражали контрасты в положении бедных семей феллахов и богатей, захвативших плодородные земли долины Нила.

На рубеже XIX – XX веков египетские литераторы были озабочены поиском новых национальных художественных направлений и тем для реалистического отражения современной проблематики. В этом, видимо, крылась одна из причин обращения творческой интеллигенции Египта к русской литературе, творчеству Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького; на страницах египетских газет и журналов появлялись статьи об их творчестве. В обществе крепились настроения в поддержку требований об ослаблении тирании хедивских властей и всемогущества администрации британских колонизаторов, что отражалось в публицистической и художественной литературе, живописи и театральных постановках. С пробуждением и укреплением национального самосознания египтян арабское музыкальное искусство постепенно освобождалось от турецкого влияния, утверждались народные национальные мотивы. Выдающимся музыкантом Египта стал композитор Салям аль-Хигази, родоначальник национального оперного искусства. Композитор Сейид Дарвиш обратился к народному искусству, с помощью своих произведений пробуждая в народе чувство национального достоинства.

Патриотизм в обществе вызвал интерес к историческим романам. Внимание египетских читателей привлек роман русского писателя А. К. Толстого «Князь Серебряный», отразивший состояние Русского царства времен Ивана Грозного. Роман в вольном переводе Х. Бейлиса на арабском языке появился в Египте под названием «Ужасы деспотизма». По признанию переводчика, издатели этого романа стремились привлечь внимание читателей к произволу, насилию, несправедливости и прочим жестокостям, проявляемым со стороны египетских колониально-монархических властей. Патриотические мотивы были популярны среди египетских художников. Они часто посвящали картины героическим событиям из истории народов Египта и других арабских стран, отражая подвиги героев исламских легенд и преданий, – это позволяло современникам ощутить причастность к прошлому своей страны.

Пробуждение национального самосознания среди интеллигенции и других социальных слоев способствовало возникновению политических партий, вызвало рост периодической печати, появление культурных ассоциаций и общественных клубов в Египте. Идеологическая активность интеллигенции возрастала с распространением антибританских настроений и ослаблением позиций в обществе религиозных националистов. Патриоты страны убеждались в том, что религия была не в состоянии решать актуальные социальные проблемы. Благодаря рабочим-иммигрантам, которых в 1901 – 1902 годы в стране насчитывалось несколько тысяч, египтяне стали знакомиться с марксистскими идеями. Среди приезжих оказались и социал-демократы из европейских стран, распространявшие среди египтян марксистскую литературу. Через Александрию проходил нелегальный путь доставки газеты «Искра» из Лондона и Берлина в Одессу, Херсон, Батуми, Феодосию. В конце 1906 года в Александрии появилась небольшая группа русских моряков, революционеров-эмигрантов, бежавших в Египет от преследований за участие в забастовочном движении. Им удалось установить контакты с местными рабочими. 19 января 1907 года трое русских моряков были арестова-

ны за участие в политических акциях египетских рабочих. На следующий день возле здания русского консульства в Александрии прошла манифестация жителей города против ареста моряков-беженцев и требований русского консула передачи их в руки царской охраны. В городе стихийно образовался Комитет защиты арестованных матросов. Выступления в поддержку русских моряков прошли и в других городах Египта. Наиболее массовой стала демонстрация в Каире. 21 января почти тысяча жителей столичного города вышла на улицы с требованиями освободить из-под ареста моряков-черноморцев и не выдавать их русскому консулу, а провести расследование причин их ареста в Египте. Британская администрация и хедивские власти отказались выполнить эти требования.

Общий рост социальной напряженности, активизация политических партий и интеллигенции привели к оформлению конкретных политических требований. 4 марта 1907 года Генеральное собрание Египта приняло резолюцию в поддержку требований конституционных реформ. 1 декабря следующего года Законодательный совет страны поддержал резолюцию Генерального собрания и потребовал полного внутреннего самоуправления для Египта. Однако и это требование выполнено не было. По признанию Ф. Энгельса, «при отсутствии национальной независимости народ не в состоянии даже обсуждать сколько-нибудь серьезно какие-либо внутренние вопросы». В одном из писем К. Каутскому в 1882 году он писал: «Устранение национального гнета является основным условием всякого здорового и свободного развития» [45].

Интеллигенция Египта также осознавала существующую зависимость, а потому приложила значительные усилия для укрепления капиталистических отношений в национальном секторе экономики. Распространение соответствующих знаний, по мнению ее представителей, должно было увеличить вес и влияние египетской буржуазии. В 1909 году в Каире было основано «Египетское общество политической экономики, статистики и законодательства». Основной целью его деятельности стало распространение среди населения знаний по эко-

номическим, правовым, историческим вопросам. С 1910 года общество издавало журнал «L'Égypte contemporaine». Ежегодно выходило четыре номера: на страницах журнала размещались исследования и информационные материалы по актуальным проблемам экономики, социологии и праву на арабском, французском и английском языках. Публикации на европейских языках иногда сопровождались резюме на арабском языке. Деловая значимость публикуемых материалов превратила журнал в авторитетный печатный орган и позволила ему просуществовать долгие годы британского колониализма и монархического режима. Журнал издавался и после революции 1952 года. По признанию ученых, многие его публикации стали серьезной исследовательской базой для изучения социально-экономической истории Египта первой половины XX века, многих вопросов процесса формирования египетской буржуазной интеллигенции и эволюции ее взглядов [46]. После массовых политических выступлений времен «пробуждения Азии» значительная часть интеллигенции Египта пошла на сотрудничество с британцами, стала приспосабливаться к режиму оккупантов, намереваясь использовать социальные конфликты для достижения конституционных и других уступок со стороны британской администрации. Британским оккупантам пришлось учитывать настроения и требования египетской интеллигенции.

В середине 1911 года произошли очередные кадровые изменения в британской администрации. После смерти сэра Горста на пост агента и генерального консула Великобритании в Каире был назначен генерал Герберт Китченер. Он отличился в боевых операциях экспедиции англо-египетских войск в Судан (1895 – 1898), в результате которой было подавлено восстание махдистов. Благодаря этой победе была подписана Англо-египетская конвенция 1899 года, установившая режим кондоминиума (совместного владения) Англии и Египта в Судане. Страна стала называться Англо-Египетским Суданом, а фактически превратилась в английскую колонию, оккупированную британскими колонизаторами и управляемую британцами. Боевые успехи британских войск в Африке были связаны с именем генерала Китчене-

ра. В ходе англо-французского военного кризиса в сентябре 1898 года он успешно продвинул англо-египетские войска к старой египетской крепости Фашода, заставив французского капитана Маршана покинуть крепость и вывести свой военный отряд из Судана. Г. Китченер отличился в качестве заместителя командующего британскими войсками в англо-бурской войне (1899 – 1902). В 1909 году он стал фельдмаршалом британских войск, и в том же году занял на целых пять лет (1909 – 1914) пост британского генерального консула в Египте. Оценивая личные качества генерала Китченера, молодой британский политик Уинстон Черчилль говорил: «Он может быть генералом, но он никогда не станет джентльменом». И такой политик в британской администрации Египта отметился репрессивными мерами против патриотов этой страны.

При новом наместнике была продолжена политика лорда Кромера и сэра Горста. В новых условиях Г. Китченеру пришлось лавировать между египетскими националистами и протурецки настроенной частью верхних слоев. С одной стороны, он стремился ограничить власть хедива, привлечь на свою сторону представителей аристократии, чиновничества, предпринимателей и других собственных слоев, с другой – британская администрация сознательно сдерживала превращение Египта в капиталистическое государство. По утверждению историка Л. А. Фридмана, британские колонизаторы использовали «весь аппарат насилия для торможения этого процесса» [47].

Генерал Г. Китченер проявлял властность и твердость в управлении Египтом. Нередко он прибегал к репрессивным мерам по отношению к оппозиционным слоям, жестоким гонениям подвергались журналисты. Британский наместник ужесточал цензуру, закрывал неудобные газеты, журналы и другие печатные органы. Накануне Первой мировой войны британская администрация прибегла к политическим маневрам. 1 июля 1913 года был опубликован новый Органический закон, в соответствии с которым Генеральное собрание и Законодательный совет Египта, созданные британцами еще в 1883 году, были объединены в од-

нопалатное Законодательное собрание. Число выборных членов этого «декоративного» органа власти было увеличено до 83, из них 17 назначались хедивом, другие избирались. В числе выборных оказался Саад Заглул-паша. Он был избран вице-президентом Собрания. Для роли лидера оппозиции Саад Заглул-паша не подходил: он не имел четкой позиции, мировоззрение его, как отмечал публицист С. Майзель, представляло «либерально-национально-демократически-конституционную мешанину» [48]. Будучи вице-президентом, С. Заглул-паша лавировал, с одной стороны, между султанской властью и британской администрацией, а с другой – между основными силами антибританской и антихедивской оппозиции Египта.

Националисты были удовлетворены тем, что хедив и британская администрация предоставили Законодательному собранию право обсуждать вопросы бюджета, инициировать принятие или отмену законодательных решений. Скромной уступкой англичане, имевшие огромный опыт в управленческих делах колоний, показали готовность пойти на некоторое расширение представительства египтян в органах государственного управления, но при сохранении полного контроля британского консула над деятельностью хедивского правительства и других органов власти Египта. Реальная власть по-прежнему сохранялась в руках колонизаторов. Британцы установили полицейское наблюдение за населением Египта, политическими инициативами и процессами в египетском обществе. По решению Г. Китченера были введены законы о цензуре, нелегальных обществах и заговорах. Под надзор цензуры попали газеты и вся информационная система, учреждения образования Египта. При решении проблем финансирования и укрепления материальной базы учебных заведений страны решался вопрос и об установлении строгого контроля над их хозяйственной деятельностью и учебно-воспитательным процессом. Особое внимание было уделено контролю над поведением студентов и учащихся [49]. Закон о цензуре давал право колониальной администрации закрывать школы, отстранять от преподавательской работы неугодных учителей, штрафовать или конфисковывать печатные издания за антибританские публикации, даже аресто-

вывать журналистов. В то же время администрации британцев пришлось считаться с авторитетом в обществе Египта передовой части интеллигенции. Действия египетских патриотов и осуждение ими соглашательской политики хедива и его двора стали ответной реакцией на репрессивные меры британской администрации. Выступления националистов имели антиколониальную направленность, они встречали поддержку со стороны широких слоев населения.

В целях сохранения своего господства в Египте англичане использовали традиционный метод политики «разделяй и властвуй», испытанный в Индии и других колониальных владениях на Востоке. Их администрация могла допустить словесные баталии между местными интеллектуалами, склонными к публичному выражению своих мыслей и прожектерских проектов. В ходе таких публичных баталий каждая оппозиционная группировка стремилась подавить волю и подорвать авторитет своих оппонентов, но англичане при этом наблюдали за происходящим.

Расколоть общество и ослабить оппозицию оккупантам становилось все труднее, особенно в связи с назреванием международного военного конфликта. Им, например, не удалось поссорить коптов и мусульман – основные группы населения Египта. Русский писатель Андрей Белый, побывавший в Египте накануне Первой мировой войны, признавался, что смог увидеть нелицеприятную «изнанку капитализма» на Востоке. В автобиографических воспоминаниях о поездке в Египет и Тунис он писал, что все увиденное в Северной Африке утвердило его в особенной лютоści «ко всем выявлениям европейской цивилизации», европейцы «нам предстали как угнетатели, искажители и развратители мира». Поэт признавал, что «с тех пор до самых годов мировой войны во мне стали медленно крепнуть переживания... о политике я эти годы не думал, а оказался с момента войны в самых левых рядах, не приемлющих старого мира» [50].

Видные представители русской интеллигенции могли заметить зарождение кризиса «цивилизаторской» деятельности европейских колонизаторов на Востоке. Без их внимания не остался и тот факт, что евро-

пейцы, проживавшие в Египте, принадлежали к привилегированной части египетского общества. Они занимали ведущие позиции в сферах торговли, предпринимательства, административного управления, права, здравоохранения и образования. Превратить некоторые учреждения хедивской власти в послушные административно-управленческие органы колонизаторам не удалось. Законодательное собрание становилось легальным центром проявления антибританских настроений и высказываний. Британцы были вынуждены пойти на уступки в силу того обстоятельства, что из-за ограниченного военного оккупационного контингента в Египте они не могли своими военными средствами подавить протестные выступления, охватившие почти всю страну. Как заметил историк-востоковед Н. А. Иванов, англичанам в конце XIX – начале XX века не хватало войск даже для одновременного проведения военных парадов в Каире и Александрии [51]. Оккупанты намеревались освободиться от Законодательного собрания Египта при первой же подходящей возможности. Британцы осознавали и опасались того, что вслед за этапом «пробуждения» восточных народов начнется их борьба против колониализма, за национальное освобождение. Еще в сентябре 1882 года Ф. Энгельс писал, что захват Англией Египта вовсе не значит, что она сохранит его под своим господством [52].

В планах колонизации Аравийского полуострова и его побережья, иранского побережья Персидского залива, Месопотамии и Северной Африки англичане особое место отводили Суэцкому каналу. Лучше всех в перспективных планах Великобритании в регионе разбирался старинный дипломатический противник – Российская империя. Ее дипломатия осознавала, что с захватом Египта и Судана британская держава будет стремиться «установить непрерывную связь Египта с Индией путем подчинения себе промежуточной береговой полосы» [53].

События времен «пробуждения Азии» были использованы Англией для того, чтобы оправдать увеличение военного контингента в зоне Суэцкого канала. Сохранение военного присутствия Англии в Египте вызвало рост антиколониального движения. Британцы не ожидали встретиться в подконтрольной стране с массовыми протестами различ-

ных слоев ее общества. Зарождавшаяся буржуазная интеллигенция с 1906 – 1907 годов усилила антианглийскую пропаганду, проявляя повышенную общественно-политическую активность. Благодаря этой деятельности в Египте возрос интерес к искусству, истории, мифологии, религии и духовным ценностям древней цивилизации Египта, общественной мысли, творчеству писателей и художников Европы и России.

Список библиографических ссылок

1. *Tignor R. L.* Modernization and British Colonial in Egypt, 1882 – 1924. Princeton. P. 325.
2. *Dacey E.* Egypt of the Future. L., 1907. P. 194 ; *Тарвердова Е. А.* Арабские просветители – предшественники революционной демократии // Народы Азии и Африки. 1980. № 6. С. 140 – 141 ; Камиль Мустафа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ru.wikipedia.org> (дата обращения: 08.12.2016).
3. *Долинина А. А.* Египетская литература на рубеже XIX и XX веков [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ravshir.livejournal.com> (дата обращения: 08.12.2016).
4. *Иванов Н. А.* Камиль Мустафа // Африка : энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 19 ; *Левин З. И.* Арабские страны // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока. М., 1973. С. 91 ; *Али-Заде Э. А.* Из истории движения в Сирии (творческий путь Мухаммеда Курд Али, 1876 – 1956) // Восток (Oriens). 2004. № 6. С. 68.
5. *Ротштейн Ф. А.* Указ. соч. С. 233.
6. *Tignor R.L.* Op. cit. P. 320 ; Новая история колониальных и зависимых стран. М., 1940. Т. 1. С. 471.
7. Egypt. 1907. № 1. P. 34.
8. Egypt. 1910. № 1. P. 40 – 41.
9. *Мартышин О. В.* Указ. соч. С. 84, 362.
10. *Киртиченко В. Н.* Египетский роман накануне «революции 25 января» 2011 г. // Восток (Oriens). 2013. № 2. С. 75.
11. *Васильев А. М.* Египет и египтяне. М., 1972. С. 217.

12. *Майзель С.* Саад Заглул Паша и его роль в национально-освободительном движении Египта (1860 – 1927) // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 179.

13. Цит. по: *Белолипецкая Н. А.* Формирование национальной идеи в Египте и ее восприятие англичанами (1882 – 1923 годы) [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 19.06.2017).

14. Цит. по: *Френкель М. Ю.* Русские революционеры в Египте в 1906 – 1907 гг. // Народы Азии и Африки. 1985. № 3. С. 44.

15. *Карпачева О. В.* Нерелигиозное феминистское движение и «исламский феминизм» в Египте. XX век // Восток (Oriens). 2007. № 2. С. 39 – 40.

16. *Черновская В. В.* Египетская интеллигенция в первой половине XX в. (численность, состав, структура и социально-классовое положение) // Народы Азии и Африки. 1976. № 2. С. 53.

17. *Там же.* С. 58.

18. *Там же.*

19. *Рашковский Е. Б.* К проблеме изучения интеллигенции в развивающихся странах (научно-исследовательские заметки) // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. С. 74.

20. *Махмуд Амин аль-Алим.* Идеиные бои : пер. с араб. М., 1974. С. 235.

21. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979. С. 120.

22. См.: *Андреев И. Л.* Религия и национально-освободительная борьба в странах Востока // Рабочий класс и современный мир. 1980. № 6. С. 113.

23. *Гордон А. В.* Проблемы взаимоотношений интеллигенции и народных масс в идеологии современной революционной демократии (на примере концепции Ф. Фанона) // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. С. 289 – 290.

24. *Котлов Л. Н.* Указ. соч. С. 249 – 250.

25. *Васильев А. М.* Египетский национализм и панарабизм (исторические корни одной дискуссии) // Народы Азии и Африки. 1987. № 1. С. 39.

26. *Кошелев В. С.* Египет: уроки истории. Борьба против колониального господства и контрреволюции (1879 – 1881). Минск, 1984. С. 36.

27. *Али-Заде Э. А.* Египетский журнал «Ал-Хилал» (до 1914 г.) // Народы Азии и Африки. 1971. № 1 ; *Сейранян Б. Г.* У истоков египетского национального движения: Мустафа Камиль // Восток (Oriens). 2010. № 1. С. 50 – 61.

28. *Аш-Шафиш Ш. А.* Указ. соч. С. 41.

29. *Аш-Шафиш Ш. А.* Указ. соч. С. 46 ; *Махмуцбеков Ш.* Зарождение рабочего класса в Египте // Сборник научных трудов Ташкентского университета. 1978. № 564. Востоковедение. С. 103 – 104.

30. *Аш-Шафиш Ш. А.* Указ. соч. С. 44.

31. *Чураков М. В.* Аресты революционных моряков в Египте в 1907 и 1913 гг. // Африканский сборник. История. М., 1963. С. 130 – 142.

32. *Ahmed Jamal Mahamed.* The Intellectual of Egyptian Nationalism. L., 1960. P. 77.

33. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7 т. Т. 3. Начало революционных битв XX века / отв. ред. С. С. Хромов. М., 1978. С. 443.

34. *Елпатьевский С. Я.* Египет // Русское богатство. 1909. № 10. С. 211.

35. *Данциг Б. М.* Указ. соч. С. 307.

36. *Крачковский И. Ю.* Отзвуки революции 1905 г. в арабской художественной литературе // Советское востоковедение. М. – Л., 1945. Т. III. С. 12.

37. *Тарвердова Е. А.* Указ. соч. С. 143.

38. *Горячкин Г. В.* Россия – Египет: как это начиналось // Азия и Африка сегодня. 1994. № 7. С. 36-37 ; *Долинина А. А.* Игнатий Юлианович Крачковский как исследователь арабской литературы // Народы Азии и Африки. 1985. № 2. С. 113.

39. *Крачковский И. Ю.* Указ. соч. С. 5 – 14.

40. *Черемисская М. И.* Арабская прокламация в московском архиве // *Восток (Oriens)*. 1993. № 5. С. 142 ; *Куделин А. Б.* Переписка Мухаммеда Абдо и Льва Толстого (из истории русско-арабских культурных связей в начале XX века) // *Письменные памятники Востока*. 2009. № 1(10). С. 181 – 188.
41. *Горячкин Г. В.* Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М., 2012. С. 227.
42. *Али-Заде Э. А.* Роль журнала «Ан-Нафас» (1908 – 1914) в популяризации русской литературы на Ближнем Востоке // *Восток (Oriens)*. 2014. № 2. С. 49.
43. *Ахмед Аббас Абулраззак Ахмед.* Творчество Александра Блока и Арабский Восток : дис. ... канд. филол. наук. Саратов : СГУ, 2016. С. 27.
44. Цит. по: *Котлов Л. Н.* Указ. соч. С. 280 – 281.
45. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 35. С. 220 – 221.
46. *Ацамба Ф. М.* Значение журнала «L`Egypt coutemporaine» для изучения социально-экономической истории Египта (ОАР) // *Ломоносовские чтения : тез. докл., апрель 1965 г. МГУ, 1956.* С. 3 – 5.
47. *Субботин В. А.* Страницы английской имперской истории. Китченер // *Восток (Oriens)*. 2001. № 2. С. 111 – 112.
48. *Майзель С.* Указ. соч. С. 179 – 180.
49. *Субботин В. А.* Указ. соч.
50. *Белый А.* Между двумя революциями. Воспоминания : в 3 кн. М., 1990. Кн. 3. С. 398.
51. *Иванов Н. А.* Восток: новые подходы к изучению истории // *Восток (Oriens)*. 1993. № 4. С. 11.
52. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 298.
53. *Никонов О. А.* Политика Российской империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М., 2014. С. 122.

Глава 4. ЕГИПЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БРИТАНСКОГО ПРОТЕКТОРАТА (1914 – 1922)

Первая мировая война стала серьезным испытанием для египетского народа и его интеллигенции. Установив протекторат над Египтом, Великобритания рассчитывала предотвратить массовые выступления египтян против сохранения размещения британских войск на своей территории. Желая использовать ресурсы Египта в войне против германского военного блока на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, британцы обещали египетским националистам освободить территорию страны от присутствия своих войск после окончания военных действий. Высшие слои аристократической элиты, высшего чиновничества, представители торгово-промышленного капитала и крупного землевладения были удовлетворены частичными уступками и обещаниями британцев относительно будущего Египта.

Египетские власти вместе с британским военным командованием пошли на ужесточение репрессивных мер против оппозиционных сил. Национально-патриотические группы египетского общества, в том числе и интеллигенция, сохранявшая связи с трудовыми слоями города, феллахами и другими народными массами, преодолевая репрессивные и цензурные преграды, выступали с критикой британского протектората и против соглашательства феодально-компрадорских властей Египта.

На завершающем этапе Первой мировой войны патриотические силы развернули мощное протестное движение против протектората и намерений британцев сохранить свои войска в Египте. В марте 1919 года массовые выступления переросли в народное восстание, ставшее первой попыткой свершения национально-освободительной революции. В ходе народного восстания и последовавших затем антибританских выступлений окрепли позиции национальной партии Вафд, появились профсоюзные организации и социалистическая партия, ставшая со временем коммунистической партией Египта. Идеино-политической силой, способной сплотить и мобилизовать нацио-

нальные массы на выступления за отмену протектората, стала интеллигенция. Не менее важным итогом национально-патриотического движения можно назвать признание Египта «независимым» монархическим государством. Но независимость оказалась формальной, так как британцы сохранили полный контроль над политикой египетского правительства.

Кроме того, англичане сохранили Египет в качестве аграрно-сырьевого «придатка» Британской империи. Их интерес к этой стране подогревался и тем обстоятельством, что в 1907 и 1912 годы в районах западного побережья Красного моря были обнаружены месторождения нефти. Концессию на их разработку получила британская нефтяная компания «Англо-Иджипси Ойл-филда». При участии английских специалистов была организована нефтяная компания Египта. Готовясь к войне с применением большого количества техники, англичане, конечно, не собирались упускать стратегически важное сырье в подконтрольной стране. Они были готовы идти лишь на незначительные уступки властям Египта, но не в ущерб своему контролю над всеми сферами жизнедеятельности государства. В практической деятельности британцев поддерживали компрадорско-соглашательские элиты подконтрольного Египта.

4.1. Интеллигенция Египта в годы Первой мировой войны

Накануне Первой мировой войны в руки министра иностранных дел Франции г. Этьенна попал секретный документ – «германский рапорт», содержащий сведения о мерах по усилению кайзеровской армии. Этот документ свидетельствовал о намерении политиков Германской империи вызвать волнения на севере Африки и в России, что могло бы ослабить военные силы противника. При посредничестве тщательно отобранных агентов германские стратеги рассчитывали «войти в сношения с влиятельными лицами в Египте, Тунисе, Алжире и Марокко, чтобы подготовить необходимые меры на случай европейской войны». В документе отмечалось: «Восстания, организуемые в военное время политическими агентами, должны быть тщательно подготовлены материальными средствами. Они должны вспыхивать

одновременно, с разрушением средств сообщения; во главе их должны быть поставлены руководители, которых можно найти в лице влиятельных вождей среди духовенства или политических деятелей. Египетская школа особенно приспособлена для этого, она все больше и больше сближает между собой мусульманскую интеллигенцию». Германия надеялась «одним могучим натиском уничтожить своих врагов на Западе и на Востоке» [1].

Вступление Османской империи в войну (1914) на стороне Германии привело к открытию фронта на Ближнем Востоке. Турецкий султан провозгласил джихад – «священную войну» против держав Антанты. Султан воспринимался главой исламского мира и наместником Аллаха на земле. Считалось, что правоверные мусульмане были обязаны встать на защиту правителя Османской империи. В Берлине и Стамбуле полагали, что призыв турецкого султана может спровоцировать вооруженное сопротивление мусульманского населения арабских территорий, находившихся под управлением Англии и Франции.

Не все в германском генералитете были настроены так оптимистично. Один из руководителей Генерального штаба Германии генерал Эрих Людендорф признавал, что население пограничных арабских земель враждебно настроено по отношению к туркам и вряд ли стоит рассчитывать на массовые выступления, – и оказался прав. Попытки турецкого султана призвать арабов к «священной войне» носили ограниченный характер. Германские подводные лодки смогли доставить оружие только в Триполи и Бенгази, Германия и Турция в то время могли поддерживать связи с этими областями Османской империи. По признанию генерала Э. Людендорфа, военные акции немцев в зоне Суэцкого канала навряд ли могли быть удачными. Они могли стать успешными «лишь в том случае, если бы племя сенусси одновременно напало на Египет и там произошло восстание египтян. Но это была утопия. Господство англичан твердо держится в подвластных им областях» [2].

В ответ на враждебные действия германо-турецких противников и в целях сохранения своих позиций на Ближнем Востоке бри-

танцы пошли на увеличение собственного военного контингента до 80 тыс. солдат и офицеров. Англичане, начиная осознавать, что Египет ускользает из-под их власти, 18 декабря 1914 года в одностороннем порядке решились пойти на ликвидацию формального суверенитета османского султана над Египтом. Англия объявила Египет своим протекторатом и заявила о выходе Египта, Кипра и всех территорий, занятых англичанами и их союзниками, из состава Османской империи [3].

Законодательное собрание Египта было распущено. Хедив Аббас II Хильми, пытавшийся проводить независимую от Лондона политику и самостоятельно формировать правительственный кабинет из числа «противников британского владычества в Египте», был низложен. В числе причин свержения неугодного хедива называли и его склонность к сближению с Турцией и Германией. На египетский престол с титулом султана был возведен молодой Хусейн Камиль (1914 – 1917), один из принцев династии Мохаммеда Али, проявлявший послушание и слепую преданность оккупационным властям. Британский генеральный консул теперь стал именоваться верховным комиссаром. В связи с назначением генерала лорда Китченера военным министром Великобритании, главой британской администрации в Каире стал генерал Джон Максвелл, командующий оккупационной армией в Египте.

На время войны оккупационные власти ввели в Египте военное положение, были учреждены военно-полевые суды, установлен контроль над всеми структурами и органами административного управления, ужесточена цензура, запрещены собрания и митинги. В египетской армии вновь началась чистка рядов офицерского корпуса. На командные должности назначали только благонадежных офицеров. Британцы значительно увеличили контингент своих войск в зоне Суэцкого канала и стратегических районах Египта и Судана. Отличительные черты господства Великобритании в Египте времен протектората проявлялись в следующем: 1) сохранение оккупации страны; 2) полное согласие между колонизаторами и феодально-бюрократической аристократией; 3) неизменность колониальной системы

управления; 4) вся полнота верховной власти по-прежнему оставалась в руках британского резидента – верховного комиссара. Жители Египта признавались «лицами, находившимися под британским покровительством», при этом они были лишены гражданских прав и испытывали все тяготы колониальной эксплуатации.

В январе 1915 года в Каире появился первый верховный комиссар – им стал Генри Макмагон. До этого назначения он являлся политическим секретарем по иностранным делам правительства Британской Индии. Египетская армия в качестве вспомогательной силы стала использоваться англичанами на фронтах Ближнего Востока. В ее рядах росло недовольство, нередко солдаты дезертировали. 29 января 1916 года в Каире состоялась массовая демонстрация египетских резервистов, призванных в действующую армию. Власти проигнорировали их требования, с помощью полицейских сил участники антианглийских выступлений были разогнаны, некоторые из них были ранены или избиты [4].

В декабре 1916 года верховного комиссара Г. Макмагона сменил Реджинальд Уингейт, сардар египетской армии и генерал-губернатор Судана. Сохраняя всю полноту реальной власти в стране, верховный комиссар сосредоточил в своих руках все внешнеполитические дела правительственного кабинета, министерство иностранных дел было упразднено, султан и его правительство были отстранены от решения всех государственных вопросов. Известный египетский историк Абд ар-Рахман ар-Рафии по этому поводу писал: «В силу этого обстоятельства скрытый протекторат, навязанный Англией Египту в 1882 году, уступал место явному, неприкрытому протекторату» [5]. Тем самым было дискредитировано распространенное в египетском обществе суждение о цивилизаторской миссии англичан, эффективности административных мер и проводимых ими реформ. Он утверждал, что время преобразований в культуре, просвещении и здравоохранении под контролем англичан было «годами регресса и упадка, а не годами прогресса и реформ» [6]. На время Первой мировой вой-

ны проблемы социальных сфер вообще были отодвинуты на второй план общего развития Египта.

Напротив, с началом военных действий ущемление гражданских свобод и преследование инакомыслящих стали поводом для массовых протестов против англичан в Египте. Первые беспорядки и протесты против британского режима вспыхнули в связи с запретом авторитетной среди населения газеты «Аш-шааб» и прокатились по многим городам Египта. 18 мая 1915 года в Каире студенты Юридического училища бойкотировали учебные занятия в связи с визитом в учебное заведение султана Хусейна. В отношении участников бойкота министерство просвещения прибегло к жестким мерам наказания: 54 студента были отчислены из училища, 31 студент не был допущен к экзаменам. Во многих городах были разогнаны забастовки, демонстрации и массовые собрания.

В ответ на репрессии появились подпольные антианглийские организации, только официально их было выявлено девять [7]. Интеллектуалы-националисты стали вспоминать лозунги панисламизма, проявляя враждебность к коптам и европейцам, проживавшим в Египте, считая их союзниками оккупантов. Они прибегли к революционно-террористическим актам и политическим убийствам. В апреле 1915 года террористы решились на покушение – их целью стал египетский султан, но попытка не удалась.

Среди активных террористических организаций выделились умеренные группы радикальных исламистов, выступивших с осуждением акций против государственных деятелей, опасаясь, что они несут угрозу раскола нации. По их мнению, только приверженность к исламу и отрицание всего европейского позволит сохранить единство мусульманского общества. Исламистские террористы отстаивали фундаментальные традиции исламской веры, их настроения были поддержаны той частью университетской среды Аль-Азхара, которая стояла на охране средневекового толкования Корана и выступала против попыток реформирования ислама. Конечно, среди преподавателей и студентов исламского университета, как и раньше, велись дебаты по вопросам соотношения ислама и современности, но пуб-

личные высказывания на эту тему султанскими властями были запрещены.

В условиях обострения политической обстановки в стране, несмотря на преследования, традиционные националисты и религиозные ортодоксы не потеряли тесных связей с широкими народными массами, недовольными произволом колонизаторов-иноверцев. В прессе проповедники от ислама, египетские националисты насаждали чувства враждебности к тем, кто исповедует христианство и другие религии, ко всему немусульманскому. В публичных проповедях, учебном процессе университета Аль-Азхар исламисты использовали идеи исламской нетерпимости, надеясь на то, что их воспитанники в будущем смогут повлиять на процесс формирования идеологии национально-освободительного движения.

Народные массы Египта, недовольные протекторатом и принудительной вербовкой в трудовые корпуса армии, также стали проявлять протестные настроения. Общее недовольство произволом колонизаторов в военное время сближало слои рабочих и городской бедноты. Абд ар-Рахман ар-Рафии отмечал, что в военные годы к протестному движению «присоединились новые классы, которые раньше стояли в стороне от него, в том числе крестьянство и служащие» [8]. Гражданские служащие постепенно оформлялись в самостоятельную социальную группу, представляя низшую прослойку национальной интеллигенции. По общественному статусу «служащие стали занимать промежуточное положение между пролетариатом и собственно интеллигенцией» [9].

Война внесла серьезные коррективы в морально-психологическое настроение египтян и их общественно-политическую жизнь. В военные годы наметился рост египетской буржуазии, которая по мере обогащения и укрепления своих позиций в национальной экономике все чаще стала проявлять недовольство своей зависимостью от иностранного капитала, режимом протектората и присутствием английских войск в Египте. Выразителем интересов буржуазии стала новая интеллигенция, призывавшая к борьбе за национальную независимость. Интеллигенция проявляла равнодушие к интересам слоев общества, до-

бывалась единения всех патриотических сил нации на основе борьбы против оккупантов и их колониального господства в Египте.

Египетские националисты проявляли недовольство действиями британской администрации, сдерживавшими продвижение страны к прогрессу в экономическом и культурном развитии. Иностранная конкуренция и недостаток собственных капиталов неблагоприятно влияли на состояние национальной промышленности и торговли. Страна оставалась аграрной, промышленный сектор был представлен в основном мелкими предприятиями, фабрично-заводское производство только зарождалось. Банки, транспорт, связь и коммунальное хозяйство находились под контролем британских предпринимателей. В силу слабой профессиональной компетенции молодая египетская буржуазия и ее интеллигенция оказались неподготовленными к новому этапу экономического развития Египта. Поэтому они цеплялись за устаревшие формы хозяйствования, стремились приспособить их к новым тенденциям в технико-экономическом развитии. Сохраняя привилегированное положение в сфере финансов и промышленности, европейские капиталисты и их советники в интересах своих стран почти полностью контролировали управление новым сектором египетской экономики, удовлетворяя его потребности в управленческих, инженерно-технических и прочих профессиональных кадрах. Националисты стремились изменить такую ситуацию, а для этого считали необходимым ликвидировать господство англичан в экономике, финансах и в государственном управлении страной. Особые надежды они возлагали на Каирский университет и другие высшие профессиональные учебные заведения Египта. Они воспринимали образование как условие подготовки не только необходимых кадров для национального хозяйства и социальной сферы, но и формирования просвещенной силы общества, способной мобилизовать массы в борьбе против гнета и господства европейских колонизаторов и оккупантов.

Выразителем интересов нации и зарождавшейся буржуазии Египта стала творческая интеллигенция. В публицистике, художественной литературе деятелям культуры удавалось в доступных формах отражать патриотические интересы социальных слоев и классов

нации. Они хорошо осознавали соглашательскую политику султанской власти, являвшейся оплотом аристократии, интеллектуальной элиты и верхов финансовой буржуазии. Скептическое отношение к султанской власти Египта проявлялось и среди правящих слоев. Подтверждением тому стал отказ наследственного принца Камиля ад-Дина занять престол после смерти султана Хусейна Камиля в октябре 1917 года. Престолонаследника не привлекли перспективы стать марионеточным правителем, полностью «подчиняющимся приказам сменяющих друг друга британских генералов и министров» [10]. Резкой критике интеллигенция подвергала позиции «Партии конституционной реформы», выступавшей за сотрудничество с британцами. Соглашательство стало причиной падения общественного авторитета и «Национальной партии» («Хизб аль-Ватан»), созданной в 1907 году Мустафой Камилем. Ватанисты считали первостепенной целью освобождение Египта от оккупации и колониальной зависимости с помощью умеренных конституционных реформ, дарованных британцами. Народная партия («Хизб аль-Умма»), отражавшая интересы торговой буржуазии, стремилась с помощью реформ ограничить самодержавную власть султана и его двора, при этом не заботясь об отмене протектората и выводе из Египта британских войск. Вокруг политического лидера националистов Саада Заглул-паши начинали группироваться депутаты распущенного Законодательного собрания. Авторитет С. Заглула среди египетских националистов подкреплялся памятью о том, что в 1881 – 1882 годы он был среди участников восстания Ораби-паши.

В ряды участников национально-освободительного движения Египта вовлекались студенты Каирского университета, мелкобуржуазные слои города и деревни, интеллигенция. Массовые демонстрации в крупных городах проходили под лозунгами «Египет для египтян!», «Долой Англию!», «Да здравствует независимость!». Лозунги были направлены против засилья турецко-черкесской аристократии, все еще сохранявшей привилегированные позиции при султанском дворе. Демонстранты протестовали против включения их страны в состав Британской империи. По всему Египту демонстрации подавляли с помо-

щью полицейских и военных сил. Против репрессий выступили интеллигенты, даже правительственные чиновники, требовавшие расширения реальных прав в администрировании и управлении страной.

В Каире демонстранты громили магазины англичан, разбивали стекла трамваев и уличные фонари, разгромили типографию газеты «Аль-Мукаттам», симпатизировавшую британскому режиму. К забастовщикам присоединились рабочие и служащие телеграфно-телефонной сети и железных дорог. Из городов волнения перекинулись в деревни, охватили сельское население. В провинциальных центрах Заказике и Эль-Мансуре произошли перестрелки между феллахскими повстанцами и английскими вооруженными отрядами. На улицы Эль-Мансуры вышли учащиеся школ с плакатами «Мы хотим свободы!», «Откройте школы!», «Чужеземцы, уходите из Египта!». Учащиеся поддержали рабочие и ремесленники.

Неспокойным было положение в египетской армии. В ряде случаев офицеры отказывались от участия в репрессивных акциях. Антианглийские выступления стали ответной реакцией на репрессии британских и султанских властей. По масштабам они достигли размеров, равных восстанию Ораби-паши (1881 – 1882) и приобрели социальный характер. В сентябре 1917 года английские власти ужесточили контроль над египетской прессой. Запретительными мерами они также стремились пресечь антивоенную пропаганду русских моряков крейсера «Пересвет», подорвавшегося близ Порт-Саида на германской mine. Моряки нашли спасение в Египте.

В сентябре 1918 года, незадолго до окончания Первой мировой войны, при участии Саада Заглул-паши, вновь избранного вице-президентом Законодательного собрания, сформировалась группа из его ближайших коллег-законодателей. Они считали необходимым разработать ряд требований Египта, которые намеревались представить победителям на послевоенной мирной конференции. Состав египетской делегации сложился к 13 ноября 1918 года. В этот день состоялась встреча Саада Заглула, Али Шарауи и Абд аль-Азиза Фахми с английским верховным комиссаром в Египте Р. Уингейтом. Во время встречи египтяне выразили надежду на отмену цензуры и ослабле-

ние колониальных тягот, которые египетский народ терпел более четырех военных лет, и высказали мысль о том, что египтяне вполне созрели для самостоятельного управления собственной страной. Националисты надеялись на признание английским правительством Египта суверенным государством. С появлением четких требований о независимости было положено начало формированию политического единения буржуазии, интеллигенции, мелкобуржуазных слоев города и деревни, либеральных помещиков Египта. Комитет утвердил состав египетской делегации для участия в работе мирной конференции в Париже. День 13 ноября, когда члены делегации Египта от имени нации предъявили требования о независимости их страны, стал считаться датой рождения национальной партии Вафд, названной в честь делегации, представлявшей Египет на Парижской мирной конференции (Аль-Вафд аль-Мисри). Желаемых результатов в Париже египетская делегация не добилась.

8 марта 1919 года с согласия египетского султана британцами был арестован лидер национального движения Саад Заглул-паша. Вместе с ним были арестованы его ближайшие соратники – Мухаммед Махмуд, Исмаил Сидки и Хамдаль Басиль-паша. Всех их сослали на Мальту. Арест лидеров националистов вызвал всплеск новых протестных выступлений. В поддержку арестованных выступили даже государственные служащие и судебские чиновники. К ним присоединились студенты и низшее мусульманское духовенство. Волнения проникли в армейскую среду. О социальной остроте сложившейся ситуации и подъеме революционных выступлений свидетельствуют многие факты, содержащиеся в книгах египетских историков Шухди Атыйя аш-Шафии и Абд ар-Рахмана ар-Рафии, очевидцев и участников тех событий. С помощью штыков и винтовок полиции и английских войск султанские власти смогли разогнать демонстрантов, забастовщиков и прочих протестующих. Британская пресса признала, что «беспощадное подавление мирных демонстраций военными силами окончательно восстановило против Британии даже умеренных египтян, желавших сотрудничать в управлении Египта с британскими войсками» [11].

Демонстранты требовали отмены режима протектората и военного положения, вывода английских войск из Египта. За годы войны окрепло благосостояние национальной буржуазии, возросли ее капиталы. К концу войны египетская буржуазия начала конкурировать с буржуазией метрополии, стала активнее выступать против британского господства. Выразителем интересов крепнувшей буржуазии стала новая интеллигенция, её пропаганда способствовала тому, что в 1919 году протестные демонстрации и массовые забастовочные выступления переросли в общенациональное восстание. Египетские националисты считали его первой антиколониальной революцией в их стране, оказавшей «огромное влияние на развитие антиимпериалистической освободительной борьбы народов Арабского Востока и Магриба» [12]. Революционное движение 1919 – 1921 годов оказалось массовым, вовлекло в свою орбиту интеллигенцию, городские слои и феллахов Египта. В ходе восстания имя лидера буржуазного националиста Саада Заглула стало для египтян воплощением патриотизма и любви к родине, символом их борьбы против английских оккупантов. Историк-арабист В. Б. Луцкий заметил: «Если до Первой мировой войны национальное движение в Египте захватило верхушку национальной буржуазии и интеллигенцию, и сводилось главным образом к пропаганде в печати, то после войны в движение вступили широкие массы египетских рабочих и крестьян, и оно приняло характер массовой борьбы» [13].

Британские оккупанты всерьез забеспокоились о сохранении всеислия их администрации в Египте. К тому же через телеграфные агентства Лондона и Парижа до египтян доходили вести о свершившейся Октябрьской революции в России, о первых декретах и обращениях к народам мира советской власти. Неожиданностью для египетских националистов стали вести о готовности правительства Советской России оказать угнетенным народам поддержку в борьбе против колонизаторов. Историк Ш. А. аш-Шафии по этому поводу заметил: «Это новое государство предложило Сааду Заглулу помощь оружием, но он испугался и ответил отказом». Лидер египетских националистов опасался, что на Западе его могли расценить союзником новой власти России, к тому же он считал, что связи с больше-

вистским правительством могли бы способствовать укреплению позиций национальных социалистов. Поэтому Саад Заглул поспешил заявить об отрицательном отношении к большевизму и коммунизму, считая их «невозможными» для Египта [14].

Египтяне, как и другие народы Арабского Востока, откликнулись на революционные события в Российской империи, союзницы Англии, массовыми антиколониальными выступлениями. В апреле 1919 года в Египте произошла всеобщая стачка трамвайщиков, рабочих железных дорог, служащих почты и телеграфа. Стачечники потребовали отмены протектората и вывода английских войск из Египта, устранения национального гнета и проведения социальных реформ.

Активными участниками протестного движения стали рабочие и социалисты. С их участием только в марте 1919 года в стране произошло около 70 стачек и забастовок.

Заметное участие в выступлениях приняли женщины. События 1919 года положили начало первой волне арабского движения за эмансипацию женщин, которое возглавила Худа Шаарави – одна из первых патриоток страны, привлекавшая внимание общественности к «женскому вопросу». По ее инициативе в Каире состоялась демонстрация против протектората над Египтом под названием «Марш под чадрой». Женщины пополнили ряды участников революционных событий марта 1919 года, в ходе которых поддержали организацию политической партии Вафд. Они активно участвовали в ее общественно-политических акциях протеста против оккупации земель Египта войсками Англии. Революционные выступления арабских женщин в 1919 году положили начало египетскому движению за эмансипацию мусульманской женщины, развивавшемуся вплоть до египетской революции 1952 года.

При строгой военной цензуре освободительные идеи проявлялись в сочинениях писателей Салама Мусы, Аббаса Махмуда аль-Аккады, Тахи Хусейна, Мухаммеда аль-Мувайлихи, Шибли Шумайила и других. Их мировоззренческие взгляды во многом формировались под воздействием европейской культуры. В своих произведениях они пытались соединить «новые» и «старые» идеи. Известный

литератор и педагог Таха Хусейн убеждал читателей в том, что «египетский разум – это не восточный разум, он ближе к Европе, чем к Китаю, Японии, Индии и странам, которые их окружают». Он не видел существенной разницы между египтянами и европейцами [15].

Выше отмечалось, что большая заслуга в пробуждении у соотечественников чувства собственного достоинства и любви к родине принадлежала выходцу из университета Аль-Азхар просветителю Рафи ат-Тахтави. Он воспитал целую плеяду известных египетских пропагандистов патриотических идей. Р. Ат-Тахтави и Т. Хусейн стали основателями культурного движения в Египте, они призывали египтян к освоению современных достижений европейской культуры. Таха Хусейн стал одним из первых египтян, поступивших на службу в Каирский музей. Здесь он получил научную степень доктора, его труды признаны во всем мире. Т. Хусейн был избран доктором Сорбонны.

Среди деятелей либерального национализма начала XX века следует выделить ректора Каирского университета, журналиста и политического деятеля Ахмеда Лутфи ас-Сайида. Он не призывал египтян к борьбе против феодально-бюрократической тирании и эксплуатации британских колонизаторов, но ратовал за борьбу с незнанием, которое тормозило все модернизационные мероприятия в Египте. В целом египетская интеллигенция предпочитала эволюционный путь развития страны [16].

Проникновение новых цивилизационных идей и представлений в общественное сознание внесло коррективы в позицию египетского духовенства. Это стало особенно очевидно во время «пробуждения Азии» и после начала Первой мировой войны. Главная цель – сохранение коранических устоев – не исчезла. По этому поводу академик Е. М. Примаков справедливо отмечал: участием в буржуазно-демократическом движении мусульманское духовенство стремилось добиться не столько ослабления деспотического режима за счет конституционных реформ, сколько не допустить ослабления влияния религии на народные массы. Такие усилия духовенства проявились, как заметил ученый, во время конституционной революции 1905 – 1911 годов в

Иране [17]. В Египте мусульманское духовенство заняло схожую позицию. Вместе с тем египетское духовенство стало отходить от идей панисламизма. Султанские власти Османской империи, претендовавшие на верховенство во всем мусульманском мире, рассчитывали использовать веру египтян в своих военно-стратегических целях. Турция стала концентрировать свои войска на сирийской территории, подготавливая их к вторжению в Египет. Тем самым союзница Германии намеревалась спровоцировать египтян на восстание против англичан. Но далеко не все население страны желало восстановления владычества османского султана. Египетское духовенство было солидарно с национально-патриотическими массами.

Среди египетского духовенства оставались популярны идеи аль-Афгани, Мохаммеда Абдо и других исламских реформаторов, допускавших сохранение исламских традиций в светском государстве и единых в намерении сберечь культурное наследие Египта. Соглашательство с британскими властями позволяло им надеяться на сохранение своих позиций в обществе. Конечно, среди просвещенной части молодежи исламские идеи не получили исключительного одобрения, напротив, в большей мере привлекали нормы светского государства, но для националистических идеологов одобрение со стороны египетского духовенства гарантировало поддержку со стороны широких слоев арабского общества. Использование религии для достижения светских политических задач способствовало вовлечению масс в политическую жизнь страны и укрепляло позиции сил националистов в национальном обществе.

Многие представители новой интеллигенции Египта убеждались в том, что освобождение их страны от наследия прошлого может обеспечить в первую очередь светское просвещение, а не ортодоксальный ислам и не революционные выступления народных масс. Развитие университетского и высшего профессионального образования способствовало самоутверждению интеллигенции Египта в общественной и культурной жизни страны, усиливало стремление нации к полному суверенитету [18]. Новая интеллигенция, сохранив приверженность фундаментальным основам исламской веры, со временем стала выразителем коренных национальных интересов египетского общества.

4.2. Политическая активность египетской интеллигенции в послевоенные годы

Становление буржуазных отношений в Египте не сопровождалось отходом общественно-политических сил от религиозной идеологии и представлений, связанных с докапиталистическими отношениями. По замечанию философа А. В. Сагадеева, главная причина обстоятельства коренилась «в сохранении элементов духовной культуры прошлого (вопреки и в противовес «культурному колониализму» и «культурной экспансии» Запада) при определенном обновлении ее под влиянием мировых интеграционных процессов». С перерастанием освободительного движения в вооруженные восстания и национальные революции арабская интеллигенция обращалась к духовным традициям угнетенных народов, к их истории и культуре. При интерпретации наследия прошлого многие идеологи, отмечая религиозно-идеологические учения, призывали общество возвращаться к основам «подлинного» ислама с учетом его значимости для современной действительности. Борьба идей привела к противоборству различных подходов к духовному наследию нации – религиозному и философскому [19]. Несмотря на идейные различия, политические и интеллектуальные силы страны проявляли единодушие в стремлениях сохранить культурное и духовное наследие Египта. Различия, как правило, определялись не социальными признаками, а готовностью принять новые нормы общественной жизни. Призывая к достижению современного уровня развития, сторонники европеизации страны оставались верными традиционному образу жизни мусульман, считая ислам правовой основой устойчивого существования государства после освобождения от колониализма.

Участие Египта в Первой мировой войне привело к распространению в стране новых учений. Политические и культурные контакты египетской общественности с социал-демократами европейских стран способствовали распространению идей социализма в египетском обществе. Основной общественной средой распространения социалистических идей становилась интеллигенция. Рабочий класс находился на стадии формирования, в 1907 году его численность составляла

130 тысяч человек, из которых более 40 тысяч были заняты на промышленных предприятиях, другие работали в сельском хозяйстве, строительном секторе и мелких мастерских.

В силу слабости и разрозненности пролетариат следовал за буржуазной интеллигенцией, которая трансформировала европейские социалистические идеи в своем национальном духе. Среди просвещенной части египетского общества получили известность статьи философа, публициста и общественного деятеля Салима Мусы. Он стал одним из первых пропагандистов идей социализма и зачинателем социалистического движения в арабских странах. В брошюре «Социализм», в ряде публицистических статей и в публичных выступлениях С. Муса критиковал буржуазное общество и порядки колониального режима. Марксистский социализм он интерпретировал в фабианском духе, находился под влиянием идей Ф. Ницше, Ч. Дарвина и М. Ганди. С. Муса воспринимал социализм в качестве орудия познания многих проблем действительности. Он призывал к единению все образованные слои общества и народные массы в борьбе за политические и гражданские права, национальную свободу. Отрицая революционный путь борьбы, С. Муса пытался увязывать социализм с национально-освободительным движением и убеждал общество в целесообразности мирной эволюции страны от режима протектората до суверенного ее обустройства. Его представления о социализме имели абстрактный и расплывчатый характер. В достижении независимости он видел начальную ступень на пути мирного продвижения суверенного Египта к социализму [20].

Определенную известность в египетском обществе получили идеи, изложенные в опубликованных работах просветителей Ш. Шумайла, М. аль-Мансури, Н. аль-Хаддада. Они выступили против «большого количества глупостей и чуши, которую городили насчет социализма» и повели идеологическую борьбу против искажений понятия «социализма», которые допускали авторы некоторых статей в журналах «Аль-Хиял» и «Аль-Муктатаф». Эти мелкобуржуазные пропагандисты воспринимали социалистические идеи как общечеловеческие ценности и «не видели смысла в их «арабизации», как это

делали арабские интеллигенты» [21]. Так, например, Шибли Шумайил под социализмом понимал вмешательство правительства в жизнь и развитие общества. По его мнению, государство должно заботиться об обеспечении труженика работой и заработной платой, поддерживать общественное здравоохранение и народное просвещение.

Наиболее близкой по содержанию к классической социалистической теории была книга молодого учителя Мустафы Хасанейна аль-Мансури «История социалистических идей», опубликованная в 1915 году. В ней были отражены взгляды Карла Маркса, отмечена деятельность социалистов европейских стран. По мнению историка Г. Г. Косача, работа М. Х. аль-Мансури не могла оказать существенного влияния на общественную мысль Египта, так как египетское общество не было готово к восприятию марксистских идей, оно находилось на слабом уровне развития социально-классовых отношений. Тем не менее М. Х. аль-Мансури считают первым среди египетских пропагандистов социализма, кто признал социализм пригодным для египтян в борьбе против местной тирании и английского протектората.

Идеи социализма стали проникать в Египет в то время, когда освободительные выступления египтян начали приобретать социальный характер [22]. Памфлеты, книги, брошюры, газеты и прочие публикации египетских социалистов носили пропагандистский характер, содержали критику протектората и попыток англичан сохранить Египет под своим колониальным контролем и после Первой мировой войны. Пропаганда идей социализма у них сочеталась с религиозными лозунгами. В исламе и марксизме их привлекали постулаты о личной свободе, равенстве, единении и солидарности членов общества. Для них религия и социализм имели много общего, тем более что аль-Афгани признавал социализм частью исламской религии.

Вне зависимости от политических пристрастий в египетском обществе после окончания войны стали нарастать протестные настроения, охватившие практически все социальные слои. Довольно активными участниками этих выступлений были клерки административных и гражданских учреждений. Причиной их недовольства стали служебные и материальные проблемы. Политическая атмосфера в стране

накалилась весной 1919 года. 9 марта в Каире начались антибританские демонстрации студентов, во всех учебных заведениях столицы были прекращены занятия. К середине марта стихийным восстанием были охвачены многие провинции страны. В Каире и Александрии бастовали рабочие. По словам Абд ар-Рахмана ар-Рафии, восстание 1919 года «вызвало в обществе подъем сознательности и стремление к прогрессу... Более всего это было заметно среди простого народа, и это неудивительно, ибо именно он вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы и принес наибольшие жертвы. Поэтому он имел полное право принять большее, чем прежде, участие в общественной жизни» [23]. В отчете британской комиссии под председательством лорда А. Мильнера, созданной в Лондоне для выявления причин мартовского восстания 1919 года, было отмечено увеличение численности египтян-служащих среди бюрократии Египта. В целях экономии расходов на содержание аппарата госслужащих султанское правительство по указке британских советников стало удалять египтян с ответственных постов административной службы. На их место шли британские управленцы. Полностью отстранить от управления страной египтян не могли, определенная степень самостоятельности египетских администраторов сохранялась, особенно при решении местных проблем. В министерствах и ведомствах правительства основные посты были заняты англичанами. Конечно, национальный «интеллигентно-служилый» элемент испытывал чувство ущемленности собственного достоинства, проявлял недовольство и тем, что иностранцы занимали ответственные посты не только во всех ветвях административной власти, но и во многих гражданских учреждениях.

Показательным представляется замечание бывшего британского чиновника Леонардо Вульфа о службе в Египте. В автобиографическом очерке он охарактеризовал поведение соотечественников-сослуживцев, особо отметил ощущение ими своего превосходства в делопроизводстве над местным чиновничеством. Леонардо Вульф отмечал, что британцы «наслаждались» и «возбуждались» той властью и преимуществами, которыми они обладали на колониальной службе в Египте [24]. В общении с египетскими клерками высокомерные

британцы называли их плутами, мошенниками, презренными и прочими унижительными словами [25]. С одной стороны, деловое общение с квалифицированными британскими управленцами позволяло египетским чиновникам приобретать опыт в административно-управленческой деятельности. С другой стороны, ущемления по службе сказывались на настроениях служащих-египтян, вовлекая их в выступления против колониального режима. Многие из них поддерживали требования националистов о выходе Египта из Британской империи.

Участие в массовых демонстрациях и забастовках чиновничества и интеллектуальной части общества вызывало у британских колонизаторов беспокойство. Объяснить причины массового недовольства британские власти пытались, в первую очередь, внешней подрывной деятельностью, включая распространение в египетском обществе социалистических идей. Идеологи британского колониализма высказывали нелепые мысли о том, что Египет может стать «большевистским, если его требование независимости не будет удовлетворено» [26]. Очевидно, что подобные объяснения были далеки от действительности, а у советской России не было ни сил ни средств оказать патриотическим кругам Египта реальную помощь.

Под влиянием общественной активности египтян британским политикам 7 апреля 1919 года пришлось освободить из ссылки Саада Заглула и позволить ему выехать в Париж на мирную конференцию во главе делегации от Египта. Лидер египетских националистов Саад Заглул представил участникам конференции обращение с требованиями ликвидировать протекторат и вывести английские войска с египетской территории, предоставить Египту национальную независимость. Националисты возлагали большие надежды на поддержку их требований со стороны американского президента В. Вильсона, заявившего о готовности США стать гарантом права народов колоний и зависимых стран на самоопределение. Но державы-победительницы вместе с президентом США отказались удовлетворить требования египтян, а Версальским мирным договором узаконили британский протекторат над Египтом. Надежды националистов на исполнение англичанами обещания относительно предоставления Египту полной

независимости – рухнули. Заглул-паша заявил, что «египетский народ никогда не признает британского протектората и будет все время оказывать сопротивление британскому владычеству... Англичанам остается лишь истребить всю египетскую расу и угасить ее национальный дух винтовками и пулеметами» [27]. Текст речи Саада Заглула, которую он произнес 13 января 1919 года на мирной конференции в Париже, был отпечатан в подпольной типографии Каира и распространен по всей стране. Содержание речи стало основой для составления так называемого «мандата», в котором перечислялись национальные требования и содержался призыв к патриотам добиваться мирными и немирными средствами реальной независимости Египта.

Египетские историки Ш. А. аш-Шафии и А. Р. ар-Рафии убедительно доказали несостоятельность попыток британцев представить в качестве причин возникновения восстания 1919 года в Египте «руку младотурок и германских агентов» или «большевистскую тенденцию». Оба автора акцентировали внимание на деятельности националистов во главе с С. Заглулом. Антибританские массовые выступления египтян становились организованным проявлением их недовольства режимом британского протектората. Это были не стихийные выступления с грабежами и прочими бесчинствами, свойственными стихийным бунтам. Патриотическое движение приобрело политические черты.

Серьезной причиной роста освободительного движения стало известие о сговоре держав Антанты относительно раздела арабских территорий Османской империи. Соглашение Сайкса – Пико, подписанное 16 мая 1916 года представителями Англии и Франции, стало известно египтянам в декабре 1919 года благодаря публикации советским правительством секретных материалов внешнеполитического ведомства Российской империи. Среди опубликованных документов были договоры и соглашения Антанты, ущемлявшие интересы народов восточных стран. Большое впечатление на арабских националистов произвело Обращение правительства Советской России к трудящимся мусульманам Востока, признававшее их право самостоятельно решать вопросы национального суверенитета. Обращение было пере-

ведено на арабский язык. На Арабском Востоке его восприняли в качестве обращения властей новой России к арабам и как моральную поддержку требований о выводе оккупационных войск западных держав с их территорий. По поводу требований пересмотра кабальных договоров и соглашений, выдвинутых советским правительством, арабский журналист Насиб Нимр отмечал, что «разоблачением заговора против арабов» Россия морально поддержала угнетенные арабские народы [28]. Признание советским правительством права народов на самостоятельное устройство своей жизни «по образу своему и подобию» позволило историку Ш. А. аш-Шафии утверждать: «Впервые в истории человечества появилась великая держава, которая не хотела никого колонизовать, никого оккупировать, никого эксплуатировать, государство, которое встало на сторону всех освободительных сил мира. Это новое государство предложило Сааду Заглулу помощь оружием, но он испугался и ответил отказом» [29]. Лидер египетских националистов С. Заглун поспешил заявить, что «отрицательно относиться к коммунизму и большевизму, считая их невозможными для Египта» [30].

В ходе египетского восстания 1919 года патриотическое движение стало оформляться в политическую национальную партию Египта. Вначале эта партия организовалась в качестве небольшой группы под названием «Аль-Вафд аль-Мисри» («Египетская делегация»), ставшая известной под именованием Вафд. Вафдистское движение со временем превратилось во влиятельную политическую силу. Активный участник этого движения, либеральный историк А. ар-Рафии отметил активное участие в политическом движении и восстании 1919 года египетской интеллигенции, представителем которой он сам являлся и был в числе организаторов партии «Вафд».

Первая попытка египетских националистов революционным путем завоевать независимость оказалась неудачной. Тем не менее, по признанию Г. А. Насера, она стала серьезным фактором мобилизации египетского народа на новые революционные выступления [31]. Демонстрации, забастовки, митинги протеста против протектората продолжались во многих городах. В сельской местности феллахи созда-

вали вооруженные отряды, которые принимали участие в столкновениях с войсками колонизаторов. В 1919 – 1921 годы в Египте состоялось более 80 забастовок, в каждой из которых участвовало от 2000 до 2500 человек [32]. Египетский пролетариат принял участие в этих выступлениях, но он был слишком слаб, немногочислен и не мог кардинально повлиять на ход революционной борьбы. По переписи 1917 года в промышленности и на транспорте страны было занято чуть больше 640,3 тыс. человек [33]. Патриотически настроенные интеллигенты искали пути к сближению социально-активной части населения с рабочим движением, поскольку рабочий класс и другие социальные группы египетского общества сталкивались с бесправием и растущим гнетом со стороны иностранного капитала.

Сближению позиций интеллигенции, средних слоев и пролетариата способствовала высокая степень их территориальной концентрации в городах, где проживало большинство лиц физического и умственного труда [34]. Накануне и в годы мировой войны наметилась тенденция роста численности городского населения. Наиболее крупным городом страны стал Каир: в 1910 году в нем проживало 657 тыс. человек, а через 10 лет его население достигло 875 тыс. человек. Прирост столичных жителей составил 200 тыс. человек, или 20,5 % (для сравнения: к концу XX века количество жителей Каира достигло 20,5 млн человек) [35]. Рост населения египетских городов оказался тесно связан с экономическим развитием государства и стал свидетельством общего прогресса страны после получения независимости. Крупные города (Каир, Александрия, Порт-Саид, Исмаилия) стали основными центрами сосредоточения органов государственной и гражданской служб, трудового населения и средних слоев, среди которых особое место заняла интеллигенция.

Политический климат в Египте начала XX века создавал условия для пополнения рядов местной интеллигенции за счет выходцев из других стран. В Египте нашли прибежище многие политические эмигранты из стран Европы и Ближнего Востока. Среди них оказался иракский поэт Абд-аль-Мухсин аль-Казим, переселившийся в Египет в начале XX века. В своих стихах он отразил важнейшие события

борьбы египетского народа за национальное освобождение. Александрия стала местом спасения от преследований царизма для некоторых участников революционных событий 1905 – 1907 годов в России. В военные годы эмигрантские ряды пополняли военнопленные, бежавшие из немецкого и турецкого плена. В январе 1917 года в Александрии нашли спасение моряки русского крейсера «Пересвет», о судьбе которых говорилось выше. Среди русских моряков оказались и большевики, некоторые из них присоединились к кружкам местных социалистов и в 1920 году стали причастными к объединению кружков в социалистическую партию Египта. Из-за опасений «растлевающего влияния» большевистской пропаганды на местное население англичане ввели запрет на ввоз в Египет большевистской «Искры» и других газет из России [36]. К 1917 году в Египте насчитывалось около четырех тысяч русских иммигрантов, преимущественно представителей интеллигенции. Египет привлекал тем, что еще с 1774 года здесь сохранялся режим капитуляций, на русских подданных не распространялась юрисдикция местных властей, они были подсудны консульским судам своей родины.

Одним из привлекательных центров для русских эмигрантов стал Каир. В 1910 году в египетской столице появился Русский клуб, созданный русской общиной Египта (просуществовал до 1980 года). В клубе функционировала библиотека, организовывали концерты, ставили спектакли, читали лекции по разным дискуссионным вопросам. В Гелиополисе, пригороде Каира, русские врачи-эмигранты организовали поликлинику, при которой был устроен домовый храм в честь святителя Николая. Приток русских эмигрантов заметно вырос после Октябрьской революции и гражданской войны в России. Белогвардейские эмигранты в 1922 году построили православную церковь. Иконостас храма был выполнен по эскизам русского графика Ивана Билибина, жившего в эмиграции в Египте с 1920 года. Пятилетнее нахождение здесь было плодотворным для художника. В Египте он создавал картины, давал уроки живописи молодежи. Его картины на сказочные сюжеты, отличавшиеся оригинальностью и яркими крас-

ками, скупали лица, проживавшие в Египте, и распространяли среди любителей изящных искусств [37].

Египетская интеллигенция, представители писательских и журналистских кругов проявили повышенный интерес к революционным переменам в России. Газеты и другие печатные издания, сообщавшие сведения о России, попали под строгий надзор колониальных властей. В марте 1920 года Каирское бюро печати, контролируемое англичанами, направило в редакции египетских газет письмо с требованием прекратить печатать сообщения о России и революционных выступлениях в Египте в целях сохранения «общественной безопасности». Англичан особо беспокоило проявление египтянами симпатий к Советской России, осуждавшей и отвергавшей все формы колониального угнетения. Египетские патриоты видели в новой России страну, испытывавшую на себе давление ведущей мировой державы того времени. Советскую Россию зависимые народы воспринимали как противовес колониальной политике этой державы, союзника в их борьбе за национальное освобождение. Египетские патриоты наряду с требованием реформ и конституции стали призывать свои султанские власти к признанию правительства Советской России и восстановлению официальных отношений [38].

Корреспонденты информационных агентств «Рейтер» и «Гавас» впоследствии признали, что британские власти и подконтрольные им СМИ, которые по существу «делали» в стране «общественное мнение» (широкие массы газет не читали), стремились представить Россию страной, в которой, кроме землетрясений, наводнений и пожаров, вообще ничего нет [39]. По этому поводу Максим Горький с сарказмом заметил, что «пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей – уровня и без ее помощи низкого» [40]. Свою пропагандистскую практику западные журналисты и их покровители распространяли на все зависимые страны.

Британских политиков и идеологов беспокоил рост увлеченности молодого поколения Египта философскими идеями и идеологическими течениями – социализмом и марксизмом. В годы Первой миро-

вой войны публицистическая активность египетских журналистов и литераторов способствовала популяризации этих идей в интеллигентской среде. Среди интеллектуалов выделялись Мохаммед Абдалла Энан, Сафван Абу аль-Фатх, Хусни аль-Ораби, Антуан Марун, тесно связанные с процессом зарождения рабочего движения в Египте. При их участии в Александрии и некоторых других городах страны появились марксистские кружки, которые в 1920 году объединились в социалистическую партию. Среди ее организаторов был и выходец из России Насиф Розенталь, один из активистов профсоюзного движения в Египте. С присоединением к Коминтерну социалистическая партия Египта с 1923 года стала именоваться коммунистической, в ее рядах состояло до двух тысяч членов. Коммунисты приняли участие в создании Всеобщей конфедерации труда Египта, объединившей более половины профсоюзов страны (55 – 60 тыс. человек) [41].

Вафдисты смогли перехватить общественно-политическую инициативу у исламистских националистов, социалистов и других политических соперников и определить дальнейший ход событий в стране. Английский историк Юнг писал, что это стало возможным потому, что в 1919 году египетские националисты изучали «методы русских коммунистов» [42]. Но вряд ли с этим утверждением можно согласиться. Отрицая революционные формы борьбы, лидеры партии Вафд склонялись к мирным переговорам с британцами о прекращении их протектората над Египтом. Скорее дело в том, что в условиях политической нестабильности и слабости основных политических сил, патриотически настроенная интеллигенция стала естественным центром притяжения всех недовольных существующим положением дел. Активность проявляла и армейская интеллигенция, представленная в основном молодым офицерством. Англичанам не удалось изолировать египетскую армию от народа, что привело к укреплению в армии национально-патриотических настроений. Во время волнений периода «пробуждения Азии» офицерство египетской армии сочувственно отнеслось к требованиям интеллигенции и студенчества Каира. Неслучайно военное командование англичан ограничивало участие египетской армии в боевых действиях во времена Первой мировой вой-

ны. Египетский историк А. Хамруш по этому поводу писал, что англичане сознательно не вводили в боевые сражения египетские формирования на фронтах войны Ближнего Востока и Северной Африки. Они «отдавали себе отчет в том, что патриотические настроения в египетском народе столь сильны, что это было бы чревато для них опасностью» [43]. В лице египетской армии, способной приобрести боевой опыт, британцы опасались встретить в будущем грозного противника при сохранении протектората над Египтом.

Революционные выступления народных масс, рост патриотических настроений в национальном обществе Египта оказывали влияние на армейское офицерство, ряды которого пополняли выходцы из средних городских слоев и чиновничества, мелкой буржуазии и феллахов. Нередко египетские военные части привлекали к разгону мирных демонстраций, митингов и прочих выступлений за ликвидацию британского протектората. Офицеры стремились уклониться от участия в таких репрессивных акциях. Английская пресса, анализируя причины роста солидарности с антианглийскими выступлениями, была вынуждена признать: «Лишение Египта самостоятельности и самоуправления, а также беспощадное подавление мирных демонстраций военными силами окончательно восстановило против Британии даже умеренных египтян, желавших сотрудничать в управлении Египта с британскими войсками» [44]. В марте 1920 года на заседании Законодательного собрания под председательством Саада Заглул-паши была принята резолюция с требованием отмены британского протектората и провозглашения национальной независимости Египта и Судана. Это решение поддержали патриоты. Британцам пришлось признать неизбежность приближения «новой эры» своего присутствия в Египте.

Британцы считали свой протекторат над Египтом необходимым и оправданным. Для них было важно сохранить свое положение в стране неизменным. Однако в новых условиях встал вопрос необходимости поиска правового обоснования протектората. Окрепшая за годы мировой войны египетская буржуазия и ее интеллигенция начинали настойчиво требовать отмены протектората и вывода британских войск из страны. Революционный подъем 1919 года вынудил

британские власти вступить в переговоры с правительством Египта о перспективах развития англо-египетских отношений. Под воздействием разраставшегося освободительного движения британцы пошли на такой шаг. Египетские националисты возлагали большие надежды на позитивные результаты работы комиссии лорда Мильнера, в ее адрес направляли обращения с требованиями предоставить Египту независимость. В январе 1920 года газета «Times» сообщила, что шесть принцев из семьи султана обратились к лорду Мильнеру с письмом, в котором признавали требования египтян продиктованными «исключительно национальными и патриотическими чувствами» [45].

В 1920 году комиссия лорда Мильнера представила британскому правительству подробный отчет о проделанной работе. Документ содержал ряд предложений, которые могли быть учтены в отношениях между Египтом и Великобританией. Среди предложений комиссии лорда Мильнера были следующие положения: 1) признание Великобританией независимости Египта; 2) предоставление властями Египта привилегированного положения Великобритании в долине Нила и обеспечение свободного передвижения англичан по египетской территории; 3) сохранение английского военного контингента в зоне Суэцкого канала и в других частях Египта для охраны транспортных путей; 4) наделение Египта правом свободного сношения с другими государствами и заключения с ними договоров и соглашений, не противоречащих английским интересам; 5) необходимость присутствия в Каире, столичном городе Египта, британского комиссара, за которым сохранялось право вето в египетском законодательстве относительно иностранцев; 6) сохранение английских чиновников и советников на египетской службе, а в случае увольнения – гарантированная выдача компенсации за счет египетской казны [46].

Британцы осознавали, что им придется столкнуться с серьезной проблемой: либо отказаться от протектората над Египтом, либо удерживать его грубой силой, вызывая растущую ненависть со стороны египетской оппозиции. Британцам приходилось учитывать и тот факт, что под влиянием Октябрьской революции 1917 года в России сложи-

лась новая международная ситуация, появились благоприятные условия для освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран. Принималось во внимание и то обстоятельство, что среди верхов египетской бюрократии и крупной буржуазии сохранялась готовность сотрудничать с британскими оккупантами в управлении страной. Поэтому миссия лорда Мильнера предложила своему правительству воспользоваться благоприятным моментом «для удовлетворительного и прочного решения в виде такого взаимного договора, который в то же самое время установит независимость Египта и обеспечит существенные интересы Англии. Это, вне всякого сомнения, выгодно для обеих сторон, и мы настойчиво советуем правительству начать переговоры с египетским правительством для заключения договора на указанных основаниях».

По мнению лорда Мильнера, для британцев было бы благоразумным пойти на уступки египетским националистам и заключить с ними взаимоприемлемые соглашения. По ним Великобритания была бы обязана защищать целостность и независимость Египта, который в свою очередь должен был принять руководство и покровительство Лондона в иностранных делах и предоставить Туманному Альбиону известные права на египетскую территорию [47]. Переговорами между лордом Мильнером и Заглул-пашой британское правительство стремилось отвлечь внимание египетских националистов от внутренних социальных и политических проблем и тем самым ослабить напряженность в национально-освободительном движении Египта.

Оппозиционность египетской интеллигенции была умеренной, и только малая часть новой интеллигенции проявляла революционность. На этом и строился расчет комиссии лорда Мильнера. Справедливость суждений британского дипломата подтверждают и выводы современных исследователей. Так, Г. И. Мирский отметил: «По своей психологии, по своему «европейскому», т. е. буржуазному, образу мыслей, по своим собственным связям и житейским привычкам молодая интеллигенция в значительной, а возможно, и преобладающей части ушла от правящей элиты». Ученый писал, что «вчерашие студенты получают доступ к привилегиям, носителей которых они

пылко обличали, и молодая интеллигенция, воспитанная в том же духе, что и нынешние министры, пополняют ряды бюрократической буржуазии. Эта прослойка, как и всякая бюрократия, воспроизводит самое себя, – в этом секрет ее живучести» [48].

Еще одним аргументом в пользу новых правил англо-египетских взаимоотношений стало проникновение в ряды военнослужащих египетской армии антибританских и революционных настроений. Британцы уже не рассчитывали на использование армейских частей в подавлении массовых демонстраций и забастовок в Каире, Александрии, Порт-Саиде и других городах страны. В национально-освободительном движении стала проявляться особая роль армии и его офицерства. Г. И. Мирский писал: «В годы английского господства армия не была армией национальной, она находилась под английским контролем и использовалась в интересах английского империализма. Никакого ореола национальной, патриотической силы у нее не могло быть; лишь в кавалерийских войсках служили сыновья некоторых богатых людей» [49]. Доступ к офицерской службе для большинства египтян был затруднен. В. В. Черновская писала: «По переписи 1907 – 1917 гг. только 0,2 % всех юношей в возрасте от 15 до 19 лет имели образовательный уровень, необходимый для служебной карьеры офицера. Офицерами в эти годы могли стать лишь выходцы из состоятельных семей, так как плата за обучение, начиная с начальной ступени, была барьером для неимущих и большей части средних слоев Египта. При присвоении высшего звания в египетской армии учитывалась лояльность офицера к оккупационному режиму. Поэтому египтяне получали высшее звание после длительной проверки и, как правило, в зрелом возрасте. Британские колонизаторы при этом руководствовались принципом политики «разделяй и властвуй», учитывали и религиозную принадлежность кандидата на офицерское звание. Так, в 1906 – 1908 годы в военных училищах 21 % учащихся составляли христиане-копты, которых в стране проживало до 6 % населения» [50]. Противопоставляя мусульман коптам, британские власти стремились внести раздор на религиозной основе между группами египетского офицерства и изолировать их от участия в общественной жизни страны.

Со временем ситуация начала меняться. Пополнение офицерского корпуса за счет выходцев из непривилегированных классов – детей средних и мелких служащих, мелкой буржуазии и крестьянства – вело к изменению социального облика армии. На высших постах оставались офицеры старой школы, связанные с правящей элитой общим происхождением. Они стремились не допустить перемен в армии и стране. Молодое офицерство, напротив, было сторонником перемен и реформ, вовлекалось в общественно-политическую жизнь страны, ему были понятны интересы народа. В целом офицерство как образованная часть общества стало средой для распространения национально-патриотических идей. Армейская интеллигенция, представленная в основном офицерством, становилась влиятельной и наиболее организованной общественной силой Египта.

За годы войны национальная интеллигенция политически окрепла. В ее рядах возросла доля профессиональных специалистов, представителей творческих профессий. К окончанию мировой войны в стране насчитывалось до 10 тыс. образованных и профессионально подготовленных людей интеллектуального труда. Среди них было немало иностранцев – греков, итальянцев и выходцев из других европейских стран, осевших в Египте. Появлялись беженцы из России, большинство из них оказались в Каире и Александрии. В результате социально-экономических и культурных перемен, происходивших в стране, доля лиц с высшим образованием в составе активного населения стала возрастать [51].

В послевоенные годы в Египте быстрыми темпами развивались капиталистические отношения, крепились позиции национальной буржуазии, углублялись ее противоречия с колонизаторами. Одновременно шло революционизирование народных масс, на политической арене страны появился мелкобуржуазный национализм.

Позиции британцев были серьезно подорваны рядом внешних факторов. Например, освободившись от конкурентов в лице Германии и Турции на Арабском Востоке, британцам пришлось столкнуться с новыми серьезными соперниками. Одним из них становились США. При военном и экономическом превосходстве Великобритании аме-

риканцы стремились идеологически «обрабатывать» египетскую интеллигенцию, протестовавшую против протектората и присутствия британских оккупантов в Египте. В 1919 года в Каире был открыт Американский университет, ставший отделением Вашингтонского университета. Средства на его содержание составили денежные суммы правительства США, а также субсидии «Фонда Форда» и частные пожертвования. Новое учебное заведение Каира превратилось в центр идеологической обработки египетской молодежи; его задачей была подготовка кадров по общественным и точным наукам, американской (английской) и арабской филологии. Американцы стали использовать выпускников университета в качестве «проводников» своих идей в среду сторонников культурного, политического и экономического египетско-американского сближения. С идеологическим проникновением в Египет США связывали надежды на утверждение своих политических и военно-стратегических позиций в районах Арабского Востока.

Ослабление позиций британского колониализма в Египте отражено в работах египетских историков А. Р. ар-Рафии и Ш. А. аш-Шафии. В них содержатся свидетельства о непопулярности среди египтян присутствия на их территории британских войск и засилья иностранных чиновников в административно-управленческих учреждениях страны. Видимо, в знак неприятия проанглийских порядков правления в стране во времена подъема национально-освободительного движения египетские патриоты называли местные органы власти русским словом «советы». Любопытным представляется факт, отмеченный историком В. Г. Трухановским в его политической биографии сэра Уинстона Черчилля. В 1921 года У. Черчилль в качестве министра по делам колоний британского правительства проявил инициативу по организации в Каире совещания английских колониальных деятелей, действовавших на Ближнем Востоке. Участники совещания должны были обсудить проблемы состояния и перспективы развития арабских территорий бывшей Османской империи. На пути следования до Каира, места проведения совещания, участники встретились с открытым проявлением ненависти к британскому протекторату над Египтом со стороны местного населения. Неприятности для англичан начались со

встречи в Александрии У. Черчилля и его ближайших сотрудников с жителями города. Толпа александрийцев перебила камнями все окна вагонов поезда, выделенного участникам совещания для поездки в Каир. Полиции пришлось мобилизовать свои силы, чтобы обеспечить безопасность британского министра и его спутников на протяжении всего пути следования поезда. Последние километры маршрута к месту проведения совещания Уинстону Черчиллю пришлось преодолеть в автомобиле под усиленной охраной полиции [52].

Реакция египетского общества на появление в стране У. Черчилля вполне объяснима. В одной из своих первых речей вскоре после назначения на пост министра колоний У. Черчилль отнес Египет к разряду колоний Британской империи и заявил, что каждый вопрос относительно Египта будет рассматривать имперская конференция. Слова официального лица британцев вызвали взрыв негодования в Египте. В адрес премьер-министра Великобритании стали поступать телеграммы с протестами против высказываний министра колоний, который, по мнению египтян, «выразил принципы, совершенно отличные от того, что они ожидали от Англии». Египтяне считали своим долгом заявить, что единственно правильным решением египетского вопроса может стать предоставление их стране «безусловной независимости». Даже английская газета «New Statesman» от 10 января 1921 года признала, что присутствие британских войск в зоне Суэцкого канала для охраны имперских путей сообщения еще можно было оправдать, но постоянное содержание войск для охраны египетских железных и других путей сообщения «является простой оккупацией Египта» [53].

Протекторат над Египтом стал прикрытием реального господства Великобритании в Египте и на Ближнем Востоке. Среди политической элиты европейских стран было распространено мнение, высказанное еще в 1912 году. Французский граф Крессати тогда задал риторический вопрос: «Можно ли допустить, что англичане добровольно покинут одну из самых богатых стран в мире, обладание которой, чрезвычайно укрепляя их позиции на Средиземном море, дает им

ключ к Индии?» [54]. Система протектората англичан служила как сохранению власти над Египтом, так и удержанию под своим контролем стратегически и экономически важного Суэцкого канала.

Британский протекторат не мог сдерживать протестные настроения в египетском обществе, напротив, его сохранение породило новый подъем антианглийских выступлений. Рост протестной активности широких масс стимулировал буржуазию и ее интеллигенцию на выступления против протектората и засилья английского капитала в национальной экономике Египта. Британцы столкнулись с решительными выступлениями египетского народа за изгнание оккупационных войск и ликвидацию протектората. Национально-патриотические силы общества нашли поддержку со стороны патриотической части египетской армии.

Поскольку антианглийские выступления египтян приобрели массовый характер, оккупанты были вынуждены идти на маневры, заботясь о сохранении своего присутствия в Египте. Влиятельными проводниками их интересов стали осевшие на постоянное жительство в Египте выходцы из Англии, Франции, Германии и Италии. Некоторые из них находились на государственной или гражданской административной службе. Русский писатель С. Я. Елпатьевский, посетивший Египет в 1909 году, обратил внимание на следующий факт: европейцы, строящие карьеру в Египте, «все время думают только о том, чтобы вернуться на свою родину, но огромное большинство иностранных людей, из которых создается иностранная улица Каира, оседают там навсегда» [55].

Необходимость внесения изменений в систему межгосударственных отношений осознавали даже англичане. Любопытны высказывания британского корреспондента британской газеты «Times» – «рупора» официального Лондона. В. Чирол, близкий к окружению английского правительства, слыл знатоком Ближнего и Среднего Востока. Во время нахождения миссии лорда Мильнера в Египте он принял активное участие в деятельности его комиссии. На страницах своей газеты В. Чирол бескомпромиссно пытался доказать необходи-

мость реализации предложений комиссии лорда Мильнера о перестройке англо-египетских отношений. В некоторых публикациях журналист высказал соображения относительно сохранения позиций Англии в подконтрольном протекторате и поддержал идеи о предоставлении египтянам права участия в работе в органах административно-управленческих структур власти Египта. По мнению корреспондента, британцам следовало бы «употребить все меры, чтобы вызвать доверие со стороны местного населения к Англии», хотя бы прибегнуть «к такому героическому средству, как замене выражения «протекторат». По-арабски слово «химаэт» имеет также значение «покровительство», поэтому оно особенно было несимпатично арабам, ввиду несколько презрительного значения. Приемлемым выражением могло бы стать «соглашение» или “союзный договор”» [56].

В конце 1921 года по призыву египетских националистов по всей стране начался бойкот английских учреждений и европейских товаров. Египтяне проявили сплоченность и стойкость в новых выступлениях. В результате этой борьбы Египет смог добиться серьезной уступки со стороны колонизаторов. 28 февраля 1922 года англичанам пришлось официально заявить об отказе от протектората и «даровать» стране конституцию. Египет стал конституционной монархией. Однако признание независимости предусматривало ряд серьезных ограничений. В целях защиты интересов иностранцев египетское правительство соглашалось сохранить за англичанами посты финансового и судебного советников, им предоставлялись такие же права и привилегии, какими они пользовались до отмены протектората. Под контролем англичан оставались полиция и армия. Верховный английский комиссар, с когортой советников и специалистов, продолжал хозяйничать в стране. Египет оказался настолько «независимым», что даже сторожей маяков национальное правительство не могло назначать самостоятельно. Некоторых офицеров, служивших раньше в Судане, не принимали в состав египетской армии из-за запретов английского резидента [57].

Следует признать, что английское правительство мало интересовало проблемы египетской независимости. В большей мере его волновали вопросы, связанные с Суэцким каналом и капитуляциями, с сохранением своего господства над Суданом. Для Великобритании Судан был важен по той причине, что англичане намеревались создать в этой колонии огромную хлопковую плантацию и тем самым компенсировать потерю египетского хлопка суданским сырьем, которое по качеству было лучше. Великобритания сохранила за собой полную свободу в решении таких вопросов, как защита английских путей сообщений, защита иностранцев на египетской территории, охрана Египта от иностранного вмешательства или нападения. Сохранялось присутствие британских войск, прежде всего, в зоне Суэцкого канала и долине Нила, что позволяло Лондону вмешиваться во внутренние дела Египта. С прекращением англо-египетского кондоминиума Судан перешел под полное управление английского генерал-губернатора. Сохраняя Судан под своим контролем, Британия получила и рычаг давления на правительство Египта, угрожая в любой момент лишить страну воды, так как истоки Нила находятся в Судане. Так что английская декларация 1922 года о независимости для Египта стала формальностью, страна осталась связанной кабальными соглашениями, а на ее территории сохранялись оккупационные войска, что делало независимость фиктивной [58]. Арабская газета «Иттихад» в одной из своих статей признала: «Для каждого человека должно быть вполне ясно, что независимость Египта, объявленная в декларации 1922 года, может быть уничтожена простым росчерком пера, поскольку англичане будут продолжать оккупировать страну» [59].

Даже после провозглашения конституции 1923 года Великобритания могла по существу сохранить негласный протекторат над Египтом. Англичанам было предпочтительнее иметь дело с национальной буржуазией и богатыми египетскими феодалами, чем сталкиваться с радикальной общественно-патриотической массой страны. Конституционная монархия создавалась для борьбы «против всякой попытки введения более или менее демократического режима, а особенно про-

тив улучшения быта феодалов и рабочих» [60]. Так называемая «независимость» Египта давала возможность англичанам гарантированно сохранять свои интересы в египетской монархии. Метрополия не потеряла контроль над морскими и воздушными путями, соединявшими Средиземное море с Красным морем, Персидским заливом и Индийским океаном. В Египте она продолжала «держат в своих руках берега Суэцкого канала». Египет остался связанным крайне невыгодными договорами, английские войска сохранялись на египетской территории, а чиновники Англии контролировали деятельность египетского правительства [61].

Следует отметить, что Египет не испытал длительного колониального угнетения, непосредственного влияния западного колониализма со всеми его отрицательными и положительными сторонами воздействия на общественную и политическую жизнь страны. В условиях зависимости и при сотрудничестве с западной державой египетское общество могло воспринимать технические и культурные достижения цивилизации Запада, либеральные и реформаторские идеи. Признавая целесообразным заимствование экономических, культурных и политических новшеств, духовенство страны считало необходимым привести их в соответствие с нормами ислама – незыблемыми устоями мусульманского общества.

За годы войны в Египте окрепли позиции национальной буржуазии. Модернизация в определенной мере способствовала ослаблению зависимости страны от иностранного капитала, появлялись более-менее приемлемые условия для предпринимательской деятельности. Ведущая политическая партия Вафд высказывалась за реформирование административно-управленческого аппарата страны, для того чтобы ослабить авторитарное государственное управление.

С обострением социальных противоречий египетская буржуазия стала отходить от национально-освободительного движения, а после мартовского восстания 1919 года выступила за сворачивание революционно-политического процесса. Национальная интеллигенция все больше склонялась к соглашательству и пропаганде идей компрадор-

ской буржуазии, ослабевали ее связи с народными массами (феллахами, ремесленниками, торговцами города и лицами наемного труда). После объявления англичанами декларации о формальной независимости египетская буржуазия и ее интеллигенция пошли на сближение с либеральной аристократией и англичанами. Интеллигенция постепенно становилась рупором идей блока национальной буржуазии и либеральных помещиков, отдаваясь от коренного населения. Слабее стали звучать призывы к освобождению страны из-под контроля и господства иностранного капитала.

Мысли о путях и перспективах национального развития продолжали проявляться только в поэтических и прозаических сочинениях поэтов и писателей, в публицистических статьях журналистов и общественных деятелей Египта. Настрой общества тех лет отразился в сочинениях известного египетского писателя лауреата Нобелевской премии Нагиба Махфуза. Его творчество, отличавшееся гуманистическими взглядами, реалистично отразило острые социальные проблемы, возникшие при расслоении общества Египта. Мечты об освобождении от нищеты, бедности и бесправия, существовавшие в народе, среди интеллигенции времен господства англичан отражены в его прозе. Нагиб Махфуз полагал, что, как только просвещенные умы Египта приобщат массы к знаниям, то египтяне смогут приобрести способности к освобождению от произвола иноземных оккупантов и режима тирании ради достижения лучшей жизни. В романе-притче «Предания нашей улицы» Нагиб Махфуз писал, что люди, вынужденные терпеть несправедливость, сохраняют надежду, повторяя: «...придет конец произволу – вслед за ночью наступит день, увидим мы и на нашей улице гибель тиранов и зарю света и чудес» [62].

Соглашательство египетских властей и интеллектуалов позволило британцам сохранить Египет под своим контролем. Претензии египетской интеллигенции на роль силы, способной содействовать консолидации общественных сил в борьбе за национальную независимость и освобождение от произвола султанских властей, были исчерпаны. Идеино-патриотическое лидерство в освободительном дви-

жении стало переходить к армейскому офицерству, что в будущем определило его место и роль в истории страны.

Непоследовательность и разобщенность интеллигенции привели к победе соглашательских настроений, что в конечном итоге снизило возможности интеллектуальной элиты влиять на широкие народные массы. О ситуации в Египте того времени Гамаль Абдель Насер вспоминал: «Если во время революции 1919 года египтяне говорили еще: «Полная независимость родины или смерть!», то потом стали говорить: «Лучше оккупация через хедива Сидки, чем независимость через Адли-пашу!». Народ потерял ориентир, он видел, что главная опасность таится именно в военной оккупации» [63].

Свою услужливость и верность оккупантам султанские власти Египта проявили в расправах над участниками революционных выступлений 1919 – 1921 годов. Многие из них – представители городских слоев и интеллигенции, студенты и учащиеся – были приговорены к тюремному заключению. Некоторые активисты были вынуждены бежать в другие страны. Среди эмигрантов был известный активист борьбы против протектората Ахмед Сайид, более известный под псевдонимом Хамди Селям. С 18-летнего возраста он привлек внимание общественности убедительным обличением произвола британцев в Египте, стал членом Египетской коммунистической партии, а после ее разгрома эмигрировал в Советский Союз. Здесь он обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока, получил высшее медицинское и гуманитарное образование. Со временем Хамди Селям стал авторитетным востоковедом и писателем, рецензентом и переводчиком многих научных трудов с русского языка на арабский [64].

С советским государством связали свою судьбу и другие египетские общественные деятели (А. Х. Хусейн, М. А. Нейруз, Х. Шабай, А. Р. Фадль, Х. Хасан и другие). Они стали публицистами и со-трудниками газет и научных журналов.

Список библиографических ссылок

1. Великая война. Иллюстрированная хроника. М., 1915. Ч. I. С. 16.
2. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914 – 1918 гг. / пер. с нем. А. А. Сечина. М., 2014. С. 158.
3. Великая война. Иллюстрированная хроника. М., 1915. Ч. I. С. 305.
4. *Хамруш А.* Указ. соч. С. 55.
5. *Ар-Рафш А.* Указ. соч. С. 35.
6. *Там же.* С. 41 – 42.
7. *Кошелев В. С.* Из истории тайных антибританских организаций в Египте (1870 – 1924) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 115 – 116.
8. *Ар-Рафш А.* Указ. соч. С. 91.
9. *Ли В. Ф.* Средние слои в социальной структуре освободившихся стран Востока // Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975. С. 28.
10. *Голдобин А. М.* Национально-освободительная борьба народов Египта 1918 – 1936. М., 1989. С. 35.
11. Бюллетень НКВД. 1922. № 111. С. 34 – 35.
12. Новейшая история арабских стран Африки. 1917 – 1987 / отв. ред. В. В. Наумкин. М., 1990. С. 5, 7.
13. См.: *Луцкий В. Б.* Англия и Египет. М., 1947.
14. *Аш-Шафш Ш. А.* Указ. соч. С. 56 ; Бюллетень НКВД. 1921. № 83. С. 31.
15. *Васильев А. М.* Египет и египтяне. М., 1972. С. 225.
16. См.: *Нестеров Ф. Ф.* Общественная мысль в Египте с конца XIX по тридцатые годы XX в. // Труды Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. М., 1968. Т. XXXII. С. 80 – 82.
17. *Примаков Е. М.* Восток после краха колониальной системы. М., 1982. С. 75.
18. *Сагадеев А. В.* Ислам и Арабский Восток : науч.-аналит. обзор. М., 1980.

19. Сагадеев А. В. Философское наследие мусульманского мира и современная идеологическая борьба : науч.-аналит. обзор. М., 1987. С. 6, 8 – 9.

20. Волгин В. Я. Некоторые проблемы истории коммунистического движения (по работам Р. Саиди) // Великий Октябрь и актуальные проблемы арабского мира / отв. ред. Е. А. Лебедев. М., 1979. С. 88 – 89 ; Махмуд Амин Аль-Алим. Указ. соч. С. 123.

21. Хёпп Г. К вопросу об истории социалистической мысли в арабских странах (до 1917 г.) // История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973 С. 280 ; Hourani A. Arabic Thought in the Liberale age, 1798 – 1939. N. Y., 1962. P. 252 – 253.

22. Косач Г. Г. Формирование коммунистического движения на Арабском Востоке (Египет, Сирия, Ливан – 20 – 30-е годы) // Революционный процесс на Востоке. История и современность. М., 1982. С. 240 – 241.

23. Ар-Рафши А. Указ. соч. С. 415.

24. Wolf L. Growing an Autobiography of the years 1904 – 1911. N. Y., 1961.

25. Arent H. The Origins of Totalitarism. N. Y., 1958. P. 211.

26. История Востока. В 6 т. Т. 5. Восток в новейшее время (1914 – 1945 гг.) / отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 2006. С. 189 – 190 ; Голдобин А. М. Указ. соч. С. 9 – 11 ; Ленин и национально-освободительное движение в странах Востока. М., 1970. С. 478.

27. Известия. 1919. 29 ноября.

28. Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. I. С. 35 ; Аш-Шафши Ш. А. Указ. соч. С. 56 ; Советско-арабские дружественные отношения. М., 1961. С. 79 ; Якубов Н. Советский Союз и Арабский Восток // Международная жизнь. 1974. № 8. С. 27 – 28.

29. Аш-Шафши Ш. А. Указ. соч. С. 56.

30. Бюллетень НКВД. 1921. № 83. С. 31.

31. Nasser G. A. The Philosophy of the Revolution. Cairo, 1954. P. 10 – 11.

32. Известия. 1923. 31 января.

33. Международная жизнь. 1924. № 4. С. 47.

34. *Черновская В. В.* Интеллигенция и рабочий класс Египта в первой половине XX в. // Народы Азии и Африки. 1977. № 3. С. 83.

35. *Лебедев Е. А.* Проблемы урбанизации в странах Арабского Востока и Северной Африки // Арабский Восток и Магриб : сб. ст. М., 1977. С. 107.

36. *Френкель М.* Ленинская «Искра» в Египте // Азия и Африка сегодня. 1988. № 11. С. 10 ; *Макеев Д. А.* Россия – Африка: из истории дипломатических и торгово-экономических отношений (первая половина XX века). Владимир, 2011. С. 12 – 13.

37. *Аронина Н. В.* Египет и египтяне глазами художника И. Я. Билибина (20-е годы) // Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2014. С. 14 ; *Беляков В. В.* Русские беженцы в Египте // Азия и Африка сегодня. 1992. № 12. С. 61.

38. *Аш-Шафиш Ш. А.* Указ. соч. С. 66 – 67 ; *Густерин П.* Советско-египетские отношения в 1920 – 30-х годах // Военное обозрение. 2015. 21 дек.

39. ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 2. Д. 141. Л. 150 – 151.

40. *Горький М.* Собр. соч. В 12 т. Т. 12. Литературные портреты. Статьи. Речи. М., 1987. С. 512.

41. Политические партии Африки / отв. ред. В. Г. Солодовников. М., 1970. С. 198 – 199 ; *Беляков В. В.* Русские политэмигранты в Египте в начале XX века // Восточный архив. 2008. № 17. С. 47 – 48.

42. *Jung E.* Egypt. L., 1927. P. 231.

43. *Хамруш А.* Указ. соч. С. 54, 60.

44. Бюллетень НКВД. 1922. № 111. С. 34 – 35.

45. Бюллетень НКВД. 1920. № 1. С. 20.

46. *Там же.* № 57. С. 22.

47. Бюллетень НКВД. 1921. № 69. С. 38 – 39.

48. *Мирский Г. И.* «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976. С. 22 – 23.

49. *Мирский Г. И.* Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970. С. 45.

50. *Черновская В. В.* Офицерский корпус как социальная группа (1850 – 1952) // Народы Азии и Африки. 1975. № 3. С. 74 – 76.
51. *Черновская В. В.* Формирование египетской интеллигенции в XIX – первой половине XX в. М., 1979. С. 80 – 81.
52. *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 180 – 181.
53. Бюллетень НКВД. 1922. № 108. С. 15.
54. Цит. по: *Голдобин А. М.* Указ. соч. С. 280.
55. *Елпатьевский С. Я.* Указ. соч. С. 204.
56. *Мельник А.* «Новая эра» в англо-египетских отношениях // Международная жизнь. 1929. № 9 – 10. С. 66.
57. ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 2. Д. 141. Л. 135 – 136.
58. ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 2. Д. 78. Л. 243 – 244.
59. *Трояновский М.* Образование королевства Египет // Известия. 1922. 23 июня.
60. *Кильберг Х. И.* Египет в борьбе за независимость. Антиимпериалистическое национально-освободительное движение 1918 – 1924 гг. Л., 1950. С. 76.
61. *Китайгородский П.* Египет в борьбе за независимость. М., 1925. С. 41.
62. *Махфуз Н.* Избранные произведения : пер. с араб. М., 1992. С. 410, 618.
63. *Насер Г. А.* Проблемы египетской революции. С. 20.
64. *Моисеева К.* Хамди Селам // Азия и Африка сегодня. 1984. № 10. С. 48 – 50.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение второй половины XIX века правители Египта решились на кардинальную модернизацию всех сторон жизни страны, что вызвало изменения в национальной экономике, образовательной сфере и административном управлении. Реформы Мохаммеда Али и его преемников положили начало появлению предпосылок для достижения Египтом автономии в пределах Османской империи. В стране пирамид, в отличие от других провинций и регионов империи, складывались условия для развития национального капитала и зарождения капиталистических отношений. Можно согласиться с мнением профессора Принстонского университета (США) Ч. Иссави считающего, что в Египте в этот момент сложились все необходимые для этого условия. К ним он относил: однородность населения, его оседлый образ жизни и высокую плотность проживания, а также значительный уровень урбанизации, развитую систему ирригации и речного транспорта, сложившийся внутренний рынок, опыт централизованного управления и устоявшиеся «бюрократические традиции». Благодаря высокоразвитому аграрному хозяйству Египет длительное время обладал крупными излишками сельскохозяйственной продукции, что позволяло государству иметь значительные продовольственные резервы¹. Вместе с тем египетская казна не имела достаточных средств для осуществления реформ по модернизации основных сфер жизнедеятельности государства.

Реформаторство правителей Египта при ориентации на иностранные займы и заимствование экономического и политического опыта развития стран Запада проводилось в ущерб казне и национальным интересам. Финансовая зависимость от европейского капитала

¹ Кондаков А. Л. Рец. на кн.: Arab Resources: The Transformation of a Society. Ed. by I. Ibrahim // Народы Азии и Африки. 1985. № 1. С. 193.

облегчила путь к проникновению и засилью иностранцев в ключевых сферах национальной экономики, в административно-управленческом аппарате и армии Египта. Сдерживающим фактором в модернизации общественно-политической жизни, культуры и распространении среди населения современных знаний являлся ортодоксальный ислам. Тем не менее под воздействием контактов с иностранцами в культурной и общественно-политической жизни египтян стали происходить заметные сдвиги. Такие перемены были связаны с просветительской деятельностью и общественной активностью зарождавшейся в Египте национальной интеллигенции. Заметное место в обществе стало занимать наиболее организованное и современно просвещенное армейское офицерство.

Заметный вклад в становление национальной интеллигенции внесли религиозные реформаторы. Они призывали египтян перенимать у Запада не только научные и технические знания, но и его главные ценности (либерализм, индивидуализм, предпринимательство и т. п.), при сохранении мусульманами верности религиозно-нравственным ценностям ислама. Мусульманская вера, пронизывая все стороны жизни общества, нивелировала различия среди социальных слоев и классов Египта. Националисты воспринимали ислам как религию и культуру, но не разделяли притязаний духовенства на ведущую роль в политической жизни страны. Вместе с тем верность исламу и традициям нации сглаживала разногласия между различными политическими группами национально-освободительного движения.

Новая (буржуазная) интеллигенция Египта поддерживала выступления египтян против угрозы колонизации их территории иностранными державами. Однако в этот период, как заметил историк Ахмед Хамруш, египетская интеллигенция не верила в возможность массового народного движения. Особые надежды в национальном освобождении она возлагала на использование в национальных интересах «противоречий между империалистическими державами»². С расширением связей Египта с державами Запада возрастало воздей-

² Хамруш А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте : пер. с араб. М., 1984. С. 47.

ствии европейской культуры на умы формировавшейся интеллигенции. В то же время интеллигенция Египта отводила большую роль в распространении национально-патриотических настроений среди египтян реформированию традиционного образования. С реформированием образования, армии и системы административного управления было связано знакомство просвещенной части общества с политическими и философскими учениями стран Запада, что в свою очередь привело к появлению среди интеллигенции освободительных идей. Реформаторство в Египте постепенно начало приобретать антиколониальную направленность.

На политическое просвещение египтян оказывали влияние политэмигранты из европейских стран, при их участии в Египте появились первые марксистские кружки. Политэмигранты из России приняли участие в революционных выступлениях египетского народа. Некоторые из них оказались у истоков зарождения египетского социалистического и рабочего движения.

В общественной деятельности египетской интеллигенции проявлялось критическое отношение к политике британских, французских и других колонизаторов. В обществе негативно оценивали политику соглашательства хедивских властей Египта. Интеллигенция, выражая общественное настроение и критикуя капитулянтскую политику хедива, вносила свой вклад в пробуждение патриотических чувств и настроений в национальном обществе. В выступлениях против иностранцев патриоты Египта прибегали как к легальным методам борьбы против колонизаторов, так и к традиционно-нелегальным формам.

В хронологически обозначенный период Египет стал пространством взаимодействия восточно-мусульманской и западно-христианской цивилизаций. Благодаря таким контактам в Египте стали появляться элементы европейских ценностей, включая систему экономических и политических отношений, а интеллигенция стала выступать в качестве посредника между властью и народными массами. С обострением разногласий во взаимодействии между Египтом и европейскими державами роль национально-патриотических сил интеллигенции в общественной жизни страны усилилась.

После захвата Египта Великобританией в 1882 году и установления английского господства стал меняться социальный состав египетской интеллигенции. Во-первых, ее ряды пополнялись за счет представителей мелкобуржуазных и средних слоев общества. Во-вторых, развивался процесс политизации интеллигенции, проявившийся в стремлении пробудить соотечественников к борьбе с британскими колонизаторами. Единства среди интеллигенции не было, некоторые ее группы сохраняли исламофильские настроения, нетерпимо относились к существовавшему режиму. Панисламизм постепенно становился объединяющим фактором в выступлениях мусульман против колонизаторов. Часть интеллигенции составляли умеренные «западники», выражавшие интересы национальной буржуазии и либеральной аристократии Египта. «Западники» надеялись на участие и помощь англичан в реформировании и вестернизации своей страны. Внедряя западные стандарты в национальное образование, здравоохранение и культуру, британские оккупанты прибегали к методам культурно-идеологической экспансии. Все новшества воспринимались египтянами неоднозначно. Феодално-бюрократическая знать и близкая к ней аристократическая элита шли на сотрудничество с британской администрацией. Патриотическая часть общества, напротив, была готова сопротивляться колониальному режиму, выступать против оккупантов. В политической деятельности патриоты встречали поддержку со стороны национальной буржуазии, феллахов, городских средних и трудовых слоев египетского населения. Буржуазная интеллигенция, претендуя на лидерство в общественно-политической жизни страны, стала идеологом освободительного движения.

Как подтвердила практика, новая интеллигенция не могла серьезно повлиять на социально-политическую практику и политику колониальных властей. В определенном смысле слабость национальной интеллигенции объяснялась их разноконфессиональной принадлежностью. Национальная интеллигенция была представлена как мусульманами, так и коптами. Среди них не было антагонизма только в вопросе о национальной независимости. Их протестные выступления

были едины в связи с намерением британцев сохранить свой протекторат над Египтом и свои войска на египетской территории.

Отношение политической элиты к перспективам развития страны отличалось двойственностью: с одной стороны, элита придерживалась схожих с общемировыми подходами взглядов на конституционные реформы, а с другой – стремилась сохранить устоявшиеся формы и нормы политической жизни страны. Реформирование воспринималось элитой Египта в качестве комплекса мер, способных придать эволюционный, т. е. постепенный характер развитию страны. Неспособность стать самостоятельной политической силой общества египетская интеллигенция проявила накануне и в ходе восстания 1919 года.

За годы Первой мировой войны национально-освободительное движение Египта обрело политический характер, вершиной его развития стали мартовские события 1919 года. Революционная борьба египтян продолжалась и в последующие годы, приобрела масштабный характер в 1921 году. 28 февраля 1922 года британцам пришлось заявить об отказе от протектората и «даровать» Египту конституцию. Согласно этому документу Египет становился конституционной монархией, хотя негласный протекторат Великобритании над Египтом по существу сохранился. На выборах 1923 года в парламент, прошедших «без подтасовок и фальсификаций», влиятельная национальная партия Вафд одержала убедительную победу. Впервые правительственный кабинет был сформирован без участия британских советников, его возглавил Саад Заглул-паша. Однако Лондон сохранил полный контроль над финансами, внутренней и внешней политикой Египта.

Перед египетской монархией должны были открыться перспективы модернизации национальной экономики и политической надстройки. Однако решение этих задач не могло быть реализовано при сохранении английских оккупационных войск в Египте. Независимость, полученная страной в 1922 году и закреплённая конституцией в 1923 году, была фиктивной. Политическая, культурная и научная элита страны была удовлетворена ограниченной конституционной

уступкой со стороны колонизаторов. «Соглашатели» смирились с военным присутствием британцев. Партия Вафд из национально-патриотического лидера превратилась в соглашательский помещичье-буржуазный блок, объединивший группы окрепшей торговой буржуазии, финансовых дельцов и крупных феодальных собственников.

Египетская интеллигенция, как и олицетворявшая значительную ее часть партия Вафд, долгие годы рассуждала о конституционных реформах, что на практике вылилось в выбор мирного пути протеста против британского господства. Преувеличивая значение конституционализма, придерживаясь легальных форм борьбы за конституционные реформы, интеллигенция не смогла аккумулировать наиболее радикальные национально-патриотические силы. Еще в 1896 году один из идеологов египетской интеллигенции Мустафа Камиль говорил: «Интересы Египта требуют проповедников, ораторов, которые разъезжали бы по европейским столицам и другим городам, проявляя свои чувства, выражая взгляды, требуя свободы для своей страны». Такие ораторы и проповедники, по мнению М. Камиля, нужны были Египту, «чтобы вести нацию к благу»³. Длительный период между восстанием Ораби-паши и мартовской революцией 1919 года создал совершенно особый образ революционера в новой интеллигенции. Подтверждением этому стала революция во главе с Саадом Заглулом – первая серьезная попытка египтян добиться национальной свободы. Партия Вафд, как и сама интеллигенция, превратилась в выразителя интересов буржуазии, высшей бюрократии и обуржуазившихся помещиков страны.

С ослаблением позиций буржуазной интеллигенции за политическое лидерство в обществе стали соперничать многие общественно-политические группы и партии Египта. Активную роль начали играть радикальные группы националистов и сторонники традиционного ислама. Общество превратилось в «арену» противостояния между исла-

³ Цит. по: *Левин З. И.* Арабские страны // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX в.). М., 1973. С. 89 – 90.

мистскими «ортодоксами» и сторонниками реформирования ислама. Возникавшие тайные исламские организации прибегали к террористическим акциям. Влиятельной силой, сохранявшей готовность к продолжению борьбы за национальную независимость, оставалось египетское офицерство. Это хорошо осознавали британские оккупанты, а потому они стремились изолировать армейское офицерство от национального общества. Росту радикальных настроений среди офицерства способствовал тот факт, что его ряды пополнялись за счет выходцев из феллахов, мелкой буржуазии и средних городских слоев. Поэтому британцы стали строго контролировать прием в военные училища и академию. В военные учебные заведения Египта принимали сыновей только из семей благонадежных офицеров, крупных чиновников, доказавших преданность британским оккупантам. На этом фоне среди офицерства крепла решимость к поддержке антиколониальных выступлений народа. Политические взгляды армейского офицерства формировались в противовес практической деятельности многих политических партий, возникших в Египте в начале XX века.

Со временем значительная часть гражданской интеллигенции Египта приняла роль наблюдателя за борьбой египетского народа. В то же время радикальная ее часть проявляла политическую активность, вовлекая сотни людей в участие в демонстрациях. Ее лидеры произносили зажигательные речи, писали памфлеты и обращения к национальному обществу с призывами к организации уличных манифестаций. Труднее им было мобилизовать массы на решительные выступления против военного, политического и экономического господства британских колонизаторов. Национальная буржуазия при длительном иностранном господстве утратила качества «класса для себя», став «классом для колонизаторов»⁴. Находясь под покровительством британцев, компрадоры не могли и не решались мобилизовать народные массы на активные выступления за серьезные реформы со стороны колониально-феодалного режима.

⁴ Левковский А. И. Социальная структура развивающихся стран. Проблемы многоукладного переходного общества. М., 1978. С. 128

Объективные тенденции развития египетского общества в XIX – начале XX века обусловили процесс формирования и идеологического просвещения национальной интеллигенции. В Египте постепенно созревала общественная сила, выражавшая устремление нации к национальной независимости, самостоятельному определению пути экономического, культурного и общественно-политического развития страны. В новых условиях XX века египетская интеллигенция оказалась среди основных сил, стремившихся добиться права народа на самостоятельное решение проблем политического, социально-экономического, научно-технического и культурно-образовательного развития и реализацию самостоятельного внешнеполитического курса Египта. Реализовать свои потенциальные возможности национальная интеллигенция смогла значительно позднее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ВЕСТЕРНИЗИРОВАННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЕГИПТЕ	24
1.1. «Эпоха просветительства Мохаммеда Али»: истоки формирования новой интеллигенции Египта.....	25
1.2. Реформаторство преемников Мохаммеда Али	38
1.3. Просветители и лидеры зарождавшегося реформаторства... 48	
<i>Список библиографических ссылок</i>	<i>58</i>
Глава 2. ЕГИПЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	61
2.1. Египетская интеллигенция во время восстания А. Ораби-паши	61
2.2. Патриотическая деятельность египетской интеллигенции в годы британского колониального режима (1882 – 1901)	75
<i>Список библиографических ссылок</i>	<i>91</i>
Глава 3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ЕГИПЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	94
3.1. Рост патриотических настроений среди интеллигенции Египта на рубеже XIX – XX столетий	94
3.2. Общественно-политическая деятельность интеллигенции в эпоху «пробуждения Азии»	115
<i>Список библиографических ссылок</i>	<i>136</i>
Глава 4. ЕГИПЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БОРЬБЕ ПРОТИВ БРИТАНСКОГО ПРОТЕКТОРАТА (1914 – 1922).....	140
4.1. Интеллигенция Египта в годы Первой мировой войны	141
4.2. Политическая активность египетской интеллигенции в послевоенные годы	155
<i>Список библиографических ссылок</i>	<i>179</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	183

Научное издание

МАКЕЕВ Дмитрий Алексеевич

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ
РАЗВИТИИ ЕГИПТА (XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Монография

*На первой полосе обложки размещена фотография Каирской цитадели и гробниц
мамлюков П. Себа (ок. 1870)
(<https://www.flickr.com/photos/photohistorytimeline/4429967550>)*

Редактор Е. А. Лебедева

Компьютерная верстка Л. В. Макаровой

Дизайн обложки П. А. Некрасова

Выпускающий редактор Е. В. Невская

Подписано в печать 28.08.19.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 11,16. Тираж 50 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.